

Геннадий Левицкий

В плену страстей.

Женщины в истории

Рима

Добродетели и пороки

Историю всегда писали мужчины, делать ее предпочитали тоже они. Потому так мало женских имен мы находим в исторических источниках. Но они есть, и если пришли к нам сквозь толщу тысячелетий, значит, достойны, чтобы мы их знали, изучали и делали для себя выводы.

В истории Рима времен республики женщины почти не упоминаются; исключение составляют разве что весталки – жрицы одного из самых почитаемых культов. Ситуация вполне объяснима. Когда человечеству не требовались сенсации? Вот на страницы произведений античных авторов и попадали не хорошие матери или жены, а весталки, нарушившие обет целомудрия и похороненные за свой грех заживо. Не писать же о женщине, посвятившей свою жизнь домашнему очагу. Иных забот в республике на слабый пол и не возлагалось.

В императорский период писатели также проповедуют традиционные женские добродетели: покорность, благочестие, целомудренность, любовь к мужу, заботу о детях. Однако женщинам становится тесно в придуманных мужчинами рамках, их уже не удовлетворяет роль, отведенная общественным мнением. Если Ливия, жена Августа, и его дочь Юлия, согласно старинному римскому обычаю, прядут шерсть вместе с рабами, то это их не единственное и не главное занятие. Жены, ближайšie родственницы императоров желают пользоваться частью огромной власти их мужа, отца, брата и, в силу своих качеств и положения, наравне с мужчиной вершат судьбами мира.

Умные, образованные, энергичные представительницы слабого пола не только добиваются права на часть власти мужчин, но и ломают стереотипы о месте женщины в обществе. Многие из них пользуются огромным влиянием среди всех слоев населения империи, они становятся настоящими помощницами мужьям в деле управления государством. Эта несвойственная женщинам роль, как ни странно, воспевается античными авторами: наиболее яркий пример – Плотина, жена императора Траяна.

Не все женщины, оказавшись у власти, использовали свое положение на благо общества. Власть – этот монстр, исследуемый лучшими умами человечества и до конца непонятый, – меняет людей, и чаще всего не в лучшую сторону. Но что желать от хрупких существ, если подвиг Луция Корнелия Суллы, отказавшегося от власти на вершине своего могущества, сумели повторить лишь единицы на протяжении всей мировой истории.

Одержимые безумными мечтами, они несли на алтарь самой великой своей страсти все, что было святого в жизни, и собственные жизни. Они, запятнанные кровью близких родственников, поднимались на Олимп человеческих отношений, чтобы спустя недолгое время пасть жертвой, опять же – самых близких людей.

Их звезды вспыхивали ярким светом над миром, которым правили мужчины. Они пробирались сквозь законы и предрассудки, расталкивали локтями представителей противоположного пола, проникали на их сокровенную территорию, чтобы сказать свое властное женское слово на века и тысячелетия. И мужчины, которые считали себя единственными

творцами истории, восхищенно или покорно рукоплескали женщинам, занявшим их традиционное место.

Эта книга посвящена самым знаменитым римлянкам, но не только им. Биографии представительниц других народов несколько не лишние, ибо их имена неразрывно связаны с Вечным городом, они стали неотъемлемой частью римской истории. Эти амазонки боролись своим, женским оружием – умом и красотой – с самым могучим государством мира. Кто-то из них желал победить и уничтожить Рим, кто-то – видеть родину независимой от мирового хищника, кто-то – править Римом, а кому-то доставляло удовольствие просто грабить римлян.

Кто они, эти знаменитые женщины – враги Рима?

Тевта – царица Иллирии, превратившая своих подданных в пиратов и позволившая грубо обойтись с римскими послами.

Софониба – прелестная карфагенянка, которая своим телом завоевывала союзников родному городу. Ее усилия едва не изменили ход 2-й Пунической войны.

Жена Гасдрубала – карфагенянка, история последних минут жизни которой трагична и ужасна. Она оказалась мужественнее мужа-военачальника.

Клеопатра – египетская царица; раскрыть секрет ее успеха у самых знаменитых римлян – Цезаря и Антония – пытаются уже два тысячелетия. А была ли красива женщина, к ногам которой падали мужчины, правившие миром? Чем их соблазняла Клеопатра? Попытаемся разобраться и мы вместе с античными авторами.

Бодикка – британская царица, отплатившая за оскорбление грандиозным восстанием, из-за которого едва не закончило владычество римлян на острове. В ее биографии излагаются также некоторые интересные моменты из истории самой далекой римской провинции.

Римлянки в книге необычны и такие разные, но все они, так или иначе, обладали властью. Многие из них добились ее своим умом, хитростью, изворотливостью, и даже правили теми, кто правил Римом. Многие были красивы и использовали свою внешность как грозное оружие; некоторых и вовсе трудно назвать красавицами, но и они пользовались успехом у мужчин. Далеко не все отличались целомудренностью, скромностью и прочими чертами, которые хотели видеть в женщинах античные мужчины. Волевые, целеустремленные, обладающие нестандартным мышлением, они не обращали внимания на мужские условности, древние традиции и законы. Итак, кто эти римлянки, попавшие на страницы древних манускриптов и, соответственно, в нашу книгу?

Весталки – непорочные (иногда блудливые) жрицы очень почитаемой римлянами богини. Здесь же – история возникновения культа, множество небольших рассказов о женщинах с самыми большими правами в Риме и всего с двумя главными обязанностями: соблюдать девственность и поддерживать священный огонь.

Туллия Младшая – дочь предпоследнего римского царя. На какие поступки готова пойти женщина, страстно желающая стать царицей? Чье тело топтали копыта лошадей ее колесницы? Рассказывается и о том, как впервые в Риме была учреждена власть двух консулов.

Сервилия – происходила из рода, славного республиканскими традициями, но была самой преданной любовницей Гая Юлия Цезаря, идейного отца римских императоров.

Порция – дочь Катона, одного из главных врагов Цезаря, и племянница Сервилиии, любовницы Цезаря. Все – как в обычной гражданской войне, трагичной по определению. Но Порция определила свою судьбу: она должна последовать за мужем, что бы ни случилось.

Фульвия – жена трех самых известных римских авантюристов и первая в истории Рима женщина-политик; стала первой римлянкой, чье изображение появилось на монетах.

Октавия – сестра Октавиана Августа и жена Марка Антония; положительный образ римлянки времен крушения республики.

Ливия – третья жена императора Августа; он был вторым мужем Ливии. В совместном браке прожили 51 год.

Агриппина Старшая – жена Германика, самого популярного представителя императорского дома Юлиев – Клавдиев; мать Калигулы.

Мессалина – третья жена императора Клавдия; самая известная в истории развратница.

Агриппина Младшая – мать Нерона и последняя жена императора Клавдия, большого любителя вступать в брак с женщинами, совершенно негодными для семейной жизни.

Домиция – жена императора Домициана. Одинаковые имена, характеры и привычки – вовсе не залог счастливой супружеской жизни.

Плотина – благочестивая женщина и примерная супруга императора Траяна, как изображено у Плиния Младшего.

Сабина – жена императора Адриана; он был весьма умным и необычайно талантливым человеком, но любил кого угодно, только не собственную жену. В отместку она оставила императора без наследника.

Фаустина Старшая – жена добрейшего римского императора Антонина Пия. А вот за императрицей кое-какие грешки водились.

Фаустина Младшая – жена Марка Аврелия; ей несказанно повезло с мужем. Он терпеливо сносил и прощал многочисленные измены жены.

Луцилла – дочь Марка Аврелия, не унаследовавшая от отца ни одного из положительных качеств.

Марция – римская куртизанка, которая 10 лет пользовалась любовью жестокого непредсказуемого императора Коммода.

Юлия Домна – сирийская девушка, весьма необычным способом занявшая место на троне рядом с грозным императором Септимием Севером.

Юлия Меса – сестра Юлии Домны. Никто не мог даже представить, что эта старушка будет свергать и назначать императоров.

Юлия Мамея – дочь Юлии Месы; оказалась достойна своей матери. Эта женщина подготовила и

возвела на трон собственного сына Александра, но непомерное властолюбие сгубило и ее, и сына.

Галла Плацидия – дочь императора Феодосия, сестра императоров Гонория и Аркадия; за свою полную приключений жизнь успела побывать женой варварского короля и римского императора.

Юста Грата Гонория – дочь Галлы Плацидии; была не в восторге от судьбы монашки, навязанной ей насильно. Коварная затворница вознамерилась «купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства».

Амаласвинта – королева остготов, захвативших Италию; пыталась примирить завоевателей и римлян.

Естественно, античные авторы тоже люди, и они не могли избежать субъективности при описании своих героинь; к тому же речь идет о неординарных личностях, окутанных туманом легенд и тайн еще при жизни.

При написании данной книги я использовал десятки античных источников. Для большей достоверности много цитировал римских и греческих историков, поэтов, являвшихся современниками наших героинь либо живших спустя некоторое время после их смерти.

Через портреты ярких фигур античности мне хотелось дать читателю широкое представление о более чем тысячелетней истории Рима.

Г. Левицкий

Весталки

Культ Весты

Во времена, когда римские женщины не имели никаких прав, кроме определенных семейным кодексом, существовала группа представительниц прекрасного пола, которым даже консулы уступали дорогу и которые активно участвовали в жизни родного города. То были жрицы богини Весты.

В пантеоне многочисленных богов Веста отвечала за священный очаг общины, курии и каждого жилища. Римляне очень почитали богиню, ее очаг горел в каждом доме; шесть жриц, являвшихся живым олицетворением Весты, наделялись огромными правами и пользовались великим почетом; их имена часто появляются в произведениях античных авторов.

Поль Гиро вполне логично объясняет появление культа Весты. «Во времена доисторические огонь можно было добыть только трением двух кусков сухого дерева или от искры, которая получается при ударе о булыжник. Ввиду этого в каждой деревне поддерживался общественный огонь: в особо предназначенной для этого хижине он горел непрерывно и день и ночь и был предоставлен во всеобщее пользование. Обязанность поддерживать его возлагалась на молодых девушек, так как только они не уходили в поле. С течением времени этот обычай превратился в священное учреждение, как это было в Альбалонге, метрополии Рима; когда же был основан Рим, то и этот город учредил у себя свой очаг Весты и своих весталок».

Институт весталок в Риме был официально учрежден вторым царем Нумой Помпилием (715 – 673/672 годы до н. э.). «Выбрал он и дев для служения Весте; служение это происходит из Альбы и не чуждо роду основателя Рима. Чтобы они ведали храмовыми делами безотлучно, Нума назначил им жалование из казны, а отличив их девством и прочими знаками святости, дал им всеобщее уважение и неприкосновенность» (Ливии).

Более подробно об этом событии повествует Плутарх в биографии Нумы Помпилия.

«Нума посвятил в весталки сперва двух дев, Геганию и Верению, а затем Канулею и Тарпею. Сервий прибавил к ним впоследствии еще двух, и это число остается без изменения до настоящего времени. Царь определил девам сохранять свое девство до тридцати лет. В первые десять лет их учат тому, что они должны делать; в другие десять лет они применяют к делу свои познания; в последние десять лет – сами учат других. После этого они могут делать, что желают, и даже выходить замуж или избирать себе новый образ жизни, не имеющий ничего общего с жизнью жрицы. Но этою свободой воспользовались, говорят, немногие, да и те, которые сделали это, не принесли себе никакой пользы, большинство же провело остаток своих дней в раскаянии и унынии, причем навели на других такой религиозный ужас, что они предпочли до старости, до самой смерти девство супружеству».

Римлянка (Мрамор. II в.)

Увы! Римских весталок какая-то сила обрекала на пожизненное монашество, хотя, когда заканчивался срок обязательного служения Весте, им не было 40 лет. Они были сказочно богаты, их имена знал весь Рим, но мужчин не прельщала столь выгодная партия. Существовало поверье, что брак с бывшей весталкой приносит только несчастье.

Далее Плутарх рассказывает о привилегиях и наказаниях для весталок. Более подробного описания нет ни об одном римском культе ни у самого Плутарха, ни у прочих античных авторов – уже только по этому факту можно оценить значимость культа Весты в жизни римлян.

«Царь дал им большие преимущества – они могли, например, делать завещания еще при жизни отца и располагать всею остальной своей собственностью, не

прибегая к помощи попечителей, как и матери троих детей. Когда они выходят, их сопровождает ликтор. Если они встречаются случайно с преступником, которого ведут на казнь, ему оставляют жизнь. Весталка должна только поклясться, что встреча была случайной, невольной, не преднамеренной. Кто проходил под их носилками, когда они сидели на них, подвергался смертной казни.

Наказывают весталок за различные проступки розгами, причем наказывает их верховный понтифик. В некоторых случаях виновную даже раздевают донага в темном месте и накидывают на нее одно покрывало из тонкого полотна. Нарушившую обет девства зарывают живьем в яму у Коллинских ворот. Возле этого места, в черте города, тянется длинный земляной вал... Здесь, под землю, устраивали маленькое помещение, с входом сверху, куда ставили постель, лампу с огнем, небольшое количество съестных припасов, например, хлеба, кувшин воды, молока и масла, – считалось как бы преступлением уморить голодом лицо, посвященное в высшие таинства религии. Виновную сажали в наглухо закрытые и перевязанные ремнями носилки так, что не слышно было даже ее голоса, и несли через форум. Все молча давали ей дорогу и провожали ее, не говоря ни слова, в глубоком горе. Для города нет ужаснее зрелища, нет печальнее этого дня. Когда носилки приносят на назначенное место, рабы развязывают ремни.

Верховный жрец читает таинственную молитву, воздевает перед казнью руки к небу, приказывает подвести преступницу с густым покрывалом на лице, ставит на лестницу, ведущую в подземелье, и удаляется затем вместе с другими жрецами. Когда весталка сойдет, лестница отнимается, отверстие засыпают сверху массой

земли, и место казни становится так же ровно, как и остальное. Вот как наказывают весталок, преступивших свои обязанности жриц!

Весталка (Мрамор. II в.)

По преданию, Нума построил также храм Весты для хранения неугасаемого огня. Он дал ему круглую форму; но она представляла не фигурку Земли, – он не отождествлял с нею Весту, – а вообще, вселенную, в центре которой, по верованию пифагорейцев, горит огонь, называемый Гестией-Монадой. По их мнению, земля не неподвижна и не находится в центре вселенной, но вертится вокруг огня и не может считаться лучшею, первою частью вселенной».

Вот какими знаниями обладали древние – и использовали их при постройке храма главного «очага

государства»! Спустя тысячелетия вещи, известные римлянам и грекам, снова будут открывать лучшие умы человечества, и будут гении страдать за свои открытия, отстаивать их на кострах и в тюрьмах.

Множество сведений о самом известном в Риме культе и его жрицах можно найти у других античных авторов; не ослабевает интерес к этой теме и у современных исследователей. Вот материал со ссылками на источники из книги Лидии Винничук «Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима»:

«Как только девочка становилась жрицей Весты, ей остригали волосы, складывая их под старую финиковую пальму, которая поэтому так и называлась: „дерево волос“ (Плиний Старший. Естественная история, XVI, 235). Когда волосы отрастали, весталка обязана была делать себе особую прическу, разделяя волосы острым гребнем на шесть прядей и заплетая каждую в отдельности, точно так же, как поступали невесты перед свадьбой. О том, как девочек готовили к служению богине, рассказывает, пользуясь самыми разными источниками, Авл Геллий (Аттические ночи, I, 12). Стать весталкой могла девочка в возрасте от 6 до 10 лет, у которой оба родителя были живы. Девочки, имевшие хотя бы малейшие затруднения в речи или пониженный слух, не подлежали избранию; любой другой физический порок также оказывался непреодолимым препятствием. Не допускались и те, что были вольноотпущенницами или имели отца-вольноотпущенника, а также те, у кого хотя бы один из родителей был рабом или занимался чем-либо не подобающим свободному человеку. Наконец, разрешалось освободить от обязанностей жрицы Весты ту девочку, у которой сестра уже была избрана жрицей или отец был фламингом, или авгуром, или членом

какой-либо иной жреческой коллегии. Девочка, помолвленная с кем-нибудь из жрецов, также не годилась для служения богине. Впоследствии отбор стал еще более строгим: отклонялись дочери граждан, постоянно проживавших за пределами Италии или имевших троих детей...

<...>

Обряд избрания и увода девочки от отца совершался, вероятнее всего, так, как это описывает Авл Геллий: верховный понтифик брал девочку за руку и отводил от отца, что юридически было эквивалентно взятию ее в плен на войне».

Весталки ходили на будущих христианских монашек и одеждой: они заворачивались до пят в длинную, белого цвета ткань, именовавшуюся палой; пользовались головным покрывалом; талию весталки перетягивала веревка, на груди имелся медальон, а заплетенные волосы поддерживались повязкой.

Весталки не стеснялись использовать свои огромные привилегии в личных, узкосемейных целях, причем делали это достаточно нагло и открыто, и никто не смел им возразить.

Консул 143 года до н. э. Аппий Клавдий Пульхр решил справить триумф после победы над альпийскими саласса-ми. Однако победа его никак не тянула на высшую награду, а честолюбивому консулу страстно хотелось проследовать по улицам Рима в триумфальной колеснице. И вот весталка Клавдия, «когда ее брат справлял триумф против воли народа, взошла к нему на колесницу и сопровождала его до самого Капитолия,

чтобы никто из трибунов не мог вмешаться или наложить запрет» (Светоний).

Главной обязанностью весталок являлось поддержание священного огня на алтаре богини. Гасили пламя Весты лишь один раз в году – в первый день нового года; затем вновь зажигали древнейшим способом – с помощью трения дерева о дерево.

Иногда происходило незапланированное угасание священного огня из-за оплошности зазевавшейся весталки. То было одно из двух самых страшных преступлений жриц почитаемой римлянами богини – ибо угасание очага Весты считалось дурным предзнаменованием. Виновную собственноручно наказывал розгами верховный понтифик.

Постоянно горевший огонь довольно часто приводил к пожарам. Такое бедствие случилось около 241 года до н. э. «При пожаре храма Весты, – сообщает Тит Ливий, – великий понтифик Цецилий Метелл сам спасает из огня его святыни». А спасать было что – помимо священного огня в храме Весты находились многие реликвии, сохранность которых была для римлян залогом благополучия и процветания города. Цицерон утверждает, что в храме была «статуя, упавшая с неба». Скорее всего, речь идет о метеорите.

Естественно, и враги понимали, что значит для римлян храм Весты. В 210 году кампанцы (во 2-ю Пуническую войну они сражались на стороне Ганнибала) устроили пожар на римском форуме. «Одновременно загорелись семь лавок... и те лавки менял, что теперь называют „Новыми“. Затем занялись частные постройки...; занялись и темница, и рыбный рынок, и Царский атрий. Храм Весты едва отстояли – особенно

старались тринадцать рабов, они были выкуплены на государственный счет и отпущены на свободу» (Ливии). Консул особенно возмущался тем, что кампанцы «посягнули на храм Весты, где горит вечный огонь, а во внутреннем покое хранится залог римской власти» (Ливии).

Блудливые жрицы

Гораздо более страшным событием, чем исчезновение огня в очаге Весты, была потеря весталкой своей невинности; античные авторы рассказывают о подобных случаях как о национальном бедствии. Увы! Такое случалось. А наказание за потерю девственности было чрезвычайно жестоким.

Первые римские монашки становились весталками в несознательном возрасте – что могут знать о жизни девочки 6 – 10 лет? Гораздо позже они поймут, что за почет, привилегии, обеспеченную жизнь заплатили достаточно высокую цену; почувствуют, что обет непорочности вступает в противоречие с их разумом, страстями. Иногда забывали и о наказании – здоровая плоть (больных в весталки не брали) не могла противостоять соблазнам. Такова человеческая натура: ей всегда всего мало, а самый сладкий плод – запретный.

Римляне все понимали и пытались оградить жриц любимой богини от соблазнов. «Для сохранения их чистоты принимались самые тщательные меры предосторожности. Ни один мужчина не мог приблизиться ночью к их дому; ни один мужчина, даже врач, не мог ни под каким предлогом войти в их атриум. Если весталка заболела, ее отправляли к родителям или к какой-нибудь почтенной матроне, и здесь также ни

на шаг не отставали от врача, который ее лечил. Чтобы удалить от них всякое искушение, им не позволяли присутствовать на атлетических состязаниях. Их начальник – великий понтифик не спускал с них глаз и заставлял шпионить за ними их служанок» (Гиро).

Но... одна за другой в античных источниках появляются вести о жрицах, нарушивших обет девственности. «Весталка Попилия за преступный блуд погребена заживо», – пишет Тит Ливии о событиях 509 – 468 годов до н. э. О событиях 483 года до н. э. читаем у Ливия. «К общему беспокойству добавились грозные небесные знамения, почти ежедневные в городе и округе; прорицатели, гадая то по внутренностям животных, то по полету птиц, возвещали государству и частным лицам, что единственная причина такого беспокойства богов – нарушение порядка в священнодействиях. Страхи эти разрешились тем, что весталку Оппию осудили за блуд и казнили». Тит Ливии сообщает также о том, что случилось между 278 – 272 годами до н. э.: «Весталка Секстилия, осужденная за преступный блуд, закопана заживо».

В 216 году до н. э. римляне потерпели поражение под Каннами и фактически лишились войска. Вот как описывает Ливии атмосферу того времени:

«Люди напуганы великими бедами, а тут еще и страшные знамения: в этом году две весталки, Отилия и Флорония, были уличены в блуде: одну, по обычаю, уморили под землей у Коллинских ворот, другая сама покончила с собой. Луция Кантилия, писца при понтификах, который блудил с Флоронией, по приказу великого понтифика засекали до смерти розгами в Комиции. Кощунственное блудодеяние сочли, как

водится, недобрым предзнаменованием, децемвирам было приказано справиться в Книгах. А Квинта Фабия Пиктора послали в Дельфы спросить оракула, какими молитвами и жертвами умиловить богов и когда придет конец таким бедствиям; пока что, повинувшись указаниям Книг, принесли необычные жертвы; между прочими галла и его соплеменницу, грека и гречанку закопали живыми на Бычьем Рынке, в месте, огороженном камнями; здесь и прежде уже свершались человеческие жертвоприношения, совершенно чуждые римским священнодействиям».

В 114 году до н. э. римлян ожидал новый страшный удар: в преступном блуде уличили сразу трех весталок – Эмилию, Лицинию и Марцию.

Когда весталку обвиняли в прелюбодеянии, это не всегда заканчивалось ее смертью; иногда жрицам удавалось оправдаться. В 418 году до н. э. «от обвинения в нарушении целомудрия защищалась неповинная в этом преступлении весталка Постумия, сильное подозрение против которой внушили изысканность нарядов и слишком независимый для девушки нрав. Оправданная после отсрочки в рассмотрении дела, она получила от великого понтифика предписание воздержаться от развлечений, выглядеть не миловидной, но благочестивой» (Ливии).

Совсем фантастическим способом избавилась от наказания весталка Клавдия (о чем мы знаем также от Ливия). Дело было в 204 году до н. э. Еще шла тяжелая война с Ганнибалом, и римляне всеми способами стремились приблизить победу. К их счастью, в Сивиллиных книгах нашлось предсказание: «Когда бы какой бы чужеземец-враг ни вступил на италийскую

землю, его изгонят и победят, если привезут из Пессинунта в Рим Идейскую Матерь (Кибелу)».

Богиня была весьма непривычной для Рима и довольно жестокой. Кибела требовала от своих служителей полного подчинения ей, забвения себя в бездумном восторге и экстазе. Кибеле нравилось, когда жрецы «наносят друг другу кровавые раны или когда неофиты оскопляют себя во имя Кибелы, уходя из мира обыденной жизни и предавая себя в руки мрачной и страшной богини» (Гладкий).

Видимо, такую жестокую богиню и нужно было у себя завести, чтобы победить Ганнибала. Кроме того, римляне исправно следовали указаниям Сивиллиных книг, а они требовали больших жертв.

Каким-то образом был решен вопрос с Атталом, царем Пергама, который до сих пор владел Идейской Матерью; и вот корабль с богиней в виде черного метеоритного камня вошел в устье Тибра. Неожиданно римляне столкнулись с проблемой у самых ворот родного города: капризная богиня, которая покорно следовала из Малой Азии до Италии, не желала войти в Рим.

Цитируем Овидия (здесь и далее в этом очерке):

Сил не щадя, за причальный канат
потянули мужчины,

Лишь чужеземный корабль против течения
пошел

И на болотистом дне крепко застряла
ладья.

Люди приказа не ждут, усердно работает
каждый,

И помогают рукам, громко и бодро крича.

Точно бы остров, засел корабль посредине
залива:

Чудом изумлены, люди от страха дрожат.

Среди встречающих святыню была и весталка
Клавдия, на которую пали подозрения в распутстве.
Собственно, она своим поведением дала пищу для
сплетен, которые могли закончиться известным погребом
у Коллинских ворот.

Клавдия Квинт свой род выводила от
древнего Клавса,

Был ее облик и вид знатности рода под
стать.

И непорочна была, хоть порочной слыла:
оскорбляли

Сплетни ее и во всех мнимых винули
грехах.

Ее и наряд, и прическа, какую она все
меняла,

Были вредны, и язык вечных придир —
стариков.

Чистая совесть ее потешалась над
вздорами сплетен, —

Но ведь к дурному всегда больше доверия
в нас!

Чтобы отвести от себя подозрения, Клавдия решила на отчаянный поступок – но прежде она помолилась богине. Когда читаешь об этом у Овидия, кажется, что весталка молилась Деве Марии, хотя дело происходило более чем за два столетия до рождения Иисуса Христа. Молитва, как следует из текста, непривычна даже для римлян.

Вот появилась она меж достойнейших в
шествии женщин,

Вот зачерпнула рукой чистой воды из реки,
Голову трижды кропит, трижды к небу
возносит ладони

(Думали все, кто смотрел, что помешалась
она),

Пав на колени, глядит неотрывно на образ
богини

И, волоса распустив, так обращается к
ней:

«О небожителей мать плодоносная,
внемли, благая,

Внемли моим ты мольбам, коль доверяешь
ты мне!

Я не чиста, говорят. Коль клянешь ты
меня, я сознаюсь:

Смертью своей пред тобой вины свои
искуплю.

Но коль невинна я, будь мне порукою в
том предо всеми:

Чистая, следуй за мной, чистой покорна
руке».

Так говоря, за канат она только слегка
потянула

(Чудо! Но память о нем даже театр
сохранил):

Двинулась Матерь Богов, отвечая
движеньем моленью, —

Громкий и радостный крик к звездам
небесным летит.

Да, чего не сделаешь, чтобы спасти жизнь! После
такого подвига никто не посмел даже усомниться в
целомудренности Клавдии.

Клавдия всех впереди выступает с
радостным ликом,

Зная, что честь ее днесь подтверждена
божеством.

Римляне установили статую Клавдии Квинты в
храме Матери Богов. Дважды (в 111 году до н. э. и во 2
году н. э.) храм подвергся опустошительным пожарам,
и только изображение весталки оставалось невредимым.

В первой половине I века до н. э. другую весталку, Лицинию, тоже обвинили – в сожительстве с Марком Крассом; некий Плотин даже подверг ее судебному преследованию. Но хитрый Красс (по сути дела, первый крупный предприниматель античности и самый богатый человек в Риме) блестяще выкрутился из весьма неприятного положения и спас свою подругу. Срочно была придумана правдоподобная версия его частых встреч с девой-весталкой. Об этом свидетельствует Плутарх:

«У Лицинии было прекрасное имение в окрестностях Рима, и Красс, желая дешево его купить, усердно ухаживал за Лицинией, оказывая ей услуги, и тем навлек на себя подозрения. Но он как-то сумел, ссылаясь на корыстолюбивые свои побуждения, снять с себя обвинение в прелюбодеянии, и судьи оправдали его. От Лицинии же он отстал не раньше, чем завладел ее имением».

Август и весталки

В I веке до н. э. римляне вступили в бесконечную полосу смут, междоусобных распрей, гражданских войн. Увлечшись братоубийством, граждане начали забывать старые традиции, терять былое уважение к богам.

В 89 году до н. э. в городе возник конфликт между должниками и заимодавцами (эту историю зафиксировал Аппиан). Претор Авл Семпроний Азеллион, пытавшийся разобраться в ситуации с помощью старого закона, подвергся нападению, когда «совершал жертвоприношение Диоскурам на форуме и его окружала толпа, присутствующая на жертвоприношении. Кто-то сначала швырнул в Азеллиона камень».

Претор бросил священную чашу и побежал к храму Весты, стремясь воспользоваться правом заступничества весталок – оно распространялось даже на приговоренных к смерти. «Но толпа захватила храм раньше, не допустила в него Азеллиона и заколола его в то время, когда он забежал в какую-то гостиницу. Многие из преследовавших Азеллиона, думая, что он убежал к весталкам, ворвались туда, куда мужчинам вход был воспрещен. Так-то и Азеллион в то время, когда он исполнял должность претора, совершал возлияния, одет был в священную, отороченную золотом одежду, был убит около второго часа ночи среди форума, около храма».

Октавиан, преемник Цезаря, после усыновления Цезарем стал зваться Гай Юлий Цезарь, позже получил титул Август. Он понимал: религия – главная опора власти. Особенное внимание хитрый дальновидный политик уделял культам, которые традиционно пользовались любовью и уважением римлян. Не случайно, появившись в беспокойном Риме в 43 году до н. э., Октавиан поспешил не в сенат, не к своим сторонникам и не в отчий дом, а в храм Весты. «Мать и сестра обняли Цезаря, приветствовали его в храме Весты вместе с весталками». После этого «три легиона, не обращая внимания на своих командиров, отправили к нему делегатов и перешли на его сторону» (Аппиан).

«Он (Август) увеличил и количество жрецов, и почтение к ним, и льготы, в особенности для весталок. Когда нужно было выбрать новую весталку на место умершей, и многие хлопотали, чтобы их дочери были освобождены от жребия, он торжественно поклялся, что если бы хоть одна из его внучек подходила для сана по возрасту, он сам предложил бы ее в весталки»

(Светоний). Но среди отцов знатных семейств было мало желающих отдать своих чад в жрицы Весты, и с 5 года н. э. Август допускает к этому сану дочерей вольноотпущенников.

Традиция хранить в святилищах все самое ценное и важное существовала с незапамятных времен; предпочтение отдавалось храму Весты – как одной из самых уважаемых римлянами святынь. В правление Августа за весталками закрепилась обязанность нотариусов, причем в их храме находились самые важные государственные документы. В 39 году до н. э. Антоний и Октавиан заключили мирное соглашение. Аппиан свидетельствует: «Условия были записаны, запечатаны и отосланы в Рим на хранение весталкам». Завещание Августа, как утверждает Светоний, «за год и четыре месяца до кончины записанное в двух тетрадах частью его собственной рукой, частью его вольноотпущенниками Полибом и Гиларионом, хранилось у весталок и было ими представлено вместе с тремя свитками, запечатанными таким же образом».

Что представляли собой остальные свитки, сданные Августом в храм Весты? Светоний отвечает и на этот вопрос: «Из трех свитков в первом содержались распоряжения о погребении; во втором – список его деяний, который он завещал вырезать на медных досках у входа в мавзолей; в третьем – книга государственных дел: сколько где воинов под знаменами, сколько денег в государственном казначействе, в императорской казне и в податных недоимках; поименно были указаны все рабы и отпущенники, с которых можно было потребовать отчет».

В императорскую эпоху

Следующий император, Тиберий, «о богах и об их почитании... мало беспокоился, так как был привержен к астрологии и твердо верил, что все решает судьба» (Светоний). Он даже пытался уничтожить древнее «право и обычай убежища», которыми обладали храмы.

Жадный, жестокий, циничный, как характеризуют Тиберия авторы, он тем не менее продолжал покровительствовать весталкам. «Чтобы возвысить достоинство жрецов и чтобы они с большим рвением служили богам, – пишет Тацит, – было постановлено выдать весталке Корнелии, заменившей Скантию, два миллиона сестерциев, и, кроме того, было решено, что Августа при посещении театра всякий раз будет занимать место среди весталок».

Повышенное внимание Тиберия к культуре Весты, в том числе и финансовая поддержка его служительниц, сделали свое дело. В его правление знатнейшие римляне наперебой предлагали своих дочерей в жрицы, и не было необходимости привлекать к этому дочерей вольноотпущенников. «...Цезарь сообщил о необходимости избрать девственницу на место Окции, которая в течение пятидесяти семи лет с величайшим благочестием руководила священнодействиями весталок; при этом он выразил благодарность Фонтею Агриппе и Домицию Поллиону за то, что, предлагая взамен ее своих дочерей, они соревновались в преданности государству. Предпочтение было отдано дочери Поллиона, ибо супружеские узы ее родителей продолжали пребывать нерушимыми, тогда как Агриппа расторжением первого брака нанес урон доброй славе своей семьи. Цезарь,

впрочем, утешил отвергнутую, даровав ей приданое в размере миллиона сестерциев» (Тацит).

Сильна была власть весталок во времена Тиберия, но она нелучшим образом сказывалась на нравственности и порядочности жриц. Тацит рассказывает случай, произошедший с весталкой Ургуланией, которая пользовалась дружбой и покровительством Августы – матери Тиберия.

Ургулания взяла деньги в долг у Кальпурния Пизона и, похоже, не собиралась их возвращать. На ее беду Пизон оказался человеком смелым и независимым. Он «с меньшей свободой проявил свое недовольство существующими порядками, вызвав на суд Ургуланию, которую дружба Августы поставила выше законов. Ургулания, пренебрегая Пизоном и не явившись на вызов, отправилась во дворец Цезаря, но и Пизон не отступился от своего иска, несмотря на жалобы Августы, что ее преследуют и унижают» (Тацит).

Пришлось в дело вмешаться самому Тиберию. Он всяческими способами задерживал судебный процесс, «пока Августа не приказала внести причитающиеся с Ургулании деньги, так как попытки родственников Пизона убедить его отказаться от своих притязаний оказались напрасными. Так и закончилось это дело, из которого и Пизон вышел непосрамленным, и Цезарь с вящей для себя славой.

Все же могущество Ургулании было настолько неодолимым для должностных лиц, что, являясь свидетельницей в каком-то деле, которое разбиралось в сенате, она не пожелала туда явиться; к ней пришлось послать претора, допросившего ее на дому, хотя, в соответствии с давним обыкновением, всякий раз, как

весталкам требовалось свидетельствовать, их выслушивали на форуме или в суде» (Тацит).

Принципиальный Кальпурний Пизон очень скоро поплатился за свою смелость и настойчивость. Он был обвинен в оскорблении величия и прочих мелких и крупных преступлениях. От суда и казни Пизона спасло то, что... он сам умер.

Одновременно с Пизоном был обвинен Плавтий Сильван, который оказался родственником Ургулании. Властолюбивая весталка приняла участие в его судьбе. Дело было так: «претор Плавтий Сильван по невыясненным причинам выбросил из окна жену Апронию и, доставленный тестем Луцием Апронием к Цезарю, принялся сбивчиво объяснять, что крепко спал и ничего не видел, и что его жена умертвила себя по своей воле. Тиберий немедленно направился к нему в дом и осмотрел спальню, в которой сохранялись следы борьбы, показывавшие, что Апрония была сброшена вниз насильственно» (Тацит). Ургулания, якобы «по назначению судей», послала обвиняемому кинжал. «Так как Ургулания была в дружбе с Августой, считали, что это было сделано ею по совету Тиберия. После неудачной попытки заколоться подсудимый велел вскрыть себе вены» (Тацит).

Не забыл Тиберий о жрицах Весты и в завещании. «Оставил он и многочисленные подарки, между прочим – девственным весталкам, а также всем воинам, всем плебеям и отдельно старостам кварталов» (Светоний). Как мы видим, Светоний называет весталок первыми в числе получивших подарки.

У весталок продолжали искать покровительства даже сильные мира сего. Тацит сообщает, что когда над

женой Клавдия, императрицей Мессалиной, нависла смертельная опасность, «она упросила старейшую из весталок Вибидию добиться беседы с великим понтификом (то есть императором) и склонить его к снисходительности».

Главному врагу Мессалины – Нарциссу – вмешательство весталки было весьма некстати, «но он не мог помешать Вибидии горячо и настойчиво требовать, чтобы Клавдий не обрек на гибель супругу, не выслушав ее объяснений. Нарцисс ответил весталке, что принцепс непременно выслушает жену и она будет иметь возможность очиститься от возводимого на нее обвинения; а пока пусть благочестивая дева возвращается к отправлению священнодействий» (Тацит). Вероятно, весталке удалось выполнить просьбу Мессалины, ибо Клавдий согласился выслушать неверную жену, и лишь коварное ее убийство послужило препятствием для встречи императорской четы.

Не все императоры были благодушны к весталкам. Нерон – самый чудовищный правитель Рима, испробовавший все способы разврата, страшно желал чего-нибудь необычного. Вероятно, в процессе этих поисков он изнасиловал весталку Рубрию.

Веста была очень недовольна Нероном. Собираясь в путешествие по восточным провинциям, император, запятнавший себя всеми возможными преступлениями, решил получить благословение богов в capitoлийских храмах. «Принеся там обеты богам и войдя с тем же в храм Весты, он вдруг задрожал всем телом, то ли устранившись богини, или потому, что, отягощенный памятью о своих злодеяниях, никогда не бывал свободен от страха, и тут же оставил свое намерение...» (Тацит).

Нерон еще рассчитывается с богами за свой страх; вскоре он устроит самый грандиозный в истории Рима пожар. Пламя поглотит древнейшие храмы Вечного города: «построенный Ромулом по обету храм Юпитера Остановителя, царский дворец Нумы и святилище Весты с Пенатами римского народа» (Тацит).

69 год был очень тревожным для Рима, и в особенности для его императоров; в этом году их было целых четыре – Гальба, Отон, Вителлий, Веспасиан. При такой нестабильности высшей власти вполне естественно, что римляне забывали о традициях, и страха перед богами стало меньше. Боги где-то далеко, а вооруженные сторонники различных политических групп, кланов вполне реальны. Во времена смут вера и правда римлян умещается на острие меча.

Тацит рассказывает случай, произошедший с Луцием Кальпурнием Пизоном – знатным римлянином, потомком Марка Красса (того самого, который столетие назад делил власть над Римом с Помпеем и Цезарем). Преследуемый мятежниками, «Пизон пробрался в храм Весты, где сторож, государственный раб, пожалел его и спрятал в своей каморке. Только из-за уединенности места оказалась немного отсроченной гибель Пизона; ни уважение к религии, ни святость храма его не спасли. В храм явились служивший в британских когортах Сульпиций Флор, лишь недавно получивший из рук Гальбы римское гражданство, и один из телохранителей – Стаций Мурк. Отон дал им особый приказ убить Пизона, и они рвались исполнить поручение. Они выволокли Пизона из каморки, где он скрывался, и убили на пороге храма».

Осажденный в Риме войском Веспасиана, император Вителлий в последней надежде «предложил отправить послов и девственных весталок с просьбой о мире или хотя бы о сроке для переговоров» (Светоний). Весталки были выслушаны враждебной стороной и отпущены с почетом, но их просьбы не смогли предотвратить штурм Рима и конец Вителия.

Увы! В 69 году слово весталки значило немного.

Домициан правил Римом целых 15 лет, с 81 по 96 год, и у него было время обратить внимание на жриц Весты. На них, судя по сообщениям античных историков, нашло какое-то помешательство: такого количества одновременно пустившихся в разврат весталок не было за всю римскую историю.

«Весталок, нарушивших обет девственности, – что даже отец его и брат оставляли без внимания, – он наказывал на разный лад, но со всей суровостью: сперва смертной казнью, потом по древнему обычаю. А именно, сестрам Окулатам и потом Варронилле он приказал самим выбрать себе смерть, но Корнелию, старшую весталку, однажды уже оправданную и теперь, много лет спустя, вновь уличенную и осужденную, он приказал похоронить заживо, а любовников ее до смерти засечь розгами на Комиции – только одному, бывшему претору, позволил он уйти в изгнание, так как тот сам признал свою вину, когда дело было еще не решено, а допросы и пытки ничего не показали» (Светоний).

Плиний Младший, впрочем, не уверен в виновности Корнелии.

Все в этом деле странно: старшая весталка была оправдана, но Домициан возбудил дело спустя семь лет после первого суда. Ее «совратителя» – бывшего претора

Валерия Лициниана – император помиловал, хотя по закону должны были засечь розгами. Плиний Младший считает, что у претора не было иного выхода, кроме как оклеветать весталку. «Он сознался в том, но неизвестно, не взвел ли на себя напраслину из страха пострадать еще тяжелее, если станет отпираться. Домициан неистовствовал и бушевал, одинокий в своей безмерной злобе. Он хотел, пользуясь правом великого понтифика, а вернее по бесчеловечию тирана, закопать живой старшую весталку, Корнелию, полагая прославить свой век такого рода примером. По самодурству господина он вызвал остальных понтификов не в Регию, а к себе на Албанскую виллу. И преступление, не меньшее, чем караемое: он осудил за нарушение целомудрия, не вызвав, не выслушав обвиняемую. А сам не только растлил в кровосмесительной связи дочь своего брата, но и убил ее: она погибла от выкидыша.

Тут же отправлены понтифики, которые хлопочут около той, которую придется закопать, придется убить. Она, простирая руки то к Весте, то к другим богам, все время восклицала: «Цезарь считает прелюбодейкой меня! Я совершала жертвоприношения, и он победил и справил триумф!» Говорила она это из угодничества или насмехаясь, из уверенности в себе или из презрения к принцепсу, неизвестно, но говорила, пока ее не повезли на казнь, не знаю, невинную ли, но как невинную, несомненно. Даже когда ее спускали в подземелье и у нее зацепилась стопа, она обернулась и подобрала ее, а когда палач протянул ей руку, она брезгливо отпрянула, отвергнув этим последним целомудренным жестом грязное прикосновение к своему словно совершенно чистому и нетронутому телу. Стыдливость блюла она до конца».

В 191 году в Риме случился огромный пожар: «в то время был уничтожен огнем храм Весты, и увидели появившееся на свет изваяние Паллады, привезенное из Трои, почитаемое и скрываемое римлянами; тогда-то впервые после его прибытия из Илиона в Италию его увидели люди нашего времени. Ведь девы, жрицы Весты, охватив изваяние, перенесли его по Священной улице в императорский дворец» (Геродиан). То есть, несмотря на регулярно появляющиеся новые культы и грандиозные храмы, священные для римлян предметы продолжали храниться в храме Весты.

После пожара храм был восстановлен по приказу императора Септимия Севера, причем руководила реставрационными работами его жена Юлия Домна.

Император Антонин (198 – 217 годы) развлекался тем, что издевался над людьми и богами. «Каждая ночь несла с собой убийства самых разных людей. Жриц Весты он заживо зарывал в землю за то, что они якобы не соблюдают девственность» (Геродиан).

Другой император Антонин (218 – 222 годы) был еще сумасброднее тетки. Он учредил в Риме культ восточного бога Элагабала, взял его имя и требовал, чтобы все римляне ему поклонялись «прежде других богов». Старые культы Антонину-Элагабалу нужны были разве что для издевательств.

«Он взял себе в жены самую благородную из римлянок, которую провозгласил Августой, а спустя короткое время отослал, приказав жить частным человеком и лишив почестей. После нее, притворившись влюбленным, чтобы показать себя мужчиной, он похитил у Гестии (греческий аналог Весты) из священного

обиталища весталок и сделал своей женой девушку несмотря на то, что она была жрицей римской Гестии и что ей было велено согласно священным законам пребывать непорочной и до конца жизни оставаться девственницей; сенату он написал послание и оправдывал нечестивый поступок и столь великое преступление, сказав, что испытал человеческую страсть; он будто бы был охвачен любовью к деве, а брак жреца и жрицы является пристойным и благочестивым. Однако и эту он спустя непродолжительное время отослал и взял в жены третью, возводившую свой род к Коммоду. Он забавлялся браками не только человеческими, но и богу, жрецом которого он был, искал жену» (Геродиан). Жену Элагабалу он присмотрел в храме Весты. «Почитаемую римлянами скрытую и невидимую статую Паллады он перенес в свою опочивальню; ее, которую не сдвигали с тех пор, как она прибыла из Илиона, исключая тот случай, когда храм был истреблен огнем, он сдвинул и принес во дворец для брака с богом. Сказав, что его бог недоволен ею как богиней войны, носящей полное вооружение, он послал за статуей Урании, которую чрезвычайно почитают карфагеняне и обитатели Ливии» (Геродиан).

Тем временем на бесконечных просторах Римской империи все большее распространение получал новый культ, чуждый языческим богам, – христианство. Отношение императоров к нему было различным.

«Достойнейший всякой хвалы, великий Константин, первый, украсивший царскую власть благочестием, видя свое государство еще в безумии, хотя решительно запретил приносить жертвы демонам, однако храмов их

не разрушил, а только приказал запереть их, – сообщает Феодорит Киррский. – По следам своего отца шли и дети. Но Юлиан возобновил нечестие и возжег пламя древнего заблуждения. А Иовиан, получив царство, опять воспретил служение идолам. По тем же самым законам управлял Европою и великий Валентиниан. Валент же позволял всем другим оказывать божескую почесть и служить кому кто хочет, только не переставал воевать против подвижников за апостольские догматы. Потому во все время его царствования и горел жертвенный огонь, и приносимы были жертвы идолам, и производились на площадях народные пиршества, и отправлялись Дионисовы оргии, на которых язычники бегали со щитами, разрывали собак, неистовствовали, бесчинствовали и делали много другого, чем отличаются торжества их учителя. Благовернейший царь Феодосии застал все это и до конца истребил и предал забвению».

Случай помог христианству одержать полную победу над язычеством. В 380 году императора Феодосия сразила тяжелая болезнь. В последней надежде он принял крещение от епископа Асхолия. И чудо случилось: болезнь ушла, а император отныне стал самым ревностным христианином. В 384 – 385 годах он издал ряд указов, запрещающих службу языческим богам и предписывающих уничтожать языческие храмы. Эдикт 391 года запрещал поклонение языческим богам не только в храмах, но и в частных домах.

Храм Весты был закрыт одним из последних – в 394 году, в этом же году в последний раз в античной истории состоялись Олимпийские игры. Священные огни самых значимых символов античности погасли одновременно.

Храм Весты (тот, что реставрировал Семптимий Север после пожара 191 года) найден и раскопан археологами в Новейшее время. Среди находок выделяется целая коллекция статуй Великих весталок. Изображений самой Весты в храме не было; ее символизировал всегда горевший священный огонь.

«Многие из этих статуй и постаментов были свалены в кучу на западной стороне двора, вероятно для того, чтобы превратить их в известь. Самые красивые из статуй были перевезены в Музей Терм, другие остались вместе с основаниями, но они расположены случайным образом, поскольку неизвестно, как они стояли раньше. К тому же статуи не соответствуют постаментам. Все надписи относятся к последней фазе сооружения, т. е. к эпохе Семптимия Севера и последующим. Это статуи весталок Нумизии Максимиллы (201 г. н. э.), Теренции Флаволы (три статуи, датируемые 209, 213, 215 гг.), Кампии Северины (240 г.), Флавии Мамилии (242 г.), Флавии Публиции (две статуи, 247 и 257 гг.), Коэлии Клавдианы (286 г.), Теренции Руфиллы (две статуи, 300 и 301 гг.) и Коэлии Конкордии (380 г.). Некоторые из них (статуи Кампии Северины, Флавии Мамилии, Теренции Руфиллы и Коэлии Конкордии) не выставлены в атриуме. Кроме того, нельзя не упомянуть про один постамент, датированный 364 г. н. э. и находящейся в южной части двора возле лестницы, которая выводит на Via Nova (Новую дорогу): имя весталки стерто, но можно прочесть его первую букву, латинскую С. Возможно, эта весталка звалась Клавдией, и про нее писал христианский поэт конца IV в. Пруденций. Она покинула коллегию, чтобы стать христианкой, и ее имя, скорее всего, было стерто язычниками в знак позора» (Коарелли).

Туллия младшая

(? – около 492 года до нашей эры)

Туллия была дочерью римского царя Сервия Туллия (578 – 534 годы до н. э.). История ее жизни ужасна, трагична, но весьма характерна для римских женщин, которые находились на расстоянии одной ступеньки от самой высокой власти. В императорскую эпоху последнюю ступеньку будут преодолевать ее соплеменницы, шагая по неостывшим трупам близких людей. Позже это будет в порядке вещей. Но во времена царского Рима поступок Туллии, к счастью, казался римлянам ужасно диким.

Отец Туллии Младшей не принадлежал к царскому роду и пришел к власти случайно, если опустить некоторые фантастические подробности, передаваемые античными авторами. Впрочем, они довольно интересны...

Мать будущего римского царя, Окрисия, жила в Корникуле и приходилась женой первому в городе человеку. Она была беременной, когда римляне захватили город и убили мужа, но далее судьба оказалась благосклонной к пленнице. «Она была опознана среди прочих пленниц, за исключительную знатность свою избавлена римской царицей от рабства и родила ребенка в доме Тарквиния Древнего» (Ливии).

Овидий предлагает более необычную версию зачатия Сервия Туллия:

Окрисией Туллий рожден был от бога
Вулкана,

Самой красивой из всех бывших в
Корникуле жен.

Ей Танаквиль, совершая с ней вместе по
чину обряды,

Лить приказала вино на освященный очаг:
Тут среди пепла мужской детородный член
появился, —

Иль показался? Но нет, был он
действительно там.

Пленница у очага осталась, а ею зачатый
Сервий был порожден семенем божьим с
небес.

Это сам бог указал, когда голова у
младенца

Стала сиять и огонь шапкою встал над
челом.

Таинственное свечение вокруг чела в христианские времена будет возвещать о рождении святого, а Сервию Туллию предстояло стать и мучеником. Кстати, о необычном явлении упоминает и Флор: «ореол вокруг головы предвещал ему славу».

Как ни трудно поверить версии Овидия, но Сервий Туллий с детства отличался небывалыми способностями и талантами. «Юноша вырос с истинно царскими задатками, и, когда пришла пора Тарквинию подумать о зяте, никто из римских юношей ни в чем не сумел сравниться с Сервием Туллеем; царь просватал за него свою дочь. Эта честь, чего бы ради ни была она оказана, не позволяет поверить, будто он родился от рабыни и в детстве сам был рабом» (Ливии).

Далее произошло то, что весьма часто происходило в царственных домах: непутевые сыновья Тарквиния посчитали, что отец правит слишком долго, и пора бы освободить для них трон. На 38-м году правления Тарквиний пал от рук наемных убийц. Но все старания молодых Тарквиниев оказались напрасными: царица Танаквиль сделала все, чтобы римским царем стал Сервий Туллий. Он к этому времени «был в величайшей чести не у одного царя, но и у отцов, и простого народа» (Ливии).

Правил Туллий весьма разумно, он ввел для римлян много полезных законов, укрепивших могущество государства. «Он также покорил сабинов, присоединил к Риму три холма – Квиринал, Виминал и Эсквилин, укрепил рвами городские стены» (Евтропий). И римляне любили царя, нисколько не волнуясь о его темном происхождении.

Видимо, Сервий Туллий чувствовал вину перед родом Тарквиниев за то, что невольно забрал у него власть, а потому пытался примириться с прежней династией. «Чтобы у Тарквиниевых сыновей не зародилась такая же ненависть к нему, как у сыновей Анка к Тарквинию, Сервий сочетает браком двух своих

дочерей с царскими сыновьями Луцием и Аррунтом Тарквиниями. Но человеческими ухищрениями не переломил он судьбы: даже в собственном его доме завистливая жажда власти все пропитала неверностью и враждой» (Ливии).

Дочерей женил Туллий с большим умыслом, учитывая их характер. «У Сервия Туллия одна дочь была жестокого, а другая кроткого нрава; когда он увидел, что сыновья Тарквиния по своему нраву такие же, он для смягчения суровости одних противоположными характерами других выдал жестокую свою дочь за кроткого, а кроткую – за жестокого сына Тарквиния» (Виктор).

Благоразумие царя разбилось о властолюбие и жестокость дочери и зятя. Старания Сервия Туллия привели к самым страшным последствиям.

Обратим внимание к Ливию.

«Туллия-свирепая тяготилась тем, что не было в ее муже никакой страсти, никакой дерзости. Вся устремившись к другому Тарквинию, им восхищается она, называет настоящим мужчиной и порождением царской крови, презирает сестру за то, что та, получив настоящего мужа, не равна ему женской отвагой. Сродство душ способствует быстрому сближению – как водится, зло злу под стать, но зачинщицею всеобщей смуты становится женщина. Привыкнув к уединенным беседам с чужим мужем, она самую последнюю бранью поносит своего супруга перед его братом, свою сестру перед ее супругом. Да лучше бы, твердит она, и ей быть вдовой, и ему безбрачным, чем связываться с неровней, чтобы увядать от чужого малодушия, – скоро, скоро у себя в доме увидела бы она ту царскую власть, что видит

она сейчас у отца. Быстро заражает она юношу своим безрассудством. Освободив двумя кряду похоронами дома свои для нового супружества, Луций Тарквиний и Туллия-младшая сочетаются браком, скорее без запрещения, чем с одобрения Сервия».

Первый успех придал сил Туллии Младшей, и вместе с тем придавил ее обычные человеческие чувства и даже животные инстинкты – слишком близка была заветная мечта. Волчица испытала вкус крови, и он ей понравился. «С каждым днем, – пишет Ливии, – теперь сильнее опасность, нависшая над старостью Сервия, над его царской властью, потому, что от преступления к новому преступлению устремляется взор женщины и ни ночью ни днем не дает мужу покоя, чтобы не оказались напрасными прежние кощунственные убийства».

Что может сделать слабая женщина, чтобы добиться желанной цели? Естественно, соблазнить мужчину на новое преступление. Читаем у Овидия:

Туллия, мужа себе получив ценой
преступленья,

Все подстрекала его, так обращаясь к
нему:

«Что в том, что оба под стать: моей сестры
ты убийца,

Мною был убит твой брат, – коль
добродетельны мы?

Ведь и мой муж, и твоя жена остались бы
живы,

Если бы мы не рвались к большому руку
поднять.

Служит приданым моим голова и царство
отцовы:

Если ты муж – моего требуй приданого ты!

Дело царей – убивать. Убей же тестя и
царствуй,

Кровью отца моего руки со мной обагрив!»

Тарквиний, вдохновленный Туллией Младшей, вербует себе сторонников среди сенаторов. Подарки и щедрые обещания делают свое дело. Всегда и везде существует оппозиция власти; а если ее щедро подкормить, она становится необычайно сильна. «Убедившись, наконец, что пора действовать, он с отрядом вооруженных ворвался на форум. Всех объял ужас, а он, усевшись в царское кресло перед курией, велел через глашатая созвать отцов в курию, к царю Тарквинию. И они тотчас сошлись, одни уже заранее к тому подготовленные, другие – не смея послушаться, потрясенные чудовищной новостью и решив вдобавок, что с Сервием уже покончено» (Ливии).

Сервий Туллий был еще жив и здоров, и Тарквиний неумоимо принялся порочить его перед толпой запуганного народа – говорил, что Римом правит царь, рожденный рабыней, что получил он царство после ужасной смерти Тарквиния в дар от женщины...

«Во время этой речи, – рассказывает Ливии, – явился Сервий, вызванный тревожной вестью, и еще из преддверия курии громко воскликнул:

– Что это значит, Тарквиний?! Ты до того обнаглел, что смеешь при моей жизни созывать отцов и сидеть в моем кресле?

Тарквиний грубо ответил, что занял кресло своего отца, что царский сын, а не раб – прямой наследник царю, что раб и так уж достаточно долго глумился над собственными господами».

Туллия морально подготовила мужа к убийству Сервия Туллия (его тестя и ее отца), а физически расправиться со стариком не стоило большого труда. Тарквиний схватил тестя в охапку и сбросил его с лестницы. Подробности – точно по Ливию.

«Царские прислужники и провожатые обращаются в бегство, а сам Сервий, потеряв много крови, едва живой, без провожатых пытается добраться домой, но по пути гибнет под ударами преследователей, которых Тарквиний послал вдогонку за беглецом. Считают, памятуя о прочих злодеяниях Туллии, что и это было совершено по ее наущению. Во всяком случае, достоверно известно, что она въехала на колеснице на форум и, не оробев среди толпы мужчин, вызвала мужа из курии и первая назвала его царем.

Тарквиний отослал ее прочь из беспокойного скопища; добираясь домой, она достигла самого верха Киприйской улицы, где еще недавно стоял храм Дианы, и колесница уже поворачивала вправо к Урбиеву взвозу, чтобы подняться на Эсквилинский холм, как возница в ужасе осадил, натянув поводья, и указал госпоже на лежащее тело зарезанного Сервия. Тут, по преданию, и совершилось гнусное и бесчеловечное преступление, памятником которого остается то место: его называют

«Проклятой улицей». Туллия, обезумевшая, гонимая фуриями-отомстительницами сестры и мужа, как рассказывают, погнала колесницу прямо по отцовскому телу и на окровавленной повозке, сама запятнанная и обрызганная, привезла пролитой отцовской крови к пенатам своим и мужниным. Разгневались домашние боги, и дурное начало царствования привело за собою в недалеком будущем дурной конец».

Тарквиний даже не позволил похоронить отца своей жены, оправдывая это решение тем, что Ромул (первый римский царь) тоже исчез без погребения. Далее он перебил всех сенаторов – сторонников Сервия Туллия. Но власть, добытая столь отвратительным способом, не была прочной. Против новой царственной четы восстали и люди, и боги.

Овидий рассказывает о том, что произошло, когда Туллия вошла в храм, где находилась статуя отца:

Мало того: посмела она, когда время
настало,

В храм отцовский вступить – трудно
поверить, но так!

Туллий изваянный там, говорят, восседал
на престоле —

Тут и прикрыл он себе очи подъятой
рукой,

И прозвучал его глас: «Лицо мое скройте
от взоров,

Чтобы не встретил мой взгляд мне
ненавистную дочь!»

Скрыто одеждой его изваянье: Судьба
запрещает

Снять его и говорит так из святыни своей:

«В день, когда Сервия лик впервые
откроется людям,

Поберегитесь одежд запретных касаться,
матроны,

Римскою тогой всегда да будет покрыт с
головою

Тот, кто по счету седьмой был в нашем
городе царь!»

Закончить правление чудовищной супружеской пары помог случай. Секст, сын Тарквиния, влюбился в замужнюю женщину – Лукрецию. Угрозами он добился взаимности, но Лукреция не смогла перенести позора. Она вонзила кинжал себе в сердце.

Смерть невинной женщины оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения римлян. Они вспомнили грехи всего царского семейства, коих было немало. «Упомянуто было и гнусное убийство царя Сервия Туллия, и дочь, переехавшая отцовское тело нечестивой своей колесницей; боги предков призваны были в мстители. Вспомнив обо всем этом, как, без сомненья, и о еще более страшных вещах, которые подсказал ему живой порыв негодованья, но которые трудно восстановить историку, Брут воспламенил народ и

побудил его отобрать власть у царя и вынести постановление об изгнании Луция Тарквиния с супругою и детьми... Среди этих волнений Туллия бежала из дома, и, где бы ни появлялась она, мужчины и женщины проклинали ее, призывая отцовских богинь-отомстительниц» (Ливии).

Секст Тарквиний, совершивший насилие над Лукрецией, «был убит из мести старыми недругами, которых нажил в свое время казнями и грабежом».

Полученная несправедливым путем власть была с позором потеряна навсегда. Причем в 509 году до н. э. римляне отказались не только от династии Тарквиниев, но от царской власти вообще. «С тех пор стали избирать вместо одного царя двух консулов по той причине, что, если бы один из них захотел причинить зло, другой, обладая такой же властью, мог бы ему воспрепятствовать. И было определено, чтобы не имели они власти больше года, дабы чрезмерно не возгордились от постоянного правления и всегда чувствовали себя гражданами, памятуя, что через год будут они вновь частными лицами» (Евтропий).

Тарквиний еще надеялся вернуть трон с помощью чужеземного войска. В первом же сражении погибли Брут, которому принадлежала инициатива изгнания царей, и Аррунт – сын Тарквиния, но победа осталась за римлянами.

«На следующий год (508 год до н. э.) все тот же Тарквиний, стремясь получить обратно свое царство, пошел на римлян войной, имея союзником Порсену, царя этрусков, и едва не захватил Рим, но все же вновь был побежден. На третий год после изгнания царей (506 год до н. э.) Тарквиний так и не сумел овладеть престолом, и

Порсена, заключив с римлянами мир, перестал оказывать ему помощь. Тогда Тарквиний перебрался в Тускул, город, находящийся недалеко от Рима, и там, проведя 14 лет на положении частного лица, состарился вместе со своей женой» (Евтропий).

Судьба Туллии Младшей весьма похожа на судьбу Агриппины – матери Нерона. Но Туллии в отличие от Агриппины удалось дожить до старости и умереть своей смертью, хотя то, что власть, добытая столь высокой ценой, потеряна навсегда, было для нее хуже самой смерти.

Тевта

(? – после 228 года до нашей эры)

В душе римляне всегда оставались сухопутным народом и с предубеждением относились к соленой воде. Однако после 1-й Пунической войны (264 – 241 годы до н. э.) у Рима появились островные провинции и волей-неволей приходилось осваивать мореходство, строить торговый флот. Тирренское море, омывающее западную сторону Италии, Сицилию, Корсику, Сардинию, было освоено в кратчайшие сроки.

Аппетит приходит во время еды. О восточные берега Итальянского полуострова плескались волны Адриатического моря. По нему можно добраться до богатой Греции, а дальше – сказочный Восток. Глаза итальянских купцов горели алчным огнем, когда они планировали освоение Адриатики.

Имелся и чрезвычайно удобный порт на берегу Адриатического моря – Брундизий. Древний город в Калабрии перешел под власть римлян в 266 году до н. э. Римляне скоро оценили его преимущества и в конце 1-й Пунической войны вывели в Брундизий свое поселение.

Казалось, чего проще: есть великолепные гавани, море. Осталось нагрузить корабли и плыть, зарабатывать сестерции и денарии, получать удовольствие от созерцания заморских чудес. Но не тут-то было: на Адриатическом море римляне столкнулись с такой

проблемой, что разом отпала охота плавать на торговых кораблях. А виной тому стала женщина...

Пираты освоили морские просторы гораздо раньше римлян. Активность пиратов то возрастала до невиданных масштабов, то на время затихала. Все зависело от обстоятельств, и прежде всего от того, в каких руках находилось море – слабых и безвольных или умелых и сильных.

Во время, когда у римлян появился интерес к Адриатическому морю, там творилось что-то невообразимое. Пиратство не просто существовало – оно было поставлено на промышленную основу. Не очень достойным промыслом жило и кормилось целое государство – Иллирия. А раздробленная, утратившая былое величие Греция дрожала от страха и не имела никакой надежды справиться с этим бедствием.

Иллирия опоясывала восточное побережье Адриатического моря (теперь эту территорию занимают Босния, Черногория, Албания). Населяли ее народы фракийского корня. Перенаселенность страны и, как следствие, бедность заставляли жителей Иллирии искать счастья в морских набегах. Особенно искусными мореходами было племя либурнов – отсюда и пошло название быстроходного парусного двухпалубного пиратского судна. Занятию преступным ремеслом способствовала необычайно изрезанная береговая линия, предоставлявшая хорошие убежища.

Наивысшего расцвета иллирийское пиратство достигло при царе Агроне. Он фактически узаконил морской промысел и значительно усилил морские и сухопутные силы. От единовременных грабительских набегов иллирийцы перешли к захвату сопредельных

территорий. Македония уже не могла обеспечить безопасность эллинской торговли. Расписавшись в собственной беспомощности, она заключила дружеский договор с Иллирией. Царь Агрон использовал дружбу с македонянами, чтобы грабить их врагов – этолийцев.

Очередная крупная победа и явилась причиной преждевременной смерти правителя пиратского государства. «Царь Агрон по возвращении лодок выслушал сообщение начальников о битве и чрезвычайно обрадовался победе над этолянами, преисполненными величайшей гордыни. Он предался пьянству и прочим излишествам, заболел плевритом, от которого через несколько дней и умер», – рассказывает Полибий.

После Агрона остался малолетний сын от первого брака и молодая жена Тевта. Она и утвердилась на троне вместо неудачно отпраздновавшего победу мужа.

Царица оказалась еще более деятельной и кровожадной, чем прежний правитель. Она мечтала только о войне и победах. Тевта «прежде всего разрешила подданным грабить на море по своему усмотрению всякого встречного; потом она снарядила флот, собрала войско не меньше прежнего и, отправляя его в поход, дозволила начальникам поступать с каждой страной, как с неприятельской» (Полибий).

Разбойничий пыл иллирийцев не угас со смертью царя, наоборот, разгорелся с новой силой. Распоряжения царицы Тевты пришлись им по душе. «Иллирийцы же, вкусив сладости завоевания и власти, и желая большего и большего, выстроили себе корабли и стали грабить всех других, с кем бы им ни пришлось столкнуться», – подтверждает слова Полибия историк Павсаний. Пираты

проявляли изрядную изобретательность, чтобы завладеть добычей. Под видом купцов они появились в Мессении. Иллирийцы послали вестника в ближайший город Мофон с просьбой доставить на корабли вино.

Как далее разворачивались события, описывает Павсаний.

«Когда к ним с вином прибыло несколько мужчин, они купили у них вино по цене, назначенной самими мофонцами, и сами стали продавать им то, что привезли. Когда на следующий день к ним пришло из города большое количество людей, иллирийцы дали возможность и им получить от продажи выгоду. Наконец к ним на корабли пришло много женщин и мужчин для продажи вина и с тем, чтобы в свою очередь купить что-либо у варваров. Тогда иллирийцы со всей дерзостью бросились на них и похитили много мужчин и еще больше женщин; забрав их к себе на корабли, они поплыли к берегам Ионийского моря, оставив город Мофону почти безлюдным».

Другой флот иллирийцев приблизился к городу Фенике в Эпире. Пираты не стали немедленно штурмовать «укрепленный и могущественный город эпиротов» (Полибий). Они изъявили желание заpastись хлебом, а во время переговоров вошли в сношение с наемниками из племени галатов. (Их в городе находилось 800 человек.) Так, с помощью предательства, пираты овладели богатейшим городом.

Эпироты скоро опомнились и решили отбить город, но на помощь пиратам пришло сухопутное войско под предводительством Скердилаида. Сражение произошло перед городом. Войско Эпира, атакованное с одной стороны пятитысячным войском Скердилаида, с другой –

пиратами и галатами, потерпело поражение. «Многие из них пали на месте, еще больше взято в плен, прочие бежали...» (Полибий). «Ограбив Эпир, они (иллирийцы) заключили с жителями его перемирие, по условиям которого возвращали за выкуп свободнорожденных пленных и город. Рабов и прочую добычу они поместили в лодки, после чего часть их отправилась назад морем, а отряд Скердилаида отступил сухим путем через теснины Антигонии. Велико было смущение и страх, наведенные иллирийцами на прибрежных эллинов» (Полибий).

[1] . Эпироты даже не думали об отмщении обидчикам. Они отправили посольство к царице Тевте и заключили союз с иллирийцами, только это средство и могло быть некоторой защитой от пиратских набегов.

Полибий свидетельствует:

«Иллиряне и раньше постоянно нападали на торговых людей Италии, а во время пребывания в Фенике большая часть иллирян отделилась от флота и не замедлила ограбить множество италийских торговцев, причем одни из ограбленных были убиты, немало других увезено в плен». Последнее явилось большой ошибкой пиратов. Потерявшие чувство страха, упивающиеся

¹ [i] Пирр (319 – 273 годы до н э) – царь Эпира (государства в Северной Греции), крупнейший полководец эллинистической эпохи. Воевал в Италии во время конфликта Тарента с Римом В битве при Геракле в 280 году до н. э. его наемное войско нанесло римлянам поражение, в 279 году до н. э. при Аускуле Пирр вновь разбил римлян, но его армия понесла такие потери, что полководец воскликнул «Еще одна такая победа – и я останусь без войска!». (Отсюда идет выражение «Пиррова победа» – победа, равнозначная поражению.) Затем Пирр отплыл на Сицилию, где был разбит карфагенянами и мамертинцами. Переправившись в Грецию, победил царя Македонии Антигона. В поисках новых приключений воинственный царь Эпира отправился на Пелопоннес, где и погиб в уличном бою за город Аргос.

силой и безнаказанностью, иллирийцы еще не знали, что Рим нанесенных обид не прощает.

Тевта разбирала сокровища, награбленные в Эпире, когда к ней явились римские послы Гай и Луций Корунканий. Недовольна была царица, сурово и надменно держала себя с послами. Римляне перечислили все обиды, потребовали вернуть на родину италийских торговцев и возместить убытки. Тевта ответила:

– Я позабочусь о том, дабы римляне не терпели никаких обид от иллирийского народа. Что же касается отдельных лиц, то у царей Иллирии не в обычае мешать кому бы то ни было в приобретении себе добычи на море.

Луций Корунканий, раздраженный речью царицы, позволил себе дерзость (впоследствии она ему дорого обошлась):

– У римлян, Тевта, существует прекраснейший обычай: государство карает за обиды, причиненные частными лицами, и защищает обиженных. Мы с Божьей помощью постараемся вскоре заставить тебя исправить обычаи царей для иллирян.

Слова посла привели царицу в бешенство – она ведь привыкла, что правители соседних государств слезно просят мира и союза с Иллирией. А здесь какой-то римлянин из-за моря вздумал угрожать. Тевта отправила вслед послам воинов и приказала убить дерзкого Корункания. Что и было сделано, вопреки всем общепринятым нормам и человеческим правилам.

Сведения Полибия подтверждает Аппиан Александрийский, а Флор рисует еще более страшную картину преступления: «Наших послов, на законном

основании требовавших возмещения убытков, они убили, и даже не мечом, а топором, словно жертвы, а командиров кораблей сожгли. И самое недостойное – это приказала женщина».

Тевта посчитала, что подобным образом уладила недоразумения с римлянами, и занялась привычными делами. Весной 229 года до н. э. она снарядила две флотилии для грабежа Эллады. Первая вошла в гавань города Эпидамна под предлогом пополнения запасов воды и хлеба. Чтобы окончательно усыпить бдительность горожан, иллирийцы приблизились к Эпидамну безоружными, неся лишь большие сосуды для воды. Оказавшись у ворот, они извлекли мечи из сосудов и перебили привратников.

Пиратам удалось овладеть частью стен, но жители Эпидамна на редкость дружно принялись защищать свое имущество и свободу. После продолжительной битвы иллирийцев выбросили из города. «Таким образом, эпидамняне по своей беспечности едва было не потеряли родины, но благодаря мужеству без всякого ущерба для себя получили урок на будущее» (Полибий).

Побитые иллирийцы соединились со второй флотилией и все вместе приблизились к острову Керкире (Корфу). Жители Керкиры успели отправить послов к ахейцам и этолийцам с просьбой о помощи. Эллыны послали к острову 10 четырехпалубных кораблей. Произошла морская битва.

Иллирийцы, совершенно не жалея своих судов, сталкивались с кораблями ахейцев, воины перебирались на греческие суда и с боем захватывали их. Смелость принесла немалые плоды: иллирийцы завладели четырьмя четырехпалубными судами, а один корабль

потопили вместе с командой. Капитаны остальных эллинских кораблей, не полагаясь на удачу и собственную храбрость, вручили судьбу попутному ветру и умелости гребцов, изо всех сил помогавших ветру гнать корабли подальше от свирепых иллирийцев.

Подданные Тевты беспрепятственно продолжили осаду острова. Впрочем, она была недолгой: жители Керкиры увидели, что помощи ждать больше неоткуда, и вступили в переговоры с пиратами. Они согласились признать власть царицы Тевты и допустили в город отряд иллирийцев. Командовал ими Деметрий из Фара (остров у побережья Далмации).

Победа воодушевила пиратов. Они решили вернуться к Эпидамну и попытаться еще раз завладеть им. Но непокорный Эпидамн стал проклятием для пиратов.

Как раз в это время римляне вновь напомнили о себе и выбрали для этой цели более действенные меры, чем посольство. Консул Гней Фульвий с флотом в 200 кораблей приблизился к Керкире. Второй консул, Луций Постумий, вел сухопутную армию в составе 20 тысяч легионеров и 2 тысяч конников. Это было первое появление римских легионов на Балканах, и Рим постарался, чтобы оно выглядело как можно более эффектно.

Наместник Тевты на Керкире Деметрий Фарский даже не помышлял о сопротивлении: он направил римлянам предложение о передаче города и острова. Жители Керкиры с удовольствием отдались под покровительство римлян.

Затем Гней Фульвий направился по следам разбойников к Эпидамну. Его появление заставило

иллирийцев вторично отказаться от осады города и в панике бежать.

Флот римлян захватил 20 судов с награбленной добычей, а сухопутный консул тем временем покорял город за городом. Скоро в руках римлян оказалось почти все побережье, прежде принадлежавшее иллирийцам. Царица Тевта оставила столицу Скодру и укрылась в труднодоступной крепости Ризон. Весной 228 года до н. э. царица отправила к римлянам посольство с просьбой о мире.

Условия мира были чрезвычайно суровы для Иллирии. Римляне наложили на пиратское государство огромный налог. Тевту лишили трона, передав его малолетнему сыну Агрона. От обширных владений Иллирии осталась полоска земли: захваченные у греков города вернули прежним хозяевам, часть собственно иллирийских земель передали в управление Деметрию Фарскому под протекторатом Рима. Его же назначили регентом при малолетнем царе.

Превосходных мореходов, иллирийцев, лишили самого необходимого – моря. Им запретили плавать южнее определенной точки (Лисса) более чем двумя судами, причем на кораблях не должно было находиться никакого оружия.

Не забыли римляне и рассчитаться за посольство Корунканиев. Флор пишет: «Топоры, обрушившиеся на шею старейшин, умилоствовали манны послов».

Вся Эллада с восторгом приветствовала победы римского оружия. Уж больно досадили грекам иллирийские пираты. Посольства римлян тепло принимали Афины и прочие города Греции. Коринф допустил римлян к участию в Истмийских состязаниях.

Происходили они раз в три года и были весьма престижны в античном мире. Впоследствии даже римские императоры испытывали к ним огромный интерес.

Так римляне получили в свои руки удобные морские базы на берегу Адриатического моря, очистили его от пиратов и обрели благодарность эллинов.

На этом заканчивается история пиратской царицы, которая решилась бросить вызов Риму, но явно не рассчитала свои силы. После Деметрия Фарского на иллирийском троне мы видим другого военачальника Тевты – Скердилаида. Скорее всего, он предал свою царицу, как раньше это сделал Деметрий. В пиратском государстве свои законы, и неудачникам нет места в мире, где погоня за удачей, легкой добычей является смыслом жизни. Даже самое большое везение в определенный момент прекращает свое действие. Не стоит им злоупотреблять! Боготворимая подданными царица Тевта ушла со страниц древних рукописей и из жизни иллирян, как только заключила позорный договор с римлянами.

Софониба

(? – 203 год до нашей эры)

^[2] , подобно тому, как причиной Троянской войны явилась Елена. Она не получила всемирной известности Клеопатры. Но исход последних сражений войны зависел и от прелестных глаз этой карфагенянки.

Отец Софонибы – «Гасдрубал, сын Гисгона, был первым человеком в государстве [Карфагене] по родовитости, по своей славе, по богатству...» (Ливии). Он много лет сражался вместе с братьями Ганнибала в Испании. Когда Иберия оказалась потерянной для карфагенян, Гасдрубал перебрался в Африку. На его плечи легла защита Карфагена.

Софониба приняла участие в войне несколько необычным способом, но вполне закономерным. Дело в том, что самой боеспособной частью пунийского войска была нумидийская конница – это благодаря ей карфагеняне одержали множество побед, в том числе в знаменитой битве при Каннах. Недаром Карфаген любой ценой стремился заполучить воинственных всадников. Гордая пунийская знать не гнушалась даже родством с вождями полудиких племен. Во времена наемнической войны Гамилькар Барка (отец Ганнибала) выдал дочь за нумидийца, чтобы иметь в распоряжении небольшой отряд его воинов.

² [ii] Встречается также вариант Софонисба, ее пунийское имя – Сафанбаал.

Гасдрубал обладал именно тем, чего так жаждали нумидийские вожди. Красавица Софониба, еще не достигшая брачного возраста, без долгих раздумий была обещана Масиниссе – сыну царя из племени массилиев. Юноша, привязанный прелестными цепями к Карфагену, долгое время сражался под началом будущего тестя в Испании.

[3] , имевший и у других племен исключительный почет». И этот Сифак воспытал страстью к дочери Гасдрубала. Коль ему, самому сильному из нумидийских царей, не спешили доставить очаровательную Софонибу, то Сифак принялся грабить владения Карфагена. Более того, он заключил союз с Публием Сципионом и готовился нанести сокрушительный удар в спину пунийцам.

Пришлось карфагенянам прибегнуть к наиболее грозному оружию: Софонибу представили взору Сифака. И страшный враг в мгновение ока превратился в преданного друга. Помолвку с Масиниссой немедленно расторгли, а дочь Гасдрубала выдали замуж за Сифака. Причем все это свершилось, как утверждают источники, без ведома ее отца.

По свидетельству Аппиана, «узнав об этом, Гасдрубал был глубоко оскорблен за юношу и за дочь, которые оба подверглись оскорблению, но хотел вместе с тем помочь отечеству». Отца красавицы настолько волновал обман (не сдержали слово) по отношению к Масиниссе, что он, Гасдрубал, решил юношу... убить. Для

³ [iii] Сифак (Сифакс) – царь западных нумидийцев, соседствовавших с маврами
Масинисса – царь восточных нумидийцев

этой цели он послал к Масиниссе несколько всадников в качестве провожатых.

Гасдрубал явно недооценил бывшего кандидата в зятя. Последний благополучно ускользнул от подосланных убийц и покинул Испанию. Впрочем, в Африке он тоже не почувствовал себя в безопасности. С потерей невесты беды Масиниссы только начались. На родине его ждали невероятные приключения, если оценивать посторонним глазом; для Масиниссы же наступили годы жестокой борьбы – с блестящими победами, сокрушительными поражениями – годы походной жизни, полной лишений и смертельной опасности. В общем, он доставил немало хлопот и бывшему тестю, и мужу Софонибы, и всей Северной Африке.

В это время дела Ганнибала, который находился еще в Италии, были не очень хороши. Он блестяще разбил римлян в первых сражениях этой войны. Он уничтожал их десятками тысяч. Но лишить римлян мужества не мог даже непобедимый Ганнибал. В многолетней войне обескровилось и войско африканских пришельцев. Ганнибал понимал, что уже не в силах сломить Рим, но не мог и оставить врага, на которого потратил столько лет и борьба с которым являлась смыслом его жизни. Он отвел войско в самый дальний уголок Италии – Брутий – и занимал его еще долгих четыре года. Великий полководец надеялся на чудо...

А римляне настолько осмелели, что решили перенести войну в Африку, в самое сердце карфагенских владений. Главой заморской экспедиции назначили Публия Корнелия Сципиона, до этого времени успешно сражавшегося в Испании. Именно там Сципион заключил

союз с Сифаком, которого с помощью Софонибы переманили на свою сторону карфагеняне.

Военные приготовления Сципиона, конечно же, стали известны пунийцам (так римляне называли карфагенян). Особенно тревожился Гасдрубал, которому и предстояло защищать родину. Он помнил, что его зять связан договором с Публием Сципионом; и этот союз формально существовал до сих пор. Немало потрудиться пришлось и дочери Гасдрубала.

Гасдрубал, зная, «насколько лживы и неверны варвары, – пишет Ливии, – боясь, что женитьба не удержит Сифака, если Сципион появится в Африке, заставил нумидийца, еще пылавшего любовью (тут пошли в ход и ласковые уговоры молодой), отправить послов в Сицилию к Сципиону: пусть тот не полагается на его прежние обещания и не переправляется в Африку. Он, Сифак, связан брачными узами с карфагеняжкой, дочерью Гасдрубала, связан союзом с карфагенским народом. Вот чего он желает: пусть римляне воюют с карфагенянами вдали от Африки, как воевали прежде; Сифак не хочет быть втянут в их спор, не хочет, присоединившись к одной из сторон, нарушить договор с другой. Если Сципион будет упорствовать и подступит с войском к Карфагену, Сифак будет вынужден сражаться за Африку, за землю, где он родился, за отчизну своей жены, за ее отца и ее дом».

Софониба уговорила Сифака хранить верность Карфагену. Потеря союзника была весьма чувствительной для Сципиона, но, конечно, не могла заставить его отказаться от планов вторжения в Африку.

Хорошим или плохим полководцем был Сципион – трудно сказать, но дипломатом он был великолепным.

Еще в Испании Сципион понял, что «нумидийцы Масиниссы – главная сила всей вражеской конницы» (Ливии), и вступил с ливийцем в переговоры. Тогда Масиниссе не было никакого смысла менять красавицу-невесту на объятия Сципиона, но нумидиец знал, кто ему может быть полезен, если ситуация изменится. И такие времена пришли: козни самих карфагенян доставили Сципиону превосходного нумидийского воина-царя, но лишили мощного союзника в Африке – Сифака. Насколько была полезна карфагенянам подобная рокировка, проведенная с помощью Софонибы, – покажут последующие события. Ныне же Масинисса, потерявший любимую невесту и царство, жаждал мести и готов был служить любому, кто поможет рассчитаться за все его беды.

Весной 204 года до н. э. флот Сципиона, включавший 40 военных и 400 грузовых судов, благополучно пересек Средиземное море и высадился на Прекрасном мысе, недалеко от Утики. В начале кампании к Сципиону присоединился Масинисса. Воинов он привел немного: по оценкам разных источников, 200 – 2000 (то были нелучшие времена для нового союзника Сципиона). Однако Масинисса был великолепным стратегом, прекрасно освоившим тактику военных действий карфагенян и римлян. Он превосходно знал местность, на которой римлянам предстояло вести войну. Масиниссе неизменно сопутствовала удача в бесконечных авантюрах (самая большая удача – в том, что он до сих пор жив), а это немаловажно. Человек, которому покровительствуют боги, внушал римлянам уважение. И Сципиону улыбалось счастье. Схитрив, он нанес Гасдрубалу и его зятю жесточайшее поражение.

Карфагенянам вновь пришлось прибегнуть к своему прекрасному оружию. Софониба уговорила Сифака продолжить войну, уговорила «теперь уже не ласками, какими улецают влюбленного: обливаясь горькими слезами, она умоляла Сифака не бросать ее отца и отечество, не допустить Карфагену погибнуть в таком же пожаре, какой уничтожил лагерь» (Ливии).

В одной из очередных битв сошлись оба бывших претендента на руку и сердце Софонибы. Сифак личным примером пытался вдохновить войско, но только ускорил этим победу соперника. Лошадь под властителем Нумидии была тяжело ранена, он упал, а подняли его уже воины Масиниссы.

Потеряв вождя, войско помышляло не о борьбе, а лишь о бегстве. Большая часть беглецов укрылась в Цирте – столице Нумидии. Впрочем, главный город Сифака сдался без борьбы, едва увидел своего царя, закованного в цепи.

Лишь один человек продолжал борьбу с римлянами – то была жена Сифака, дочь Гасдрубала и мечта Масиниссы. Сражалась Софониба единственно доступным ей способом. Знатная карфагенянка упала на колени перед отверженным когда-то женихом и покорно просила:

– Смилуйся над умоляющей: реши сам судьбу твоей пленницы, но не допусти ей оказаться во власти надменного и жестокого римлянина. Будь я только женою Сифака, я и то предпочла бы положиться на честность нумидийца, своего земляка, а не чужака-иностранца. Чем страшны римляне карфагенянке, дочери Гасдрубала, ты знаешь. Если иначе нельзя, молю

и заклинаю тебя, освободи меня смертью от власти римлян.

Рассказ Ливия об этом полон сочувствия.

«Она была в расцвете юности, на редкость красива; в ее просьбах, когда она, то обнимая колени Масиниссы, то беря за руку, молила не выдавать ее римлянину, звучало столько ласки, что душу победителя переполнило не только сострадание... – пленница пленила победителя. Подав ей правую руку, Масинисса пообещал исполнить все ее просьбы и ушел во дворец».

Уединившись в покоях Сифака, Масинисса начал думать о том, как сдержать данное обещание. Впрочем, решение приняло сердце: победитель Сифака в тот же день приказал готовиться к свадьбе. Несчастный надеялся, что ни Лелий (римлянин, который помог Масиниссе одержать победу), ни Сципион не посмеют распоряжаться судьбой Софонибы, которая из пленницы превратится в его супругу.

Надежды влюбленного Масиниссы не оправдались. «Когда свадьбу справили, – говорит Ливии, – явился Лелий; он был так раздосадован, что собирался отправить Софонибу прямо с брачного ложа к Сципиону вместе с Сифаком и прочими пленными». Как утопающий хватается за соломинку, так Масинисса слезно упрашивал Лелия ничего не предпринимать в отношении карфагенянки до встречи со Сципионом. Пусть, мол, тот решит: «с кем из двух царей должна разделить судьбу Софониба».

Сципион, узнав о выборе Масиниссы, пришел в великий ужас. Накануне он допрашивал Сифака. Аппиан

Александрийский передает диалог римского военачальника и поверженного врага:

– Какой демон заставил тебя, бывшего мне другом и побуждавшего меня прийти в Ливию, обмануть богов, которыми ты клялся, – спрашивал Сципион, – обмануть вместе с богами римлян и предпочесть воевать в союзе с карфагенянами вместо союза с римлянами, которые недавно помогли тебе против карфагенян?

– Софониба, дочь Гасдрубала, которую я полюбил себе на гибель, – ответил Сифак. – Она сильно любит свое отечество и способна всякого склонить к тому, чего она хочет. Она меня из вашего друга сделала другом своего отечества и из такого счастья ввергла в это бедствие.

Сифак уже не думал ни о Карфагене, ни о Риме: любимая женщина принадлежала врагу. Так пусть же она умрет! Сифак не допустит, чтобы более удачливый соперник держал в объятьях Софонибу в его собственном дворце!

Если бы Сифак повел речь в другом направлении, возможно и Сципион не был бы так негативно настроен против женитьбы своего союзника. И тогда мог измениться и ход войны, и дальнейшее развитие цивилизации. Софонибе вполне было по силам повернуть Масиниссу в противоположную сторону – эта женщина умела править мужчинами.

К несчастью для Софонибы, Публий Сципион был хорошим дипломатом и, следовательно, знатоком человеческих душ. Он понял, что союзника необходимо срочно спасать. Сципион одинаково приветливо встретил возвратившихся с победой Лелия и Масиниссу, обоих удостоил похвал перед военным советом. Затем отвел

Масиниссу в сторону и спокойным голосом (как и подобает мудрейшему) произнес:

– Я думаю, Масинисса, что еще в Испании, при первой встрече, ты увидел во мне что-то доброе и потому вошел со мной в дружбу; в Африке все свои надежды связал со мной; но среди всех моих хороших свойств, которые побудили тебя искать моего расположения, ни одним я так не горжусь, как умением владеть собой и не поддаваться страсти. Я бы хотел, Масинисса, чтобы ты к своим превосходным качествам добавил и это. В нашем возрасте, поверь мне, страсть к наслаждениям опаснее вооруженного врага. Тот, кто ее укротил, одержал большую победу и заслуживает большего уважения, чем мы, победившие Сифака.

Ты действовал в мое отсутствие энергично и мужественно – я с удовольствием об этом вспоминаю и хорошо помню. Об остальном подумай сам: я не хочу, чтобы ты краснел от моих слов. По милости богов Сифак побежден и взят в плен. Значит, он сам, его жена, его царство, земля, города, население его страны – все, что принадлежало Сифаку, – добыча римского народа. И царя, и его жену, если бы даже не была она карфагеняжкой, если бы даже не знали мы, что отец ее вражеский военачальник, следует отправить в Рим. Пусть сенат и народ римский решат судьбу той, о которой говорят, что она отвратила от нас царя-союзника и заставила его безрассудно взяться за оружие.

Победи себя: смотри, сделав много хорошего, не погуби все одной оплошностью; не лиши себя заслуженной благодарности, провинившись по легкомыслию.

Бедняга Масинисса разрывался на части: сердце его принадлежало Софонибе, но разум подчинялся Сципиону. Нумидиец понимал, что, связав судьбу с Софонибой, он потеряет все – и это тогда, когда соперник находится в оковах, карфагеняне разбиты и путь к власти над Нумидией свободен.

Долго влюбленный юноша оставался в своей палатке, проходившие мимо слышали его стоны и рыдания. Наконец Масинисса вызвал верного раба и велел отнести Софонибе отравленный кубок. Он так и не смог попрощаться с женой, посмотреть ей в глаза. Велик был страх, что карфагенянка одним взглядом изменит его решение, заставит нового мужа воевать со всем миром. Масинисса боялся увидеть ее – беззащитную, преданную им и обреченную на смерть, но такую желанную...

Раб-палач передал Софонибе слова нумидийского вождя: Масинисса рад бы исполнить первое обещание, которое дал как муж жене, но те, кто властен над ним, этого не позволят, и он исполняет второе свое обещание: она не попадет живой в руки римлян. Пусть сама примет решение, помня, что она дочь карфагенского вождя и была женой двух царей.

Карфагенянка мужественно выслушала приговор мужа и ответила рабу, передавшему яд.

– Я с благодарностью приму этот свадебный подарок, если муж не смог дать жене ничего лучшего; но все же скажи ему, что легче было бы мне умирать, не выйдя замуж на краю гибели.

«Твердо произнесла она эти слова, взяла кубок и, не дрогнув, выпила» (Ливии).

Сципион опасался, как бы Масинисса с горя не последовал за женой. Он не отпускал нумидийца от себя ни на шаг, а на следующий день нашел способ уменьшить его скорбь.

[4] . Сципион почтил юношу и речью: нет в Риме отличия выше триумфа, ни один римский триумфатор не был облачен так роскошно, и римский народ из всех чужестранцев одного Масиниссу считает достойным такого убора».

Сифака отвезли в Рим, где он вскоре умер, не в силах переносить свое бедственное положение. А карфагеняне тысячу раз пожалели, что отдали Софонибу не тому нумидийскому царю.

Отца Софонибы за поражение в битве карфагеняне приговорили к смерти. Гасдрубал бежал с остатками войска теперь уже от сограждан и занялся разбоем, как недавно промышлял этим делом отверженный жених Софонибы – Масинисса.

История прелестной карфагенянки вдохновила Рембрандта ван Рейна написать в 1634 году картину «Софониба принимает чашу с ядом». Величественная гордая карфагенянка на картине очень похожа на любимую жену художника пышнотелую Саскию, но весь трагизм ситуации передан художником великолепно.

⁴ [iv] Все эти вещи (кроме чаши) были в Риме знаками отличия полководца-триумфатора, а также традиционным подарком для царей. Подобные вещи получили Сифак, когда считался союзником Рима.

Жена Гасдрубала

(? – 146 год до нашей эры)

«Карфаген должен быть разрушен!» – кто не знает фразу, ставшую крылатой. Марк Порций Катон, неустанно ее произносивший, обрел не меньшую знаменитость, чем разрушитель ненавистного города – Публий Корнелий Сципион.

Слово может быть значительнее дела! А ведь и Катон вполне достоин славы за собственные дела. Хотя бы взять сообщение Аврелия Виктора об одном его успехе: «Он родил сына, будучи старше восьмидесяти лет». Впрочем, это лишь интересный факт, не имеющий отношения к нашему рассказу; тем более, Катон не дожил до событий, которых страстно желал.

Летом 149 года до н. э. на африканском побережье высадились 80 тысяч легионеров и 4 тысячи всадников – началась 3-я Пуническая война. Война самая позорная и недостойная Рима. Помимо того что не существовало достаточно весомого повода уничтожить город (кроме ненависти Катона, разумеется), карфагеняне совершенно не имели сил, средств и желания противостоять Риму. Упавшие духом соплеменники великого Ганнибала направили послов к консулам с приказом соглашаться на все их условия.

Карфагенянам было предложено выдать имеющееся в городе оружие. Требование незамедлительно исполнили: «Римлянам карфагеняне выдали больше

двухсот тысяч комплектов вооружения и две тысячи катапульт», – пишет Полибий. (Перед этим 300 карфагенских юношей отправились заложниками на Сицилию.) Затем римляне выдвинули новое условие: карфагеняне должны покинуть город и переселиться в глубь Африки. Оно было заведомо невыполнимым – лишить потомков финикийцев моря и торговли было хуже, чем лишить их жизни.

Когда послы передали согражданам слова римлян, «все они разом вскрикнули и как бы оцепенели. Но когда сообщение послов разошлось в народе, оцепенение кончилось: одни кидались на послов, как бы на виновников постигшего их несчастья, другие – на оставшихся в городе италийцев, чтобы на них излить свою ярость, третьи бежали к городским воротам» (Полибий). «Эта жестокость вызвала такой гнев, что карфагеняне предпочли самое худшее. Раздался всенародный клич: „К оружию!“ Они приняли решение сопротивляться, и не потому, что уже не оставалось никакой надежды, но потому, что предпочли, чтобы родина была низвергнута руками врагов, а не их собственными» (Флор).

Оружия в городе не было – его, как и флот, накануне передали римлянам. «Каково было воодушевление сопротивляющихся, можно представить по тому, что для нужд нового флота они разрушили кровли домов, – сообщает Флор. – В оружейных мастерских вместо меди и железа расплавлялось золото и серебро, для тетив метательных машин знатные женщины собрали свои волосы».

Римляне окружили Карфаген со всех сторон, но пунийский военачальник Гасдрубал не терял надежды на

мирный исход. Он через нумидийского царя Голоссу просил Сципиона пощадить город. «Публий внял этой речи и поручил Голоссе передать Гасдрубалу, что дарует жизнь ему самому, жене, детям, десяти родственным с ним или дружественным семействам, кроме того, позволяет ему взять с собой десять талантов из своих денег или всех слуг, каких пожелает» (Полибий).

Сципион желал оставить непокорный город и без военачальников, но у Гасдрубала хватило мужества отказаться от позорного способа спасения жизни. На этот раз... «Гасдрубал подошел к царю и, выслушав предложения римского военачальника, несколько раз ударил себя по бедру, потом, призвав богов и судьбу в свидетели, объявил, что никогда не наступит тот день, когда бы Гасдрубал глядел на солнечный свет и вместе на пламя, пожирающее родной город, что для людей благомыслящих родной город в пламени – почетная могила» (Полибий).

Три долгих года длилась осада безоружного города. Весной 146 года до н. э. Сципиону удалось ворваться в Карфаген. Шесть дней война шла на городских улицах, в домах горожан, «причем римское войско постоянно сменялось, чтобы не устать от бессонницы, трудов избиения и ужасных зрелищ». На седьмой день в руках карфагенян оставалась только Бирса – самая мощная карфагенская крепость. Римляне устали проливать кровь, и когда к Сципиону пришла оттуда просьба о милосердии, он согласился даровать жизнь всем, кроме перебежчиков. Вышли вместе с женами 50 тысяч карфагенян – всех их ожидало рабство.

Аппиан сообщает:

«Перебежчики из римлян, приблизительно девятьсот человек, отчаявшись в своем спасении, бежали в храм Асклепия вместе с Гасдрубалом, женой Гасдрубала и двумя его маленькими детьми. Оттуда они упорно продолжали сражаться ввиду высоты храма, выстроенного на отвесной скале, к которому и во время мира поднимались по шестидесяти ступеням. Но когда их стал изнурять голод, бессонница, страх и утомление и так как бедствие приближалось, они покинули ограду храма и вошли в самый храм и на его крышу».

В это время Гасдрубал, позабыв свои обеты и клятвы, бежал к римлянам. Гордого военачальника пред ликом смерти охватил такой страх, что он упал к ногам Сципиона и слезно молил сохранить ему жизнь.

«...Когда Гасдрубал, карфагенский военачальник, в положении просящего сидел у ног Сципиона, – пишет Полибий, – сей последний, окинув взглядом присутствующих, сказал: „Смотрите, какой внушительный урок дает судьба безумцам. Безумец этот – Гасдрубал, ибо недавно он отринул наши милостивые условия и говорил, что для него пламень горящего родного города – почетнейшая могила. И вот теперь с молитвенной веткой в руках он просит сохранить ему жизнь и на нас возлагает все упования свои. При виде этого человека не может не прийти на мысль каждому, что нам, смертным, никогда не подобает дозволять себе ни речей наглых, ни поступков“».

Тем временем защитники храма Асклепия заметили Гасдрубала среди врагов и попросили римских передовых воинов приостановить битву. Едва Сципион исполнил эту просьбу, «как они обрушились на Гасдрубала с ругательствами, причем то укоряли его за

клятвопреступление, напоминая, как часто он клялся на жертвенниках не покидать их, то поносили его за трусость и душевную низость вообще. Речь их была полна насмешек и грубой беспощадной брани» (Полибий).

Излив таким образом свои эмоции, перебежчики подожгли храм. Огонь охватил здание. Языки пламени, пожирая последних защитников Карфагена, вырывались наружу. В это время на крыше появилась жена Гасдрубала «в приличествующем ей пышном одеянии, а по обеим сторонам ее стояли два мальчика, одетые в короткие платица, держа мать за руки; она прикрывала их собственной одеждой» (Полибий). Окружившие храм римляне с ужасом взирали на страшное зрелище, лишь треск огня и стоны людей, горевших заживо, задыхавшихся в дыму, нарушали тишину. Жена Гасдрубала обратилась к Сципиону:

– Тебе, о римлянин, нет мщения от богов, ибо ты сражался против враждебной страны. Этому же Гасдрубалу, оказавшемуся предателем отечества, святилищ, меня и своих детей, да отомстят ему и боги Карфагена, и ты вместе с богами.

Затем, обратившись к Гасдрубалу, она сказала:

– О преступный и бессовестный, о трусливейший из людей! Меня и моих детей похоронит этот огонь; ты же, какой триумф украсишь ты, вождь великого Карфагена?! И какого только наказания ты не понесешь от руки того, в ногах которого ты теперь сидишь?

Произнеся такие оскорбительные слова, она зарезала детей, бросила их в огонь и сама бросилась туда же.

«С такими словами, говорят, умерла жена Гасдрубала, – заканчивает рассказ Аппиан, – а должен был бы умереть сам Гасдрубал. И Сципион... видя, как этот город, процветавший семьсот лет со времени своего основания, властвовавший над таким количеством земли, островами и морем, имевший в изобилии и оружие, и корабли, и слонов, и деньги, наравне с величайшими державами, но много превзошедший их смелостью и энергией, видя, как этот город, лишенный и кораблей, и всякого оружия, тем не менее в течение трех лет противостоял такой войне и голоду, а теперь окончательно обречен на полное уничтожение, – видя все это, Сципион заплакал и открыто стал жалеть своих врагов».

Подвиг жены Гасдрубала, от которого холодеет кровь, описан во многих источниках; отличаются лишь последние минуты жизни детей. Согласно Титу Ливию, она «с двумя детьми бросилась с крепостной стены в самое пламя горящего города». У Флора «схватив детей, она с кровли бросилась в пламя, подражая царице, основательнице Карфагена».

Время не сохранило имени жены карфагенского военачальника; остался лишь поступок, который поставил последнюю точку в истории достойно погибшего города.

Святынище Асклепия, которое стало могилой жены Гасдрубала, «было наиболее знаменитое и богатое из всех других в крепости». Точно так же карфагеняне обошлись с остальным своим имуществом. «О величии разрушенного города можно судить, не говоря уже о прочем, по продолжительности пожара. За семнадцать дней едва смог угаснуть огонь, который враги

добровольно направили на свои дома и храмы: если не смог устоять против римлян город, должен был сгореть их триумф» (Флор). Добыча римлян после взятия богатейшего города мира была не больше, чем после разграбления Сиракуз.

Что сделал Рим со своим давним врагом? Аппиан пишет:

«Сенат из своего числа послал десять знатнейших, чтобы они вместе со Сципионом организовали Ливию на благо римлян; они решили, чтобы все, что еще осталось от Карфагена, Сципион разрушил, и запретили кому бы то ни было заселять это место; они прокляли того, кто вновь заселит это место, особенно Бирсу и так называемые Мегары, но вступать на эту землю не запретили».

Сервилия

(около 100 года – не ранее 42 года до нашей эры)

Сервилия происходила из древнего знаменитого патрицианского рода; ее братом был Марк Порций Катон – самый последовательный защитник республики и непримиримый враг Гая Юлия Цезаря.

Сервилия и Катон, рано лишившись родителей, воспитывались в доме Ливия Друза – дяди по материнской линии. Дядя, как характеризует его Плутарх, «руководил в ту пору государственными делами; ибо он отличался замечательным красноречием и величайшей воздержанностью, да и умом никому из римлян не уступал».

Хотя у знатных сирот было одно воспитание, причем весьма неплохое, выросли они совершенно разными. Все помыслы Катона, все его дела были направлены на благо отечества. Его желание сделать римлян лучше и честнее вошло в поговорки. Когда один сенатор, человек порочный и расточительный, держал речь о бережливости и воздержанности, его товарищ воскликнул: «Послушай, это право же, непереносимо! Ты обедаешь, как Лукулл, строишь дворцы, как Кресе, а поучаешь нас, как Катон!» (Лукулл прославился любовью к изысканной роскоши, а богачу Крассу принадлежала едва ли не половина домов в Риме.)

Сестры Катона больше заботились о собственном удовольствии, жертвуя даже узкосемейными интересами. «По-видимому, – предполагает Плутарх, – вообще женская половина семьи доставляла Катону одни неприятности». Сервилия «пользовалась дурной славой из-за Цезаря», а ее младшая сестра была выгнана из дома за распутство собственным мужем – знаменитым военачальником Луцием Лукуллом.

Дядя, «отличавшийся величайшей воздержанностью», не смог передать Сервилии своих положительных качеств. Впрочем, она не сразу стала вызывать краску на лице брата своим поведением.

Первый муж Сервилии, Марк Юний Брут, происходил из старинной фамилии, весьма знаменитой республиканскими традициями. Он подарил ей сына (тоже Марка) и сложил голову в междоусобной войне в 77 году до н. э.

Второй муж, Децим Юний Силан, также был не последним человеком в Риме; в 70 году до н. э. он избирается эдилом, а в 62 году до н. э. занимает самую высокую должность в государстве – становится консулом. Сервилия родила ему трех дочерей, которые получили имя Юния (к одинаковым именам дочерей римляне прибавляли числительное – Первая, Вторая, Третья).

Своим мужьям Сервилия изменяла с тем, кого считала самой большой любовью в своей жизни, – с Гаем Юлием Цезарем. Плутарх рассказывает случай, произошедший во время заседания сената: «Когда между Цезарем и Катонем шла напряженная борьба и жаркий спор, и внимание всего сената было приковано к ним двоим, Цезарю откуда-то подали маленькую табличку. Катон заподозрил неладное и, желая бросить на Цезаря

ть, стал обвинять его в тайных связях с заговорщиками и потребовал прочесть записку вслух. Тогда Цезарь передал табличку прямо в руки Катону, и тот прочитал бесстыдное письмо своей сестры Сервилиии к Цезарю, который ее соблазнил и которого она горячо любила. „Держи, пропойца“, – промолвил Катон, снова бросая табличку Цезарю, и вернулся к начатой речи».

Воспитание Сервилиии было действительно разносторонним: если соблазнить Цезаря было делом несложным, то удерживать его долгие годы – это уже высокое искусство. «На любовные утехи он, по общему мнению, был падок и расточителен, – рассказывает Светоний. – Он был любовником многих знатных женщин, в том числе Постумии, жены Сервия Сульпиция, Лоллии, жены Авла Габиния, Тертуллы, жены Марка Красса, и даже Муции, жены Гнея Помпея». Среди знаменитых любовных побед Цезаря числятся даже две царицы: египетская и мавританская.

После смерти второго мужа – Децима Силана в 61 году до н. э. Сервилиия больше не вышла замуж и всецело посвятила себя обожаемому Цезарю. Кажется, над этой великой любовью не властвовало даже время: когда умер Силан, Сервилиии было около 40 лет, а во время гражданской войны – уже за 50. Правда, коварная сестра Катона использовала хорошую приманку, чтобы удержать Цезаря подле себя и пользоваться не только его любовью.

Однако послушаем, что говорит по поводу их взаимоотношений Светоний.

«Но больше всех остальных он любил мать Брута, Сервилию: еще в свое первое консульство он купил для нее жемчужину, стоившую шесть миллионов, а в

гражданскую войну, не считая других подарков, он продал ей с аукциона богатейшие поместья за бесценок. Когда многие дивились этой дешевизне, Цицерон остроумно заметил: „Чем плоха сделка, коли третья часть остается за продавцом?“ Дело в том, что Сервилия, как подозревали, свела с Цезарем и свою дочь Юнию Третью».

Трагедия этой женщины была огромна: вся ее семья воевала против обожаемого Юлия Цезаря. Борьба шла не на жизнь, а на смерть – в Африке покончил с собой Марк Порций Катон. Брат Сервилии был совестью римской республики, и никому другому из римлян не подражал сын Сервилии «с таким рвением, как этому человеку, который приходился ему дядей, а впоследствии сделался и тестем». Естественно, Марк Брут воевал против Цезаря, но ему повезло больше, чем Катону.

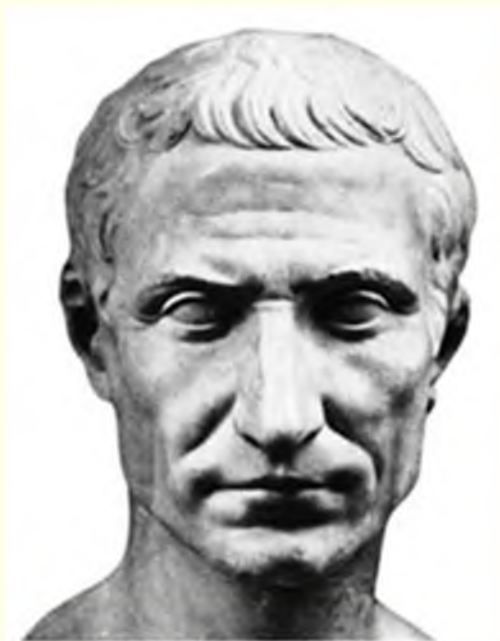
Интереснее всего то, что Юлий Цезарь заботился о своем враге, как о самом близком человеке. Накануне битвы при Фарсале Цезарь «приказал начальникам своих легионов не убивать Брута в сражении, но живым доставить к нему, если тот сдастся в плен добровольно, а если окажет сопротивление, – отпустить, не применяя насилия».

Плутарх объясняет причину милости Цезаря: «Такой приказ он отдал в угоду Сервилии, матери Брута. Известно, что в молодые годы он находился в связи с Сервилией, которая была без памяти в него влюблена, и Брут родился в самый разгар этой любви, а стало быть, Цезарь мог считать его своим сыном».

Бруту удалось остаться в живых после битвы при Фарсале; он благополучно добрался до Лариссы и оттуда написал Юлию Цезарю. «Цезарь был рад его спасению,

позвал Брута к себе и не только освободил его от всякой вины, но и принял в число ближайших друзей» (Плутарх). Брут даже убедил своего покровителя простить и Кассия. Знал бы Цезарь, чем обернется его доброта!

Цезарь надеялся своей милостью расположить к себе сына Сервилии. Он получил самую высокую из преторских должностей, а через три года должен был стать консулом. Готовясь переправиться в Африку для борьбы с Катоном и Сципионом, Цезарь назначил Брута правителем Предальпийской Галлии. По словам Плутарха, «Брут и вообще пользовался могуществом Цезаря в той мере, в какой желал этого сам. Будь на то его желание – и он мог бы стать первым среди приближенных диктатора и самым влиятельным человеком в Риме. Но уважение к Кассию отрывало и отвращало его от Цезаря...»

Цезарь (Мрамор. Конец I в. до н. э.)

Гениальный диктатор прекрасно знал характер сына своей любовницы. Однажды ему донесли, что Брут

замешан в заговоре. «Цезарь не обратил на это внимания. Прикоснувшись рукой к своему телу, он сказал доносчику: „Брут по– временит еще с этим телом!“ – желая этим сказать, что, по его мнению, Брут за свою доблесть вполне достоин высшей власти, но стремление к ней не может сделать его неблагодарным и низким» (Плутарх). В другой раз, получив донос о том, что Антоний и Долабелла замышляют мятеж, Цезарь сказал: «Я не особенно боюсь этих длинноволосых толстяков, а скорее – бледных и тощих», намекая на Кассия и Брута.

Именно Брут и Кассий возглавили заговор против Цезаря. 15 марта 44 года до н. э. свершилось знаменитое убийство диктатора. Цезарь мужественно сопротивлялся убийцам, обступившим его со всех сторон. «Удары уже сыпались градом, Цезарь, однако же, все озирался, ища пути к спасению, но, когда заметил, что оружие обнажает и Брут, разжал пальцы, сдавившие запястья Каски, накинул край тоги на голову и подставил тело под удары. Слепо и поспешно разя многими кинжалами сразу, заговорщики ранили друг друга, так что и Брут, бросившийся на Цезаря вместе с остальными, получил рану в руку, и все без изъятия были залиты кровью» (Плутарх).

Цезарь увидел Брута, который приближался с кинжалом, и произнес:

– И ты, дитя мое?

Последние слова великого человека.

Когда однажды Цезаря спросили, какую смерть он бы предпочел, диктатор ответил: неожиданную. Желание его сбылось. Самой большой неожиданностью для Цезаря, привычного к заговорам и мятежам, стало то, что

оружие над ним занес благодетельствованный им предполагаемый сын.

Неисчислимы были страдания Сервилии. От руки ее сына погиб человек, которого она беззаветно и преданно любила всю жизнь. По вине Цезаря погибли самые близкие родственники: брат Катон, племянница Порция, спустя два года покончил с собой Марк Юний Брут. «Антоний нашел тело Брута и распорядился обернуть его в самый дорогой из своих пурпурных плащей, а когда узнал, что плащ украли, казнил вора. Урну с пеплом он отправил матери Брута, Сервилии» (Плутарх).

Это последнее упоминание в источниках имени женщины, которая любила Гая Юлия Цезаря и была любима им. Дальнейшая судьба Сервилии неизвестна.

Порция

(? – 42 год до нашей эры)

Отец Порции приходился правнуком тому самому Катону который настоял на разрушении Карфагена. Впрочем, Марк Порций Катон Младший (96 – 46 годы до н. э.) не менее известен, чем предок, – но не как завоеватель, а как наиболее активный и последовательный защитник римской республики. Когда Гай Юлий Цезарь в 49 году до н. э. перешел Рубикон, Катон не раздумывая встал на сторону Гнея Помпея, которого, кстати, всегда недолюбливал.

Катона решительно ничто не интересовало в жизни, кроме общественной пользы. Для нее, как и вообще для римской республики, он был готов пожертвовать всем – даже своей женой, не говоря о собственной жизни. Плутарх рассказывает один интересный случай из семейной жизни Катона, в котором упоминается и Порция.

«Эта сторона жизни Катона вообще полна необъяснимых загадок – словно какая-нибудь драма на театре... Среди многих почитателей Катона были такие, что явственнее прочих выказывали свое восхищение и любовь, и к их числу принадлежал Квинт Гортензий, человек с громким именем и благородного нрава. Желая быть не просто приятелем и другом Катона, но связать себя самыми тесными узами со всем его домом и родом, он попытался уговорить Катона, чтобы тот передал ему

свою дочь Порцию, которая жила в супружестве с Бибулом и уже родила двоих детей: пусть, словно благодатная почва, она произведет потомство и от него, Гортензия.

По избитым человеческим понятиям, правда, нелепо, продолжал он, но зато согласно с природою и полезно для государства, чтобы женщина в расцвете лет и сил и не пустовала, подавив в себе способность к деторождению, и не рождала больше, чем нужно, непосильно обременяя и разоряя супруга, но чтобы право на потомство принадлежало всем достойным людям сообща, – нравственные качества тогда щедро умножаются и разольются в изобилии по всем родам и семьям, а государство благодаря этим связям надежно сплотится изнутри. Впрочем, если Бибул привязан к жене, он, Гортензий, вернет ее сразу после родов, когда через общих детей сделается еще ближе и самому Бибулу и Катону».

Марк Катон отверг весьма необычное предложение знаменитого оратора, касающееся Порции. Но послушаем Плутарха дальше: следующий способ породниться с Катонем, предложенный Квинтом Гортензием, не менее интересен и сумасброден.

«Катон на это ответил, что любя Гортензия и отнюдь не возражая против родственной связи с ним, находит, однако, странным вести речь о замужестве дочери, уже выданной за другого. И тут Гортензий заговорил по-иному и, без всяких околичностей раскрыв свой замысел, попросил жену самого Катона: она еще достаточно молода, чтобы рожать, а у Катона уже и так много детей. И нельзя сказать, что он отважился на такой шаг, подозревая равнодушие Катона к жене, –

напротив, говорят, что как раз в ту пору она была беременна. Видя, что Гортензий не шутит, но полон настойчивости, Катон ему не отказал и заметил только, что надо еще узнать, согласен ли на это и Филипп, отец Марции».

Тесть Катона не возражал против приобретения нового зятя и лишь поставил условие: «чтобы Катон присутствовал при помолвке и удостоверил ее». Так Марция была сдана напрокат другу; как оказалось позже, из этой глупости Катон извлек неплохую выгоду. Гортензий умер, оставив огромное состояние Марции, которую опять принял Катон.

Впоследствии Цезарь обвинял своего политического противника в не совсем красивом доходном промысле: «Зачем, спрашивается, надо было уступать жену другому, если она нужна тебе самому, а если не нужна – зачем было брать ее назад? Ясное дело, что он с самого начала хотел поймать Гортензия на эту приманку и ссудил ему Марцию молодой, чтобы получить назад богатой!» Но Плутарх не разделяет подобных сплетен, ибо «корить Катона низкой алчностью – все равно, что Геракла называть трусом».

Чистоту помыслов Катона наиболее ярко подтверждает его смерть. Ведя борьбу с Цезарем, Катон перебрался в Африку. Когда и там республиканцы были разгромлены, Катон поступил, как поступает гордый римлянин, потерпевший поражение, но не желающий признавать власть победителя. «Он обнажил меч и вонзил себе в живот пониже груди; больная рука не смогла нанести достаточно сильного удара, и он скончался не сразу, но в предсмертных муках упал с кровати, опрокинув стоявший рядом столик со счетною

доской, так что рабы услышали грохот, закричали, и тут же в спальню ворвались сын и друзья. Увидев его, плавающего в крови, с вывалившимися внутренностями, но еще живого – взор его еще не потускнел – они оцепенели от ужаса, и только лекарь, приблизившись, попытался вложить на место нетронутую мечом часть кишок и зашить рану. Но тут Катон очнулся, оттолкнул врача и, собственными руками снова разодрав рану, испустил дух».

Цезарь, узнав о кончине одного из главных своих врагов, печально воскликнул: «Ох, Катон, ненавистна мне твоя смерть, потому что и тебе ненавистно было принять от меня спасение!».

Не только отец, но и второй муж Порции оказался человеком фанатично преданным республиканским традициям. После смерти Марка Кальпурния Бибула она вышла замуж за Марка Юния Брута.

«Когда Помпеи и Цезарь взялись за оружие, – сообщает Плутарх, – и государство разделилось на два враждебных стана, а власть заколебалась, никто не сомневался, что Брут примет сторону Цезаря, ибо отец его был убит Помпеем. Но, ставя общее благо выше собственной приязни и неприязни и считая дело Цезаря менее справедливым, он присоединился к Помпею».

Брут добросовестно сражался против Цезаря в Греции, но после битвы при Фарсале стало ясно, что дело республиканцев проиграно. Цезарь простил Марка Брута и даже приблизил его к себе. Но... на Капитолии среди статуй царей стояло бронзовое изображение Юния Брута – далекого предка мужа Порции, который сверг в Риме царей и установил власть консулов. Это

обстоятельство использовали заговорщики, чтобы заполучить Брута в свои ряды.

Статуя древнего Брута была испещрена надписями: «О, если бы ты был сегодня с нами!», «Если бы жил Брут!» На судейском возвышении, где он исполнял свои обязанности, однажды утром Брут обнаружил множество табличек со словами: «Ты спишь, Брут?» и «Ты не настоящий Брут!»

Порция сразу заметила, что с мужем связано что-то таинственное и опасное.

Послушаем Плутарха.

«Отлично образованная, любившая мужа, душевное благородство соединявшая с твердым разумом, Порция не прежде решилась спросить Брута о его тайне, чем произвела над собою вот какой опыт. Раздобыв цирюльничий ножик, каким обыкновенно срезавают ногти, она закрылась в опочивальне, выслала всех служанок и сделала на бедре глубокий разрез, так что из раны хлынула кровь, а немного спустя начались жестокие боли и открылась сильная лихорадка. Брут был до крайности встревожен и опечален, и тут Порция в самый разгар своих страданий обратилась к нему с такою речью:

– Я дочь Катона, Брут, и вошла в твой дом не для того только, чтобы, словно наложница, разделять с тобою стол и постель, но чтобы участвовать во всех твоих радостях и печалях. Ты всегда был мне безупречным супругом, а я... чем доказать мне свою благодарность, если я не могу понести с тобою вместе сокровенную муку и заботу, требующую полного доверия? Я знаю, что женскую натуру считают не способной сохранить тайну. Но неужели, Брут, не

оказывают никакого воздействия на характер доброе воспитание и достойное общество? А ведь я – дочь Катона и супруга Брута! Но если прежде, вопреки всему этому, я полагалась на себя не до конца, то теперь узнала, что неподвластна и боли.

С этими словами она показала мужу рану на бедре и поведала ему о своем испытании. Полный изумления, Брут воздел руки к небесам и молил богов, чтобы счастливым завершением начатого дела они даровали ему случай выказать себя достойным такой супруги, как Порция. Затем он попытался успокоить и ободрить жену».

С тех пор Порция стала полноправной участницей заговора против Цезаря и во всем поддерживала мужа. В роковые мартовские иды 44 года до н. э., когда Марк Брут вышел из дома, имея при себе кинжал, «никто, кроме жены, об этом не ведал».

Несмотря на мужество, Порции лучше было не знать, что предстояло мужу в тот день. Спустя некоторое время к Бруту, находившемуся на заседании сената, приблизился кто-то из домочадцев с вестью, что Порция при смерти. «И верно, Порция была в таком напряженном ожидании и настолько переполнена тревогой, – пишет Плутарх, – что с величайшим трудом могла принудить себя остаться дома, при любом шуме или же крике вскакивала с места, словно одержимая вакхическим безумием, жадно расспрашивала каждого приходившего с форума, что с Брутом, и сама посылала гонца за гонцом. Задержка тянулась нестерпимо долго, и, в конце концов, под воздействием душевного смятения телесные силы ее иссякли и угасли. Она не успела даже

уйти к себе в спальню, но впала в беспамятство и оцепенение там, где сидела, щеки ее мертвенно побелели, голос пресекся. Увидев это, служанки подняли страшный крик, к дверям сбежались соседи, и тут же разнесся слух, будто Порция скончалась. Однако же она быстро очнулась и пришла в себя, и женщины, опомнившись от испуга, захопотали вокруг нее. Брут, разумеется, был немало встревожен сообщением, которое ему принесли, но не уступил чувству настолько, чтобы покинуть общее дело и вернуться домой».

Убийство диктатора не принесло желанной реставрации республики, а лишь привело к новой гражданской войне. Бруту предстояло покинуть Италию. Порция провожала мужа до побережья; там в небольшом портовом городке Велии они попрощались, как оказалось, навсегда.

«Она пыталась скрыть волнение и тоску, но, несмотря на благородную высоту нрава, все же выдала свои чувства, рассматривая картину какого-то художника, изображавшую сцену из греческой истории: Андромаха прощается с Гектором и, принимая сына из его рук, пристально глядит на супруга, – описывает Плутарх мужественную римлянку в момент расставания с супругом. – Видя образ своих собственных страданий, Порция не могла сдержать слез и все плакала, много раз на дню подходя к картине».

«Лишь по природной слабости тела уступает она мужчинам в доблестных деяниях, но помыслами своими отстаивает отечество в первых рядах бойцов – точно так же, как мы», – скажет о своей жене Марк Брут.

Осенью 42 года до н. э. республиканцы потерпели поражение при Филиппах от войск Антония и Октавиана. Марк Брут после битвы «упер рукоять меча в землю и, придерживая оружие обеими руками, бросился на обнаженный клинок и испустил дух».

«Супруга Брута, Порция, как сообщает философ Николай и вслед за ним Валерий Максим, хотела покончить с собой, но никто из друзей не соглашался ей помочь, напротив, ее зорко караулили, ни на миг не оставляя одну...» (Плутарх).

Ситуация была точно такой, как у ее отца после поражения в Африке. У Катона, опасаясь худшего, забрали меч. Это лишь вызвало улыбку старого защитника республики: «Против себя самого мне не нужно никакого меча – я могу умереть, на короткое время задержав дыхание или одним ударом размозжив себе голову об стену».

Порция оказалась достойной своего изобретательного отца; она рассталась с жизнью необычным способом: «выхватила из огня уголь, проглотила его, крепко стиснула зубы и умерла, так и не разжав рта».

Клеопатра

(69 – 30 годы до нашей эры)

*И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И все, что мне – только снится,
Ты будешь иметь у ног*

Марина Цветаева

Самая загадочная, роковая и последняя царица Египта происходила из рода Птолемеев. Основатель династии Птолемей Лаг – военачальник и телохранитель Александра Македонского – получил Египет в 323 году до н. э. после распада империи великого завоевателя. В 322 году до н. э. Птолемей убил своего предшественника, Клеомена из Навкратиса, – наместника Египта при Александре Македонском.

Чтобы в дальнейшем избежать подобных неприятностей, Птолемеи ввели у себя необычную практику: брать в жены самых близких родственниц. Сын основателя династии – Птолемей II Филадельф – положил начало кровосмесительной связи, женившись на собственной старшей сестре Арсиное. Увы! Ничего хорошего из таких браков не вышло. Они несколько не спасали правящую династию от внутренних распрей, лишь к прежним грехам добавлялся грех убийства. Одна из цариц сумела побывать замужем за всеми своими братьями по очереди, пока не погибла от руки

собственной дочери – последней очень понравился дядя, и конечно, египетский трон. В общем, во времена, когда Клеопатра готовилась вступить во взрослую жизнь, сама принадлежность к царскому дому таила смертельную опасность.

По словам Страбона, «все цари после третьего Птолемея, испорченные жизнью в роскоши, управляли делами хуже своих предшественников, но хуже всех четвертый, седьмой и последний – Авлет (Флейтист)». Он-то и являлся отцом Клеопатры. Птолемей Авлет, как уточняет Страбон, «помимо беспутного образа жизни, играл на флейте, аккомпанируя хорам, и настолько гордился этим, что не стеснялся устраивать состязания в царском дворце».

В конце концов, египтянам надоел незадачливый Флейтист, и его свергли. Царицей провозгласили старшую дочь Птолемея Авлета – Беренику. Поскольку два ее брата ввиду очень юного возраста были не готовы к супружескому ложу, пришлось искать вторую половинку на стороне. «В мужья царице пригласили некоего Кибиосакта из Сирии, который претендовал на происхождение от сирийских царей». Беренике муж не понравился, и она, как утверждает Страбон, «через немного дней велела задушить этого человека, не будучи в состоянии переносить грубость и низость его характера».

Второй муж понравился царице больше. Он был сыном Архелая, полководца понтийского царя Митридата. Впрочем, жили они в браке (и вообще) недолго. Отец Береники прибыл в Рим и пожаловался на своих подданных. Римский полководец Гней Помпей распорядился вернуть трон прежнему царю. Птолемей,

опираясь на римские мечи, вновь обосновался в Александрийском дворце, а собственную дочь и зятя приказал убить.

После кончины Птолемея Флейтиста египетский трон перешел к 19-летней Клеопатре и ее брату, 12-летнему Птолемею. Естественно, они должны были пожениться. Никого не смутило, что супруг слишком молод – такие браки в Египте были в порядке вещей.

Умная, деятельная Клеопатра не желала довольствоваться ролью венценосной супруги. Она хотела править Египтом. Однако точно такое желание было у опекунов юного царя – евнуха Потина, грека-воспитателя Теодота и начальника дворцовой стражи Ахиллы. Соперники оказались сильнее, и царице пришлось спасаться бегством в Сирию.

Тем временем у римлян началась кровавая гражданская война, которая накрыла собой и Европу, и Азию, и Африку. В Египет она пришла совершенно случайно, на плечах разбитого в Греции Помпея. Именно сюда бежал соперник Цезаря. Окружение юного Птолемея решило убить Помпея, чтобы угодить Цезарю. Получив голову и перстень Помпея, Цезарь не обрадовался подаркам, а, наоборот, огорчился, что великий римский полководец стал жертвой какого-то евнуха. И тогда Цезарь направился в Александрию, чтобы разобраться с кем надо.

В столице Египта к приезду гостя из-за моря произошел новый дворцовый переворот. Арсиноя, младшая дочь Птолемея, также возжаждала власти и вступила в борьбу с начальником стражи Ахиллой. «С помощью своего воспитателя, евнуха Ганимеда, Арсиноя опередила Ахиллу и приказала убить его». Ганимед взял

в свои руки войско и вовсе не рад был видеть в столице Цезаря.

Великому римскому авантюристу было безразлично мнение Ганимеда и Арсинои. Имея только 3200 легионеров и 800 всадников, Цезарь вошел во враждебный город с населением в 300 тысяч человек и занял дворец. Рисковать ему было не впервые.

Клеопатра решила, что настал и ее час вступить в борьбу, а помочь мог только Цезарь. Но как попасть к нему во дворец, окруженный врагами? О том, что она придумала, нам расскажет Плутарх.

«Клеопатра, взяв с собой лишь одного из друзей, Аполлодора Сицилийского, села в маленькую лодку и при наступлении темноты пристала вблизи царского дворца. Так как трудно было остаться незамеченной, то она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю. Говорят, что уже эта хитрость Клеопатры показалась Цезарю смелой и пленила его. Окончательно покоренный обходительностью Клеопатры и ее красотой, он примирил ее с царем для того, чтобы они царствовали совместно».

Арсиноя была немедленно лишена египетской короны.

Клеопатру не очень устраивало совместное с братом царствование. Египтом она желала править одна, а миром... вдвоем с Цезарем. Однако даже эти распоряжения Цезаря нужно было утвердить силой оружия. Египтяне, недовольные новым законодателем, начали «против Цезаря продолжительную и тяжелую войну, в которой Цезарю пришлось с незначительными

силами защищаться против населения огромного города и большой египетской армии» (Плутарх).

Во время боя Цезарь сжег Александрийскую библиотеку – крупнейшее в античном мире хранилище книг. Властитель Рима лично подвергался смертельной опасности и не единожды был на волосок от гибели: «...во время битвы при Фаросе, когда Цезарь соскочил с насыпи в лодку, чтобы оказать помощь своим, и к лодке со всех сторон устремились египтяне, Цезарь бросился в море и лишь с трудом выплыл, – рассказывает Плутарх. – Говорят, что он подвергался в это время обстрелу из луков и, погружаясь в воду, все-таки не выпускал из рук записных книжек. Одной рукой он поднимал их высоко над водой, а другой греб, лодка же сразу была потоплена».

Ради чего Цезарь шел на такие жертвы? Ради женщины, с которой был едва знаком? Цезарю легко доставались женщины, столь же легко он с ними расставался. Его по-настоящему сильными привязанностями были власть и война. Возможно, ему льстило внимание Клеопатры (как царицы)? Но Клеопатра к моменту ее появления во дворце была простой беглянкой, все имущество которой состояло из мешка для постели. Близко общаться с царственными особами для Гая Юлия – дело привычное. Любовницей Цезаря была и царица Мавритании Эвноя, но на нее любвеобильный римлянин не тратил много времени и жизнь ради нее не рисковал. Злые языки приписывали Цезарю даже связь с царем Вифинии Никомедом. Последнее весьма сомнительно: уж очень Гай Юлий любил женщин. (Когда Гамилькару Барке приписали

подобные шалости, Корнелий Непот воскликнул: «Разве может великий человек избежать хулы сплетников!»)

Послушаем Плутарха.

«Что касается Александрийской войны, то одни писатели не считают ее необходимой и говорят, что единственной причиной этого опасного и бесславного для Цезаря похода была его страсть к Клеопатре; другие выставляют виновниками войны царских придворных...»

Цезарь победил и в этой войне, но сердце его пленила Клеопатра.

Во время битвы царица быстро избавилась от соперника. Плутарх утверждает, что «царь пропал без вести». Примерно то же сообщает Флор: «Теодот, руководитель и зачинщик этой войны, а также Потин и Ганимед (уроды, в которых не было ничего мужского) порознь были застигнуты смертью во время бегства по морю и суше. Тело самого царя, покрытое тиной, опознали по золотой кольчуге». Согласно Иосифу Флавию, Клеопатра позже «решилась отравить своего пятнадцатилетнего брата, к которому, как она знала, должен был перейти престол; при помощи Антония она также умертвила свою сестру Арсиною, несмотря на то, что та искала убежища в храме эфесской Артемиды».

Клеопатра безжалостно расправилась с возможными конкурентами. Выглядит жестоко, но это с позиции дня сегодняшнего, а у Птолемеев было в традиции.

Что же делал Гай Юлий после того, как подарил очередной понравившейся женщине Египет? Чем занимался неутомимый Цезарь, который не мыслил своего существования без Рима, который всегда спешил, делая несколько работ одновременно? Великий искатель

приключений несколько месяцев проводит в Египте – и это в то время, когда он находится в состоянии войны с половиной мира. В то время, когда в руках республиканцев остаются Испания и Африка!

Да, Цезарь пировал с Клеопатрой «не раз до рассвета, на ее корабле с богатыми покоем он готов был проплыть через весь Египет до самой Эфиопии, если бы войско не отказалось за ним следовать» (Светоний). Влюбился, как мальчишка. Плод любви появился на свет вскоре после того, как Цезарь отправился в Сирию.

Великий Цезарь не забыл Клеопатру в пылу сражений и интриг. Он пригласил ее в Рим и позволил ей назвать новорожденного сына своим именем – Цезарион. Он мечтал сделать Клеопатру своей женой. Правда, у Цезаря была в данный момент законная жена, но изобретательный диктатор решал любую проблему, устранял любое препятствие на своем пути... «Народный трибун Гельвий Цинна многим признавался, что у него был подписан и подготовлен законопроект, который Цезарь приказал провести в его отсутствие: по этому закону Цезарю позволялось брать жен сколько угодно и каких угодно, для рождения наследников» (Светоний). Почему бы и не позволить такую малость человеку, уничтожившему римскую республику?

Клиники республиканцев остановили его на 56-м году жизни. Соплеменники навеки успокоили неутомимого Цезаря 15 марта 44 года до н. э., нанеся ему 23 удара кинжалами.

В этот день, 15 марта 44 года до н. э., разрушились планы Клеопатры о власти над миром... Но им суждено было воскреснуть: казалось, властолюбивый дух Цезаря

нашел пристанище в хрупком теле египетской царицы. И повод не замедлил представиться.

После смерти Цезаря власть над Римом перешла в руки Октавиана и Антония. Готовясь к войне с Парфией, Антоний очень нуждался в деньгах, а они всегда водились в богатом Египте. Он посылает гонца в Александрию с приказом Клеопатре «явиться в Киликию и дать ответ на обвинения, которые против нее возводились: говорили, что во время войны царица много помогала Кассию и деньгами и иными средствами» (Плутарх).

С этого момента правитель половины римских владений Марк Антоний перестал принадлежать и Риму, и даже самому себе. «Ко всем природным слабостям Антония, – не без иронии замечает Плутарх, – прибавилась последняя напасть – любовь к Клеопатре, разбудив и приведя в неистовое волнение многие страсти, до той поры скрытые и недвижимые, и подавив, уничтожив все здравые и добрые начала, которые пытались ей противостоять».

Клеопатра исполнила приказ Антония, не испытывая ни малейшего страха, но к вынужденному путешествию в Киликию подготовилась основательно: тщательно отобрала богатые дары, «взяв много денег, роскошные наряды и украшения, – какие и подобало везти с собой владычице несметных богатств и благоденствующего царства, – но главные надежды возлагала на себя самоё, на свою прелесть и свои чары» (Плутарх).

Явление Афродиты, наверное, было бы менее эффектным, чем прибытие Клеопатры в ставку Антония. Египетская царица умела подать себя. Кинокомпания «XX век Фокс», потратившая не один миллион долларов на

кадры прибытия Клеопатры в Рим, ничуть не погрешила перед исторической действительностью. Не менее захватывающе Плутарх описывает появление египетской царицы в Киликии: она «поплыла вверх по Кидну на ладье с вызолоченной кормою, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты, стройно сочетавшийся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица покоилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты, какую изображают ее живописцы, а по обе стороны ложа стояли мальчики с опахалами – будто эроты на картинах.

Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам. Толпы людей провожали ладью по обеим сторонам реки от самого устья, другие толпы двинулись навстречу ей из города. Мало-помалу начала пустеть и площадь, и, в конце концов, Антоний остался на своем возвышении один. И повсюду разнеслась молва, что Афродита шествует к Дионису на благо Азии».

Монеты с изображением Клеопатры (слева) и Марка Антония (обе – I в. до н. э.)

Естественно, Клеопатра покорила Антония с первого взгляда и делала с ним все, что хотела. Антоний послал царице приглашение к обеду, но та отказалась, попросив явиться к ней. Антоний покорно исполнил волю Клеопатры. За обедом Клеопатра продолжала поражать римлянина изысканной роскошью. «Пышность убранства, которую он увидел, не поддается описанию, – вздыхает Плутарх, – но всего более его поразило обилие огней. Они сверкали и лили свой блеск отовсюду и так затейливо соединялись и сплетались в прямоугольники и круги, что трудно было оторвать взгляд или представить себе зрелище прекраснее». Однако Клеопатра понимала, что одной демонстрацией богатства многого не

добьешься, поэтому решила сразу быть как можно ближе к Антонию. И получилось.

На следующий день Антоний принимал гостей у себя. Он приложил немало усилий, чтобы превзойти Клеопатру «роскошью и изысканностью, но, видя себя побежденным и в том и в другом, первый принялся насмехаться над убожеством и отсутствием вкуса, царившими в его пиршественной зале. Угадавши в Антонии по его шуткам грубого и пошлого солдафона, Клеопатра и сама заговорила в подобном же тоне – смело и без всяких стеснений. Ибо красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда...»

Ну вот, Плутарх заговорил и о внешности Клеопатры. Надо заметить, что греческий историк довольно мягко о ней отозвался. Вовсе не красавица, судя по скульптурному изображению. А ведь это так называемый «лестный» портрет Клеопатры, ибо делался по заказу ее дочери Клеопатры-Селены. Менее привлекательные черты нам доставила нумизматика. На монете видим глубоко посаженные глаза, крючковатый орлиный нос; торчащий подбородок вполне сочетается с уродливым носом, но красоты, конечно, не добавляет.

Откуда же исходят чары, покоряющие сильных мира сего? Некрасива, «зато, – продолжает Плутарх, – обращение ее отличалось неотразимой прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, крепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад – на

любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами – эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами... Говорят, что она изучила и многие иные языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский».

Голос! Именно им Клеопатра околдовала Цезаря и Антония, и не только их. Гней, сын Помпея, также не смог устоять перед неведомой силой. Подобно сиренам, полуптицам-полуженщинам, она в полной мере пользовалась божественным даром, заманивая в свои сети нужных мужчин. Множество языков Клеопатра изучила не только для самообразования, но чтобы представители любого народа ощутили на себе силу страшнейшего оружия. Сирены обитают на скалах острова, усеянного костями и высохшей кожей их жертв. Количество жертв Клеопатры мы не установим из-за скудности источников. (В этом вина и Цезаря, сжегшего Александрийскую библиотеку.) Но две нам хорошо известны, и какая это была добыча! Цезарь и Антоний обеспечили Клеопатру простором для деятельности и интриг до конца жизни. (Сирены наследуют от матери-музы божественный голос, а от отца им достается дикая стихийность.)

После нескольких обедов Антоний увлекся до такой степени, что позволил Клеопатре увезти себя в Александрию. «И это в то время, – упрекает Плутарх, – когда в Риме супруга его Фульвия, отстаивая его дело, вела войну с Цезарем, а парфянское войско действовало в Месопотамии... и готовилось захватить Сирию. В Александрии он вел жизнь мальчишки-бездельника и за

пустыми забавами растрачивал и проматывал самое драгоценное, как говорит Антифонт, достояние – время».

Клеопатра, заполучив Антония, не успокоилась и не прекратила свои чары, как поступают многие женщины, соблазнив желанного мужчину. Ведь его надо удержать. Она «всякий раз сообщала все новую сладость и прелесть любому делу или развлечению, за какое ни брался Антоний. Ни на шаг не отпуская его ни днем, ни ночью, крепче и крепче приковывала к себе римлянина» (Плутарх).

Как ни хорошо было с Клеопатрой, но вести из внешнего мира, долетавшие до Антония, были одна другой хуже. На востоке парфяне покоряют Азию, на западе его мятежная жена Фульвия ведет войну с Октавианом. «Насилу пробудившись и стряхнув с себя хмель», Антоний отправляется воевать с парфянами. Он доходит до Финикии и тогда получает письмо от Фульвии: его присутствие требуется в Италии, ибо дела плохи.

Антоний прекращает поход и направляется в Италию, ведя с собой 200 судов. В это время беспокойная Фульвия умирает; как оказалось, она и являлась главным препятствием для примирения Антония и Октавиана.

В Рим Антоний поспел вовремя: огромную империю начинали делить. Западная часть досталась Октавиану, территория к востоку от Ионийского моря отошла к Антонию, Африку выделили Лепиду. Новый триумvirат решил скрепить договор родственным союзом. Старшую сестру Октавиана просватали за Антония. Весь Рим принялся хлопотать об этом браке: римляне устали от бесконечных братоубийственных войн и в союзе Антония и Октавии видели залог собственного спокойствия. Разум

Антония долго боролся с любовью к Клеопатре, но пришлось уступить единодушию граждан. Собственно, другой бы на месте Антония только радовался такому повороту событий: ведь Октавия, по словам Плутарха, обладала замечательной красотой, соединенной с достоинством и умом... Если только этот другой не был знаком с Клеопатрой.

Некоторое время Антоний занимался государственными делами. «Но любовь к Клеопатре, – эта страшная напасть, так долго дремавшая и, казалось, окончательно усыпленная и успокоенная здравыми рассуждениями, – вспыхнула вновь и разгоралась все жарче, по мере того как Антоний приближался к Сирии» (Плутарх). Оценивая душевное состояние Антония, Плутарх перефразирует Платона: как строптивый и безудержный конь, отбрыкнувшись от всего прекрасного и спасительного, он поручает Фонтею Капитону привезти Клеопатру в Сирию.

Антоний чувствовал вину перед Клеопатрой за брак с Октавией, за долгое отсутствие. И сделал ей подарок «не скупой и не малый – к ее владениям прибавились Финикия, Келесирия, Кипр, значительная часть Киликии, а кроме того, рождающая бальзам область Иудеи и та половина Набатейской Аравии, что обращена к Внешнему морю» (Плутарх).

Таких подарков римляне простить Антонию не могли. А Клеопатре все мало было власти. «Ничего не удовлетворяло этой падкой до роскоши и обуреваемой страстями женщины, если она не могла добиться чего-либо, к чему стремилась. Вследствие этого она постоянно побуждала Антония отнимать все у других и отдавать ей; точно таким же образом она вздумала

добиться Сирии, после того как с ним проехала по ней... Затем стала требовать от Антония, чтобы он отнял у царей Иудею и Аравию и предоставил эти страны ей» (Флавий).

Антоний утратил способность разумно мыслить от страсти к египетской царице. Он привел в Азию стотысячную армию – «и такая исполинская сила, испугавшая даже индийцев за Бактрианой и повергнувшая в трепет всю Азию, пропала даром, как говорят – из-за Клеопатры» (Плутарх). Антоний думал в это время: как бы провести вместе с Клеопатрой зиму, и с таким расчетом планировал поход. «Он уже не владел своим рассудком, но, во власти какого-то колдовства или же приворотного зелья, постоянно устремлял взоры к Египту и в мыслях держал не победу над врагами, но скорейшее возвращение» (Плутарх).

Иногда наступали минуты прозрения, и Антоний понимал, что идет прямой дорогой к гибели. И тогда Клеопатра делала все, чтобы затуманить разум несчастного римлянина. Она прикидывалась влюбленной без памяти; чтобы истощить себя, почти ничего не ела. Глаза Клеопатры загорались, когда входил Антоний, но взор тут же темнел и потухал, когда римлянин покидал ее. «Она прилагает все усилия к тому, чтобы он почаще видел ее плачущей, но тут же утирает, прячет свои глаза, словно бы желая скрыть их от Антония» (Плутарх). Из-за капризов Клеопатры Антоний отложил парфянский поход, хотя ему доносили, что Парфия «охвачена волнениями и мятежом». Антония покидали друзья и соратники. К Октавиану бежал бывший консул Луций Планк, а также Марк Титий, Марк Силан и историк Деллий.

Столкновения Антония и Октавиана было невозможно избежать, столь же закономерен был и результат морской битвы при Акции. В разгар битвы 60 кораблей Клеопатры подняли паруса и направились в сторону Египта. Сражение можно было продолжать (его исход еще неясен), но Антоний уже не владел ни разумом военачальника, ни разумом мужа, ни вообще разумом. «Стоило ему заметить, что корабль Клеопатры уплывает, как он забыл обо всем на свете, предал и бросил на произвол судьбы людей, которые за него сражались и умирали, и, перейдя на пентеру, в сопровождении лишь сирийца Алекса и Сцеллия погнался за тою, что уже погибла сама и вместе с собой готовилась сгубить и его» (Плутарх).

Оставалось еще огромное сухопутное войско: 19 легионов и 12 тысяч воинов конницы, но, оставленное военачальником ради ласк египтянки, оно перешло на сторону Октавиана.

Антоний превратился в безвольного раба любви, не способного защитить ни себя, ни женщину своей мечты. И любви не должно быть слишком много – об этом не подумала египетская царица, блестяще покорившая римлянина и властвовавшая им безраздельно.

Покинутый всеми, Антоний вонзил меч себе в живот. Смерть наступила не сразу – он успел попрощаться с Клеопатрой.

Царица же не спешила отправляться вслед за любовником. Она еще надеялась на лучшее. Дело в том, что Октавиан в послании обещал Клеопатре снисхождение, если она умертвит Антония либо изгонит его. Фактически Клеопатра и явилась причиной смерти

Антония. Ведь он поразил себя после того, как получил ложное известие, что царица мертва.

Октавиан непременно желал провести царицу Египта в триумфальном шествии. Он был мил и обходителен, но Клеопатра чувствовала, что этот повелитель Рима – хитрый и жестокий – неподвластен ее чарам.

Среди друзей Октавиана был знатный юноша Корнелий Долабелла. Он не устоял перед колдовской силой 39-летней царицы. Желая оказать услугу Клеопатре, Долабелла открыл истинные планы в отношении ее.

Самое интересное, что Клеопатра выглядела хуже некуда, когда в ее любовные сети попался римский юноша, которому было поручено хранить царицу для триумфа. «Ее давно не прибранные волосы висели клочьями, лицо одичало, голос дрожал, глаза потухли, всю грудь покрывали еще струпья и кровоподтеки, – одним словом, телесное ее состояние, казалось, было ничуть не лучше душевного. И однако ее прелесть, ее чарующее обаяние не угасли окончательно, но как бы проблескивали изнутри даже сквозь жалкое это обличие и обнаруживались в игре лица» (Плутарх).

Последний соблазненный ею мужчина сообщил, что через три дня царицу вместе с детьми отправят в Рим отнюдь не в качестве гостыи. Царице Египта ничего не оставалось, как подставить руку для змеиного укуса.

Сына Клеопатры от Цезаря Октавиан приказал умертвить. Ее детям от Антония повезло больше. Их приняла к себе добродетельная Октавия и вырастила наравне с собственными детьми. Кстати, несмотря на то,

что Антоний испытывал неземную страсть к Клеопатре, Октавия сумела родить от него двух дочерей.

Дочь Клеопатры (тоже Клеопатра) даже стала царицей, но не египетской. Ее выдали замуж за нумидийского царя Юбу – человека весьма образованного, получившего воспитание в Риме; при этом он был плодовитым писателем и известным в древности коллекционером.

После смерти Клеопатры Египет прекратил свое существование как независимое государство и был преобразован в римскую провинцию. Иногда приходится читать: Клеопатра погубила Египет своими интригами и непомерной жадностью власти. Увы! К падению Египта несчастная царица не имеет никакого отношения. Римляне захватили сопредельные территории и в любом случае не могли обойти стороной столь лакомый кусок.

Кстати, за 30 лет до смерти Клеопатры Марк Красс, будучи цензором, пытался «превратить Египет в данника римлян». Лишь противодействие товарища по должности, Катутла, сохранило Египту независимость. Однако римляне активно вмешивались в дела слабеющего соседа. Габиний, легат Помпея, за определенную плату менял царей на александрийском троне.

Клеопатра даже в самые лучшие времена была вынуждена раздавать римлянам в Египте земельные владения и привилегии. Не так давно в Берлине нашли папирус с указом Клеопатры – он использовался для закутывания египетской мумии. Постановление касалось Публия Канидия, одного из легатов Марка Антония. Древний текст гласит: «Мы даруем Публию Канидию и его наследникам возможность вывоза 10 000 артабов

[300 тонн] пшеницы и ввоза 5000 коанских амфор [неопределенное количество] без налогов или каких-либо других сборов. Мы также дарим освобождение от налогов для всех земель, которыми он владеет в Египте, утверждая, что он не должен платить никогда в будущем ни государству, ни мне или моим детям...» Внизу документа находится собственноручная подпись Клеопатры, которая состоит из одного греческого слова и переводится: «Да будет так!»

Фульвия

**(около 84 года – 40 год
до нашей эры)**

В недавнем прошлом жизнь немецкой женщины сводилась к трем «К»: Kinder, K?che, Kirche (дети, кухня, церковь). Две тысячи лет назад у римлянок было примерно такое же пространство для жизнедеятельности, а прав еще меньше.

Женщины в Риме не имели никакого доступа к общественной жизни. Им не позволялось избирать в органы власти и быть избранными, не полагалось присутствовать на собраниях народа – комициях. Жена даже знатного, прославленного военачальника или государственного деятеля была госпожой только для домашних рабов. Как заметили авторы «Римских древностей», идеал жены римляне выражали такими словами: «набожная и нежно любящая, стыдливая, скромная, рукодельная и домоседка».

При заключении брака чувства в расчет не принимались; кажется, что римляне в республиканские времена не знали, что такое любовь. Девочек 6 – 7 лет ожидала помолвка, а в 12 – 13 лет их выдавали замуж.

Разводы были крайне редким явлением; они получили распространение лишь с упадком нравственности в поздней республике и в период империи. Впрочем, общественная мораль всегда была на стороне мужчины. Читаем у Плавта:

Под тягостным живут законом женщины,
И к ним несправедливей, чем к мужчинам,
он.

Привел ли муж любовницу, без ведома

Жены, жена узнала – все сойдет ему!

Жена тайком от мужа выйдет из дому —

Для мужа это повод, чтоб расторгнуть
брак.

Такой невеселой была жизнь римлянки. Но времена меняются – и люди меняются вместе с ними. К середине I века до н. э. римлян стали тяготить древние суровые законы. Их государство из маленького города превратилось в мировую державу, и наиболее честолюбивых граждан не удовлетворяла власть консула, избираемого на год. Консулы, конечно, продолжали существовать, но поверх их власти появилась новая, более могущественная надстройка. В 60 году до н. э. возник неведомый ранее триумвират. По сути, Цезарь, Помпеи и Кресе создали свое правительство, разделили Рим на сферы влияния, распределили ключевые должности между своими приверженцами и лично управляли провинциями.

Новшества появлялись во всех областях жизни. Республиканские традиции рушились на глазах, и женщины начали выражать недовольство своей скромной участью. В конце республики женщина стала превращаться в объект поклонения, вожделения. Поэты посвящали женщинам стихи, о воспетых поэтами мечтали военачальники и сенаторы. Женщины поняли, что

достойны большего (вспомним о трех «К»), и могут получить это большее. В такой атмосфере возникло необычное для Рима сочетание: женщины и политика.

Фульвия происходила из старинного плебейского рода, среди ее предков имелось немало известных личностей. Вот лишь некоторые из них:

Квинт Фульвий Флакк – военачальник времен 2-й Пунической войны, консул 237, 224, 211, 209 годов до н. э., цензор 231 года до н. э.

Квинт Фульвий Флакк (его старший сын) – консул 179 года до н. э., цензор 174 года до н. э.; прославился ревностным исполнением своих обязанностей: лишил сенаторского звания 9 человек, в том числе собственного брата.

Марк Фульвий Флакк – консул 125 года до н. э., народный трибун 122 года до н. э.; поддерживал аграрный закон Гракхов, погиб в 121 году до н. э. вместе с Гаем Гракхом.

Знатность рода и богатство (а Фульвия была одной из самых состоятельных невест Рима) давали лишь одно преимущество: в какой-то степени выгодное замужество.

Клодий

Первого мужа Фульвия выбрала по собственному вкусу, хотя в римском обществе ее избранник считался самым неподходящим для замужества. Публий Клодий Пульхр, по словам Веллея Патеркула, «человек знатный, красноречивый, дерзкий, ни в делах, ни в речах не знавший меры, той, какую он сам себе определил, энергичный исполнитель дурных замыслов,

обесчещенный развратом с сестрой, обвиненный в прелюбодеянии среди вызывающих благоговение святынь римского народа...»

Клодий не боялся ни людей, ни богов; даже всемогущий Гай Юлий Цезарь стал его жертвой при самых фантастических обстоятельствах. Дело в том, что Клодий влюбился в жену Цезаря – Помпею, но даже это не было самым страшным. Римлян, уже порядком испорченных новшествами, привел в ужас день, выбранный Клодием для свидания с Помпеей. Он проник в дом Гая Юлия, когда отправлялись таинства Доброй богине, а при этом ни одному мужчине не позволялось присутствовать на торжестве и даже находиться в доме.

Как пишет Ювенал, отчаянный любитель приключений переоделся в наряд арфистки и проник

В Цезарев дом на женский обряд, когда
убегают

Даже и мыши-самцы, где картину велют
занавесить,

Если увидят на ней фигуры не женского
пола.

В доме удача изменила Клодию; одна из служанок по голосу определила, что арфистка явно не женщина... Неосторожного любовника общими усилиями выставили прочь, но было бы слишком просто, если бы дело на этом и закончилось.

Случай получил широкую огласку; Клодия привлекли к суду за оскорбление дома Цезаря, города и богов. В качестве свидетеля вызвали Гая Юлия Цезаря, который неожиданно заявил, «что ему ничего не

известно относительно того, в чем обвиняют Клодия». Это заявление, как замечает Плутарх, показалось очень странным, и обвинитель спросил его:

– Но почему же тогда ты развелся со своей женой?

– Потому что на мою жену не должна падать даже тень подозрения, – ответил Цезарь.

Настолько был дорог этот любитель скандалов для Цезаря, что он предпочел расстаться с женой, но продолжать пользоваться услугами Клодия. Фульвия столь же исправно прощала мужу подобные выходки и закрывала глаза на множество его недостатков.

Непредсказуемый, циничный Клодий был необходим и Цезарю, и Фульвии – как человек, который реально правил Римом. Вернее сказать, правил деклассированным сбродом, гордо именовавшим себя римскими гражданами и составлявшим большинство населения Вечного города. Бездельники-плебеи тысячами и тысячами стекались в столицу в поисках хлеба и зрелищ и за это (за хлеб и зрелища) готовы были выполнить любое желание своего вождя.

В 58 году до н. э. Клодий перешел из патрициев в плебеи, чтобы получить должность народного трибуна. Он широким жестом отменил плату за хлеб, раздаваемый бедноте, и провел ряд законов в интересах плебса. В результате Помпеи Великий из хозяина Рима превратился в заложника Клодия. В угоду Цезарю народный трибун изгнал даже друга Помпея, награжденного титулом «Отец отечества», – Марка Туллия Цицерона.

Добропорядочные граждане надеялись, что после окончания трибуната у Клодия останется меньше возможностей для бесчинств, но жестоко просчитались. В

следующем году Клодий организовал вооруженные отряды гладиаторов и рабов, которые контролировали весь Рим, а Помпея держали в осаде в собственном саду. Помпею и сенату пришлось создавать точно такие же отряды – ими командовал Милон. Улицы Рима превратились в поля сражений.

18 января 52 года до н. э. два самых влиятельных римских гражданина случайно встретились на Аппиевой дороге. Гладиаторы Милона затеяли ссору с рабами Клодия. Приблизившись к месту потасовки, Клодий получил удар копьем в плечо. Раненого предводителя отнесли в ближайшую харчевню.

«Узнав, что Клодий ранен, Милон, понимая, что он будет в еще более опасном положении, если Клодий останется жив, и рассчитывая получить удовлетворение от убийства, даже если ему самому придется подвергнуться наказанию, велел вытащить Клодия из харчевни... Скрывавшегося Клодия выволокли и добились, нанеся ему множество ран. Тело его оставили на дороге» (Педиан).

Если бы Милон знал, что погребальный костер Клодия станет самым дорогим в истории Рима, то непременно здесь же, на Аппиевой дороге, позаботился бы о погребении соперника.

Подробности мы находим у Педиана.

«Тело Клодия было доставлено в Рим до наступления первого часа ночи; подонки из плебса и рабы огромной толпой обступили с громким плачем тело, выставленное в атриум дома. Возмущение всем случившимся усиливала Фульвия, жена Клодия, которая с нескончаемыми воплями, указывала на его раны».

Женские слезы бывают страшным оружием: «неискушенная чернь отнесла на форум и положила на ростры обнаженное и испачканное грязью тело – в таком виде, в каком оно лежало на ложе, – чтобы можно было видеть раны». Далее останки Клодия переместили в курию (здание, где заседал сенат и совершалось правосудие) и там сожгли, «использовав для этого скамьи, подмости для суда, столы и книги письмоводителей; от этого огня сгорела курия и пострадала примыкающая к ней Порциева базилика».

Погребальный костер, уничтоживший здание римских органов власти, показался родственникам Клодия недостаточной мезтью за его смерть, и на Милона подали в суд. Высокие покровители Милона предусмотрели все: здание суда окружили легионеры Помпея; обвиняемого защищали самые талантливые ораторы того времени – Марк Туллий Цицерон и Квинт Гортензий, но... Плебеи, потерявшие своего атамана, готовы были взорваться, а ораторскому искусству вдова Фульвия противопоставила свое исправно действующее оружие.

«В последнюю очередь дали свидетельские показания Семпрония, дочь Тудитана, теща Клодия, и его жена Фульвия и плачем своим потрясли людей, стоявших вокруг» (Педиан).

Где слезы Фульвии, там успех. Сенаторы и всадники, несказанно обрадовавшиеся, что избавились от ненавистного возмутителя общественного спокойствия... вынесли обвинительный приговор Милону. Он немедленно отправился в изгнание; имущество человека, спасшего Рим от непредсказуемого вождя черни, конфисковали и продали на торгах.

Горе Фульвии было вполне искренним, несмотря на все недостатки блудливого мужа. Она потеряла единственное звено, связывавшее ее с самой большой любовью – властью, ибо первая в Риме женщина-политик могла реализовать себя только через мужчину.

Сведений мало, как Фульвия пользовалась властью Клодия, но Цицерон замечает, что «раньше Клодий всегда ездил с женой», и только по случайности ее не оказалось на Аппиевой дороге в тот роковой день.

Известно, что от Клодия Фульвия имела двух детей: сына и дочь.

Античные историки уделяли мало строк женщинам, ибо во времена республики историю делали мужчины, но Фульвия еще заставит о себе писать. А Цицерон, осмелившийся защищать Милона, отныне станет заклятым врагом коварной властолюбивой женщины.

Курион

Второй муж Фульвии был не меньшим развратником и скандалистом в общегосударственном масштабе. Ее упорно тянуло к личностям, смущавшим покой римлян и потрясавшим основы великой державы.

«Никто не сделал больше для разжигания войны и многочисленных бедствий, которые сопутствовали ей на протяжении следующих двадцати лет, чем народный трибун Г. Курион, человек знатный, красноречивый, наглый расточитель как своего, так и чужого состояния и целомудрия, щедро одаренный беспутством, наделенный даром речи во вред государству, дух которого не мог быть насыщен ни наслаждениями, ни сладострастием, ни

богатством, ни честолюбием». Такую характеристику нового избранника Фульвии дал Веллей Патеркул.

Интересно, что до женитьбы на Фульвии Курион совершенно не проявлялся как политик. Именно эта женщина сумела рассмотреть в Гае Скрибонии Курионе превосходный материал для реализации своих планов, и с 52 года до н. э. его карьера стремительно полетела вверх.

Используя современную терминологию, можно сказать так: Курион был произведен из бесшабашных лейтенантов в генералы, минуя все промежуточные звания. Удобно устроившись на брачном ложе Фульвии, наполовину опустевшем после гибели Клодия, он занял и освободившееся место вождя римских плебеев. В 50 году до н. э. новый муж становится народным трибуном.

В римской республике уже наступили времена, когда за популярность приходилось немало платить. Гай Курион прилично поиздержался. Кроме того, авантюрная семейная пара нуждалась в сильном союзнике. По их замыслам, компенсировать расходы и стать опорой должен был Гай Юлий Цезарь. Однако последний не стремился к предлагаемому союзу. Цезарь пришел к выводу, что дружба с подобным негодяем слишком дорого обходится его репутации и казне – еще свеж в умах случай с Клодием, навестившим жену Гая Юлия в наряде арфистки.

Возмущенный Курион обратил свои недюжинные способности на поддержку соперника Цезаря – Гнея Помпея. Что произошло далее, блестяще описал Теодор Моммзен.

Цезарю пришлось вновь рассмотреть предложения «народного трибуна Гая Куриона, по-видимому самого

выдающегося из беспутных гениев этой эпохи, человека неподражаемого по аристократическому изяществу плавной и остроумной речи, умению интриговать и той активности, которая сказывается в энергичных и развращенных натурах больше всего в моменты праздности; неподражаемого и по своей распушенности и по таланту делать долги – их определяли в 60 миллионов сестерциев, – и по своей нравственной и политической беспринципности. Он уже раньше хотел продаться Цезарю, но получил отказ. Дарования, обнаруженные им с тех пор в нападках на Цезаря, заставили этого последнего все-таки купить Куриона. Цена была высока, но товар стоил этих денег».

Цицерон пытался возратить покой умирающей республике, однако против козней Куриона и Фульвии великий оратор и философ оказался бессильным. Единственное, что ему удалось, – возбудить к себе еще большую ненависть Фульвии.

Курион не только обеспечил политическую победу Цезаря, обратив на его сторону общественное мнение, но и с оружием в руках сопровождал его от Рубикона до получения власти над Римом.

Далее супруг Фульвии в должности пропретора высадился с тремя легионами на Сицилии. Успешно покорив остров, он отправился в Африку, которая находилась в руках П. Вара – сторонника Помпея.

Легкость победы на Сицилии сыграла злую шутку с Курионом: он взял с собой только два легиона из четырех, полученных от Цезаря, и 500 всадников. В результате, одержав победу над Варом, он столкнулся с превосходящими силами нумидийского царя Юбы.

Когда в битве с нумидийцами погибла большая часть войска, префект конницы Гней Домиций предложил Куриону спасаться бегством и обещал сопровождать его до лагеря. «Но Курион твердо заявил, что после потери армии, вверенной ему Цезарем, он не вернется к нему на глаза, и погиб с оружием в руках (49 год до н. э.)» (Цезарь). «Отрезанная голова Куриона была доставлена Юбе» (Аппиан).

После стольких трудов и сил, вложенных в карьеру супруга, дважды вдове осталось только отдать ему последние почести... и заняться поисками нового мужа.

АНТОНИЙ

Следующим мужем женщины, которую совсем не назовешь любвеобильной, стал ближайший сподвижник Цезаря – Марк Антоний.

Очередной избранник Фульвии не только обладал всеми пороками предыдущих мужей, но и был близко знаком с ними. «Антоний в юности был необычайно красив, и потому с ним не замедлил сблизиться Курион, чья дружба оказалась для молодого человека настоящей язвой, чумой, – сообщает Плутарх. – Курион и сам не знал удержу в наслаждениях, и Антония, чтобы крепче прибрать его к рукам, приучил к попойкам, распутству и чудовищному мотовству, так что вскорости на нем повис огромный не по летам долг – двести пятьдесят талантов. На всю эту сумму за друга поручился Курион, и когда о поступке сына узнал Курион-отец, он запретил Антонию переступать порог его дома. На короткое время Антоний оказался в числе единомышленников Клодия, самого наглого и гнусного из тогдашних вожаков народа. Люди Клодия привели в смятение все государство, и Антоний,

быстро пресытившись бешенством их главаря, а к тому же и страшась его врагов... уехал из Италии в Грецию, чтобы там телесными упражнениями приготовить себя к службе в войске и изучить ораторское искусство. Он взял за образец так называемое азиатское направление в красноречии, которое в ту пору процветало и обнаруживало вдобавок большое сходство с самою жизнью Антония, полной хвастовства и высокомерия, глупого самомнения и непомерного честолюбия».

Антоний мог сравниться с Клодием и Курионом пороками, но не умом и талантами. Кто-то может удивиться: как ему удалось стать правой рукой Цезаря, а ничего противоестественного в этом нет. Гай Юлий все решения принимал единолично; для него не существовало другого мнения, кроме собственного. Увы! Диктаторы не терпят подле себя ярких, талантливых личностей – это уже не помощники, а конкуренты.

Впрочем, даже «Цезарь не остался равнодушен к безобразиям Антония и принудил его обуздать свое безрассудство и распутство» (Плутарх).

Антонию пришлось считаться с мнением патрона, и он «расстался с прежней жизнью», правда, очень необычным способом. В 47 году до н. э. он выгнал свою вторую жену, Антонию, и «взял за себя Фульвию, вдову народного вожака Клодия, женщину, на уме у которой была не пряжа и не забота о доме, – ей мало было держать в подчинении скромного и невидного супруга, но хотелось властвовать над властителем и начальствовать над начальником. Фульвия замечательно выучила Антония повиноваться женской воле и была бы вправе потребовать плату за эти уроки с Клеопатры, которая

получила из ее рук Антония уже совсем смиренным и привыкшим слушаться женщину» (Плутарх).

Фульвию несколько не испугали недостатки мужа. Даже его многочисленные любовные связи были ей безразличны. Антоний имел главное, что было нужно женщине-политику, – власть и непомерное честолюбие. Именно третье замужество позволило Фульвии наиболее полно раскрыть свои таланты и реализовать способности.

Цицерон, один из последних защитников республики, понимал, откуда у медлительного Антония столько политической активности и стремления к диктату. Великий оратор предупреждал Антония: «И как раз тебя и ожидает участь Клодия, как была она уготована Гаю Куриону, так как у тебя в доме находится та, которая для них обоих была злым роком».

Отныне всю внутреннюю и внешнюю политику Рима определяла Фульвия. «Письменное обязательство на десять миллионов сестерциев, – сообщает Цицерон во второй филиппике против Марка Антония, – составили при участии послов... на женской половине дома, где очень многое поступало и поступает в продажу».

Не забывала Фульвия и о собственном благосостоянии. Жена Антония заботилась о нем не очень достойными способами, но всегда добивалась желаемого и не прощала никаких возражений. «Руф, имевший прекрасный дом, сдававшийся внаем, по соседству с Фульвией, женой Антония, раньше не уступал его Фульвии, желавшей купить дом, теперь же принес его в дар и все же подвергся проскрипции. Голову его, принесенную Антонию, последний, сказав, что она не нужна, отослал жене, которая велела выставить ее, вместо форума, перед наемным домом» (Аппиан).

Фульвия вытаскивала мужа из самых безнадежных передрыг. В 43 году до н. э. сенат объявил Марка Антония врагом. Положение было настолько серьезным, что властной Фульвии пришлось применить самое грозное оружие – женскую слабость. Аппиан пишет: «Мать Антония, жена и сын его, еще подросток, и остальные домочадцы и друзья всю ночь метались по домам влиятельных граждан, упрашивая их, а днем приставали к тем, кто шел в сенат, кидаясь им в ноги с воплем и плачем, были в черной одежде, кричали у дверей. Их голоса... переломили настроение».

Обильно изливая слезы при критических обстоятельствах, Фульвия была равнодушна к чужим. Когда у многих богатейших женщин должны были конфисковать состояние, они принялись искать защиты у родственников самых влиятельных римлян. «Они были приняты сочувственно сестрой Цезаря и матерью Антония, – свидетельствует Аппиан, – но с трудом перенесли оскорбление, будучи прогнаны от дверей Фульвией, женой Антония».

В мартовские иды 44 года до н. э. у римлян появился реальный шанс вернуть республику, но все надежды разрушил Антоний... и та, кто им управляла.

В день убийства Гая Юлия Цезаря Антоний в страхе заперся у себя дома, но 16 марта заговорщики вступили с ним в переговоры. В ночь на 17 марта он перенес в свой дом казну и архив Цезаря. В тот же день собравшийся сенат под председательством Антония принял решение не преследовать убийц Цезаря. Но уже 18 марта огласили завещание Гая Юлия (опять же, находившееся на хранении у Антония), и ситуация резко изменилась.

Цезарь пожелал видеть своим наследником внучатого племянника Гая Октавия, завещал римскому народу свои сады за Тибром, а каждому римскому гражданину – по 300 сестерциев. Щедрость Цезаря возбудила ненависть римлян к его убийцам, мечтавшим вернуть республику. Им пришлось бежать – Рим остался за Антонием.

Сенат назначил комиссию для проверки подлинности завещания и прочих документов, которые оказались в руках Антония, но это было уже несущественно: римлян ожидала очередная гражданская война.

В это время Антоний и Фульвия совершили самую большую ошибку: 19-летнего болезненного, никому не известного Октавиана они не рассматривали в качестве реального соперника. Уже в следующем году наследник Цезаря не только стал равным по силе Антонию, но и поставил последнего на край гибели. И только стараниями Фульвии был заключен триумвират с участием Октавиана, Антония и Лепида.

Триумвиры разделили между собой не только Римскую державу, но и врагов. Антоний и Фульвия наконец-то добились включения в список осужденных на смерть давнего врага Марка Туллия Цицерона; причем за него Антоний пожертвовал Октавиану собственного дядю по матери – Луция Цезаря. «Уважение к родственникам и любовь к друзьям склонились перед лютой злобой к неприятелям, – мудро замечает Плутарх. – <...> Цицерону Антоний приказал отсечь голову и правую руку, которою оратор писал свои речи против него. Ему доставили эту добычу, и он глядел на нее, счастливый, и долго смеялся от радости, а потом, наглядевшись, велел выставить на

форуме, на ораторском возвышении. Он-то думал, что глумится над умершим, но скорее на глазах у всех оскорблял Судьбу и позорил свою власть!»

В скором времени Антоний ускользнул из-под власти своей жены – всемогущей Фульвии. Дала сбой ее политика лояльности к многочисленным любовным связям мужа. На этот раз у Антония было не то, что можно назвать очередным увлечением, а его новая избранница была вовсе не из тех, кого (как, например, смазливую актрису Кифериду) можно несколько раз использовать и забыть. Антонием овладела, по Плутарху, «последняя напасть – любовь к Клеопатре, разбудив и приведя в неистовое волнение многие страсти, до той поры скрытые и недвижимые, и подавив, уничтожив все здоровые и добрые начала, которые пытались ей противостоять».

Убедившись, что у мужа в этом случае все по-настоящему, Фульвия пыталась устроиться на вершине римского политического Олимпа без его помощи. Эта женщина не была бы собой, если б предпочла доживать годы в неизвестности, печали и тоске. Она предприняла попытку соблазнить самого влиятельного носителя власти – Октавиана. Но правитель Рима не позарился на женщину, которая была старше его на 20 лет, причем далеко не красавица. Припухшая щека Фульвии постоянно искушала ритора Секста Клодия «испытать остроту своего стиля» (Светоний). По поводу отвергнутых домогательств Фульвии сохранилась эпиграмма Августа:

То, что с Глафирию спал Антоний, то
ставит в вину мне

Фульвия, мне говоря, чтобы я с ней переспал.

С Фульвией мне переспать? Ну а ежели Маний попросит,

Чтобы поспал я и с ним? Нет, не такой я дурак!

«Спи или бейся со мной!» – говорит она. Да неужели

Жизнь мне дороже всего? Ну-ка трубите поход!

Фульвия пыталась подобраться к Октавиану и с другой стороны. Светоний свидетельствует, что после его примирения с Антонием «воины потребовали, чтобы оба полководца вступили в родственную связь», и Октавиану пришлось взять в жены «Клавдию (Клодию), падчерицу Антония, дочь Фульвии от Публия Клодия, хотя она едва достигла брачного возраста».

Фульвия обладала огромной властью – даже покинутая Антонием, которого перестало интересовать все на свете, кроме египетской царицы. «На следующий год (41 год до н. э.) консулами считались Публий Сервий и Луций Антоний, но в действительности ими были Антоний и Фульвия. Она, теща Цезаря и жена Антония, нисколько не считалась с Лепидом из-за его пассивности и управляла делами самостоятельно, так что ни сенат, ни народное собрание не могли провести никакого решения вопреки ее воле» (Дион). Брат Марка Антония, Луций, не мог получить триумфа прежде, чем добился покровительства Фульвии. «Хотя Луций получил

триумфальные одежды, колесницу и выполнил другие обряды, принятые в таких случаях, казалось, что именно Фульвия устраивала зрелище, используя его только как помощника» (Дион).

Не знающее границ властолюбие Фульвии явилось причиной очередной гражданской войны. Собственно, молодой Октавиан делиться властью с женщиной не имел желания, и повода для войны долго искать не пришлось.

Гай Октавиан начал раздавать землю ветеранам, сражавшимся против Брута и Кассия; Фульвия и Антоний также пожелали участвовать в этой процедуре, чтобы обеспечить себе поддержку со стороны колоний ветеранов. Разногласия в таком, казалось, незначительном вопросе закончились тем, что Октавиан, не в силах «выносить трудный характер своей тещи... отослал назад ее дочь, заявив, что она все еще девственница, – подтвердив это присягой» (Дион). (Ничего удивительного нет в сохранившейся невинности Клодии, учитывая то, что на момент вступления в брак ей было не более 13 лет.)

Взбешенная Фульвия изменила свои планы кардинально. Дело в том, что свободных земель на территории Италии не осталось, и для поселений ветеранов пришлось отнимать землю у тех, кто воевал на противоположной стороне. Фульвия и Антоний «обратили свое внимание к другому классу, более многочисленному и воодушевленному справедливом негодованием из-за ограбления, которому он подвергался» (Дион). Им удалось собрать значительные силы и даже на короткое время овладеть Римом.

Римляне столкнулись с необычным явлением; необычность не в самой войне (междоусобицы стали

настолько частыми, что к ним привыкли), а в том, что ее вела (по выражению Флора, «словно вооружившись мечом мужской доблести») женщина. Пока Луций Антоний организовывал пострадавших от колонизаторской политики Октавиана, «Фульвия с сенаторами и всадниками из ее сторонников, с которыми она обычно совещалась, заняла Пренесте, даже посылая распоряжения в разные места» (Дион). Римская железная леди, как пишет Дион, «сама появлялась с мечом, раздавала пароль солдатам, и в многих случаях произносила речь перед войском».

Положение Октавиана стало близким к катастрофе – вот что значит отказать женщине. Кроме мятежей, Италию охватил голод, поскольку невозможно было подвезти продовольствие морским путем: Секст Помпеи, подчинявшийся сам себе, захватил Сардинию и Сицилию, а Гней Домиций Агенобарб (один из недобитых убийц Цезаря) контролировал Ионийское море. Поэтому Октавиан «часто через друзей предлагал Луцию и Фульвии примирение», но мир не устраивал воинственную женщину. Затруднения противника внушили Фульвии надежду, что наступил подходящий момент для полного его устранения.

Плутарх называет еще одну причину, по которой Фульвия упрямо шла к междоусобной войне: «беспокойная и дерзкая от природы, она вдобавок надеялась, раздув беспорядки в Италии, оторвать Антония от Клеопатры».

Непомерные амбиции и сгубили мятежников. Хитрый, коварный Октавиан возложил ответственность за братоубийственную войну на своих противников; на его сторону встали ветераны, так и не получившие земли

из-за демагогии Фульвии. Римляне, уставшие от многолетних смут, не оказали широкой поддержки Антонию и Фульвии, поскольку были раздражены их нежеланием закончить ссору мирным соглашением.

Самые трагические события этой войны развернулись под этрусским городом Перузией (оттого война и называется Перузийской). В этом городе Октавиан осадил войско Луция Антония.

Перузия лежала на холме и была практически неприступна, но длительная осада поставила ее защитников на грань голодной смерти. «Подсчитав, сколько осталось продовольствия, Луций запретил давать его рабам и велел следить, чтобы они не убежали из города и не дали бы знать врагам о тяжелом положении осажденных. Рабы толпами бродили в самом городе и у городской стены, падая от голода на землю, питаясь травой или зеленой листвой; умерших Луций велел зарыть в продолговатых ямах, боясь, что сожжение трупов будет замечено врагами, если же оставить их разлагаться, начнутся зловоние и болезни» (Аппиан).

Войско Антония пыталось вырваться из окружения, но после многочисленных жертв было отброшено назад – в лишенный продовольствия город. Осталось одно: сдаться на милость победителя.

Луций Антоний получил прощение; впрочем, он был обязан жизнью не доброте мстительного и беспощадного Октавиана, а тому, что в руках его брата, Марка Антония, находилась половина римских владений. И еще живой и свободной оставалась Фульвия – женщина, которая была опаснее любого военачальника. Скрестить с ними меч молодой наследник Цезаря был не готов.

Октавиан утолил жажду мести прочими защитниками Перузии. «Большинство сенаторов и всадников, – пишет Дион, – были обречены на смерть. Рассказывают, что их не просто убивали, но приносили в жертву у алтаря старшего Цезаря – три сотни всадников и много сенаторов... Жители Перузии и прочие, захваченные там, в большинстве своем погибли, а сам город был полностью уничтожен огнем, кроме храма Вулкана и статуи Юноны».

Фульвии не было в осажденной Перузии; она собирала войска и отправляла их на помощь Луцию Антонию. Ее полководцу Планку удалось даже уничтожить легион Октавиана, но капитуляция Перузии сделала продолжение войны бессмысленной затеей.

В сопровождении трех тысяч всадников Фульвия отправилась к главным морским воротам Италии – Брундизию. «Из Брундизия она и отплыла на пяти военных кораблях, вызванных ею из Македонии» (Аппиан).

По крайней мере, одной цели Перузийской войной отчаянная женщина достигла: ей удалось оторвать Антония от Клеопатры. Получив «полное жалоб письмо от Фульвии», он «с двумястами судов вышел в море, взяв направление на Италию» (Плутарх).

Согласно Аппиану супруги встретились в Афинах, но Плутарх сообщает, что Фульвия «заболела и в Сикионе умерла». Впрочем, это не важно; главное, она умерла в Греции – вскоре после того, как покинула Италию.

Некоторые исследователи полагают, что Фульвию отравили. Вполне возможно. Эта женщина стала обузой Антонию, безумно влюбленному в Клеопатру; еще больше она мешала Октавиану пылко любившему власть.

Неизвестно, какие потрясения ожидали бы Рим, если бы Фульвия не скончалась скоропостижно. И здесь древние авторы единодушны: Плутарх пишет, что смерть Фульвии «сильно помогла Антонию достигнуть согласия с Цезарем»; Ливии сообщает, что «Марк Антоний уже готовился к войне против Цезаря, но тут умирает Фульвия, столь мешавшая согласию двух вождей, и он заключает с Цезарем мир, а сестру его Октавию берет в жены».

Впрочем, кончина Фульвии лишь оттянула на десятилетие новую гражданскую войну, после которой исключительную власть над Римом получит Октавиан; Марк Антоний, лишившийся своей надежной опоры (жены) проиграет самую важную в своей жизни битву.

А семена, посеянные властной женщиной, римляне пожинали до конца истории собственного государства.

Фульвия приложила больше усилий, чем Гай Юлий Цезарь, чтобы уничтожить римскую республику. Используя своих мужей – самых известных в римской истории авантюристов, – она расчистила властной рукой дорогу первым римским императорам и изменила не только древний государственный строй, но и представления о роли женщины в римском обществе.

Такова история женщины, у которой, по словам Веллея Патеркула, «не было ничего женского, кроме тела». Можно отметить еще одно – привычку Фульвии, которая роднит ее со слабым полом: это слезы. Впрочем, она пользовалась ими не для выражения эмоций, а в качестве средства для достижения целей, а именно – власти над мужчинами.

Октавия

(69 – 11 годы до нашей эры)

Она была современницей властолюбивой Фульвии, жены Марка Антония, и коварной Ливии, жены Августа; но кажется, будто Октавия появилась рядом с ними из другого времени.

Да! Привычки и характер Октавии больше подходили для ранней республики с ее почти неограниченной властью мужчины над женщиной. Во времена, отличавшиеся строгостью нравов, отец семейства обладал в отношении своих детей правом «жизни и смерти». Если сын после кончины отца получал в наследство его права и собственность, то женщины получали только нового хозяина. Отец выдавал дочерей замуж по собственному усмотрению, заключая соглашение с отцом будущего зятя; при этом учитывались не чувства, а семейные интересы делового или политического характера.

Выйдя замуж, девушка попадала под власть нового главы семейства. Она не имела права владеть недвижимостью, семейным имуществом; и даже личными вещами, своим приданым римлянка распоряжалась через опекуна. Выходить из дома приличная римская матрона была обязана в сопровождении кого-либо.

Отец Октавии, как пишет Веллей, «происходил хотя и не из патрицианской, но достаточно видной всаднической фамилии, – человек основательный,

безупречный, честный, богатый. Он был претором наряду со знатнейшими людьми, занимая в списке первое место. Благодаря своему положению он женился на Атии, рожденной Юлией».

Юлия была сестрой Гая Юлия Цезаря, и после удачной женитьбы род Октавия начал свое восхождение к вершинам власти. Наибольшего успеха добился сын Октавия и Атии – Октавиан (будущий император). Цезарь любил его, «как собственного сына, и когда ему исполнилось восемнадцать лет, взял его с собой на войну в Испанию и впоследствии также держал при себе, и никогда не давал ему ни пользоваться другим гостеприимством, кроме своего, ни передвигаться в другой повозке и почтил его, еще мальчика, должностью понтифика» (Беллей). Позже сенат объявит Октавиана патрицием, а историки будут выводить его род из эпохи древних полулегендарных римских царей.

Однако муж Атии, столь удачно начавший карьеру, всего этого не увидит. После претуры он «получил по жребию Македонию и был провозглашен императором, оттуда направился в Рим, чтобы выставить свою кандидатуру в консулы, но умер» (Веллей). Героине нашего очерка Октавии Младшей (была еще старшая сестра) исполнилось лишь 10 лет, когда она стала сиротой.

Впрочем, новый муж Атии, Луций Филипп, заботился о детях Октавия, как о собственных; около 55 года до н. э. он выдал Октавию Младшую замуж за Клавдия Марцелла – представителя старинного влиятельного рода. И это достоинство было не главным у мужа Октавии. Николай Дамасский пишет, что Октавиан имел привычку не обедать раньше десятого часа, «кроме как у

Цезаря, Филиппа, или у женившегося на его сестре Марцелла, человека самого благородного среди римлян».

Юлий Цезарь продолжал заботиться о детях Атии, но часто эта забота была весьма жестокой. Октавия рано почувствовала, что значит иметь влиятельного родственника, готового жертвовать всем в угоду политической конъюнктуре. В 54 году до н. э. умерла Юлия – дочь Цезаря и жена Помпея. «Чтобы сохранить родство и дружбу с Помпеем, он предложил ему в жены Октавию... хотя она и была уже замужем за Гаем Марцеллом» (Светоний). Но боги не дали свершиться несправедному делу – подобные перетасовки человеческих судеб пришлось не по вкусу Помпею.

Счастливый брак Октавии и Марцелла длился до 40 года до н. э. – результатом его стали две девочки и мальчик. Для Рима эти же годы были временем великих потрясений. Интриги Цезаря посеяли смуту во всех римских владениях, и сограждане, мечтавшие возродить республику, в 44 году до н. э. уложили на погребальный костер и самого смутьяна.

Неожиданно наследником Цезаря был объявлен любимый племянник (брат Октавии) – Октавиан, который кроме имущества влиятельного родственника получил еще и Римскую державу. (В завещании Цезарь объявил об усыновлении Октавиана, и последний взял имя приемного отца – Гай Юлий Цезарь. В 27 году до н. э. сенат удостоил нового Цезаря почетного титула Август – «возвеличенный» в переводе с латыни. Но мы с вами, читатель, чтобы не вносить путаницу, будем и дальше именовать его более привычным именем – Октавиан.)

Вместе с властью Октавиан получил и сопутствующие ей проблемы; главной из которых был

военачальник Марк Антоний. И наследник Цезаря, бывший к тому же способным учеником, вспомнил о попытке приемного отца уладить неприятности с Помпеем в 54 году до н. э. Увы! Женщины часто являлись разменной монетой в мужских отношениях.

**Октавия (Мрамор. Около 40 г. до н. э.),
справа – Октавиан (Мрамор. Между 35
– 29 гг. до н. э.)**

Идею Октавиана поддержали все римляне, которых приводило в ужас противостояние Антония и Октавиана. Как утопающие хватаются хоть за соломинку, так и они, римляне, уцепились за эту идею. Прошел слух, что между Антонием и Октавианом достигнуто мирное соглашение. Римляне, по свидетельству Диона, «впустили этих двух правителей в город на лошадях, как будто в триумфе, предоставили им триумфальное платье – такое же, как у тех, кто праздновал триумфы, – разрешили им наблюдать за представлениями, сидя на государственных скамьях, и

предложили Антонию жениться на овдовевшей сестре Цезаря, Октавии, хотя она и была беременна...»

Задержка в исполнении надежд римлян сразу изменила их поведение. Дион пишет: «Сначала, встречаясь на сходках или собираясь на представлениях, они торопили Антония и Цезаря заключить мир и при этом подымали громкий ропот; и так как эти лидеры не слушали их, они все более отдалялись от них и поддерживали Секста» (третья враждующая сторона – Секст Помпей).

Вынужденное появление на политической арене благочестивой, добродетельной Октавии описано Плутархом.

«Цезарь горячо любил сестру, которая была, как говорится, настоящим чудом среди женщин. Гай Марцелл, ее супруг, незадолго до этого умер, и она вдовела. После кончины Фульвии вдовел, по-видимому, и Антоний, который сожителство с Клеопатрой не отрицал, но признать свою связь браком отказывался – разум его еще боролся с любовью к египтянке. Итак, все хлопотали о браке Антония и Октавии в надежде, что эта женщина, сочетавшись с Антонием и приобретя ту любовь, какой не могла не вызвать ее замечательная красота, соединявшаяся с достоинством и умом, принесет государству благоденствие и сплочение. Когда обе стороны изъявили свое согласие, все съехались в Риме и отпраздновали свадьбу, хотя закон и запрещал вдове вступать в новый брак раньше, чем по истечении десяти месяцев со дня смерти прежнего мужа; однако сенат особым постановлением сократил для Октавии этот срок».

Кстати, и Антоний не долго скорбел о Фульвии – он женился в год ее смерти. Этот дамский угодник, идя в четвертый раз под венец, гораздо больше переживал о живой и здоровой (но находившейся в далеком Египте) Клеопатре. Тотчас после заключения брака «Антоний приказал убить Мания зато, что он возбуждал Фульвию, наклеветав на Клеопатру, и таким образом оказался виновником стольких зол» (Аппиан).

Клеопатра, самая большая любовь Антония, даже из Египта оказывала влияние на его мысли и поступки. Царица понимала, что, пока между Октавианом и Антонием царит мир, она не сможет вести свою игру. «В свите Антония был один египетский прорицатель, составлявший гороскопы... он прямо, не стесняясь, говорил Антонию, что его счастье, как бы велико и блистательно оно ни было, Цезарем затмевается, и советовал держаться как можно дальше от этого юноши... И, сколько можно судить, происходившее подтверждало слова египтянина. В самом деле, передают, что когда они в шутку метали о чем-нибудь жребий или играли в кости, в проигрыше всегда оставался Антоний. Всякий раз, как они стравливали петухов или боевых перепелов, победа доставалась Цезарю, Антоний втайне об этом сокрушался; все чаще и чаще прислушивался он к словам египтянина и, наконец, покинул Италию, домашние свои заботы передав Цезарю. Октавия, которая тем временем родила дочку, проводила его до самой Греции» (Плутарх).

Две женщины, Октавия и Клеопатра, вступили в незримую борьбу: первая видела свое призвание в том, чтобы сохранить мир между римлянами, а вторая стремилась во что бы то ни стало разрушить его.

Предварительно два самых влиятельных римлянина разделили между собой государство: Октавиану досталась западная часть, Антонию – восточная, начиная от иллирийского города Скодра. Так что Антонию надлежало удалиться в собственные владения. Аппиан пишет, что «Антоний провел зиму в Афинах с Октавией, как перед тем в Александрии с Клеопатрой, имея сведения из лагерей только на основании присылаемых сообщений».

Пожалуй, эта зима была единственным временем, когда Октавия чувствовала себя женой Антония, а не пешкой в политических играх. «Он сменил жизнь вождя, – отмечает Аппиан, – на скромную жизнь частного человека, носил четырехугольную греческую одежду и аттическую обувь, не имел привратников, ходил без несения перед ним знаков его достоинства, а лишь с двумя друзьями и двумя рабами, беседовал с жителями, слушал лекции. И обед у Антония был греческий; с греками же он занимался гимнастическими упражнениями; празднества и развлечения он делил с Октавией. Сильна была в это время его страсть к Октавии, так как он вообще быстро увлекался любовью к женщинам. Но как только миновала зима, Антоний сделался как бы другим человеком, вновь изменилась его одежда, а вместе с тем и весь его образ жизни».

Плутарх добавляет, что Антоний «между тем, из-за каких-то наветов, проникся к Цезарю новой враждой и отплыл в Италию с флотом из трехсот судов. Брундизий отказался его принять, и он пристал в Таренте».

Жена, родившая дочь и снова беременная, без раздумий заняла место на корабле рядом с Антонием. Октавия терпеливо сносила все выходки грубого пьяницы

и бабника, каким и был Антоний, назначенный ей в мужа Октавианом и римлянами. Верная своей исторической миссии, она из последних сил пыталась сохранить мир между братом и мужем.

Из Тарента Октавия отправилась в качестве посла Антония к брату.

Плутарх рассказывает:

«Она встретила с Цезарем в пути и, заручившись поддержкой двоих из его друзей – Агриппы и Мецената, умоляла и заклинала не допустить, чтобы из самой счастливой женщины она сделалась самой несчастной. Теперь, говорила Октавия, все взоры с надеждою обращены на нее – сестру одного императора и супругу другого.

– Но если зло восторжествует и дело дойдет до войны, кому из вас двоих суждено победить, а кому остаться побежденным, – еще неизвестно, я же буду несчастна в любом случае.

Растроганный ее речами, Цезарь вступил в Тарент вполне миролюбиво, и все, кто был тогда в городе, увидели несравненной красоты зрелище – огромное войско, спокойно расположившееся на суше, огромный флот, неподвижно стоящий у берега, дружеские приветствия властителей и их приближенных. Антоний первым принимал у себя Цезаря, который ради сестры пошел и на эту уступку. Уже после того, как была достигнута договоренность, что Цезарь даст Антонию для войны с Парфией два легиона, а Антоний Цезарю – сто кораблей с медными таранами, Октавия выпросила у брата для мужа еще тысячу воинов, а у мужа для брата –

двадцать легких судов, на каких обыкновенно ходят пираты».

Интересное добавление находим мы у Диона.

«И чтобы быть еще теснее связанными родственными узами, Цезарь обручил свою дочь с Антиллом, сыном Антония, а Антоний обручил свою дочь от Октавии с Домицием... Эти соглашения были лишь притворством с обеих сторон, поскольку стороны не собирались выполнять их, а лишь играли роль в соответствии с требованиями момента. Антоний уже с Керкиры отослал Октавию в Италию, чтобы, как он заявил, она не разделяла с ним опасности войны против парфян».

Хотя брак Антония и Октавии будет формально существовать еще пять лет, они больше не встретятся. Антоний так и не увидит свою дочь, Антонию Младшую, родившуюся после его отплытия в Сирию; его не будет интересовать никто и ничто в мире, кроме Клеопатры.

Страсть к египетской царице, долго дремавшая в Антонии, вспыхнула со страшной силой, как только он оказался на Востоке. Чтобы помириться с Клеопатрой, Антоний сделал ей подарок, аналог которому трудно найти в мировой истории: «к ее владениям прибавились Финикия, Келесирия, Кипр, значительная часть Киликии, а кроме того, рождающая бальзам область Иудеи и та половина Набатейской Аравии, что обращена к Внешнему морю... Всеобщее негодование Антоний усугубил еще и тем, что открыто признал своими детьми близнецов, которых родила от него Клеопатра. Мальчика он назвал

Александром, девочку Клеопатрой и сыну дал прозвище Солнце, а дочери – Луна».

Октавия и после таких потрясений пыталась бороться за мужа. Она решила ехать к нему на Восток, и Октавиан поддержал сестру в ее намерениях. Правда, цель брата на этот раз была совершенно другой. Он стал достаточно сильным, чтобы вступить в открытое противоборство с Антонием, и надеялся, что Октавия, как замечает Плутарх, «будет встречена самым недостойным и оскорбительным образом, и он тогда получит прекрасный повод к войне».

В Афинах Октавии «вручили письмо Антония, который просил ждать его в Греции и сообщал о предстоящем походе. Хотя Октавия понимала, что это не более чем отговорка, и горько сокрушалась, она написала мужу, спрашивая, куда отправить груз, который с нею был. Она везла много платья для солдат, много вьючного скота, деньги, подарки для полководцев и друзей Антония; кроме того, с нею вместе прибыли две тысячи отборных воинов в великолепном вооружении, уже разбитые на преторские когорты» (Плутарх).

Клеопатра перед лицом новой угрозы использовала весь свой арсенал, чтобы крепче привязать Антония. Она то прикидывается безумно влюбленной в Антония, то якобы пытается покончить жизнь самоубийством, когда сомневается в его ответных чувствах. Надо сказать, актрисой эта женщина была великолепной. Ее игра описана Плутархом: «Когда Антоний входит, глаза ее загораются, он выходит – взор царицы темнеет, затуманивается. Она прилагает все усилия к тому, чтобы он почаще видел ее плачущей, но тут же утирает, прячет свои слезы, словно бы желая скрыть их от Антония».

Клеопатра околдовала Антония настолько, что он отказался от подготовленного похода к индийской границе. А ведь момент был самый подходящий, и ему доносили, «что Парфянская держава охвачена волнениями и мятежом».

Октавия же по-прежнему считала себя женой Антония и не теряла надежду его вернуть. Своей кротостью, покорностью судьбе она завоевала сердца римлян, но традиционные римские женские добродетели – слабое оружие против чар Клеопатры.

С явной симпатией пишет об Октавии Плутарх.

Цезарь, считая, что ей нанесено тяжкое оскорбление, предложил сестре поселиться отдельно, в собственном доме. Но Октавия отказалась покинуть дом мужа и, сверх того, просила Цезаря, если только он не решил начать войну с Антонием из-за чего-нибудь иного, не принимать в рассуждение причиненную ей обиду, ибо даже слышать ужасно, что два величайших императора ввергают римлян в бедствия междоусобной войны, один – из любви к женщине, другой – из оскорбленного самолюбия. Свои слова она подкрепила делом. Она по-прежнему жила в доме Антония, как если бы и сам он находился в Риме, и прекрасно, с великодушной широтой продолжала заботиться не только о собственных детях, но и о детях Антония от Фульвии. Друзей Антония, которые приезжали от него по делам или же чтобы занять одну из высших должностей, она принимала с неизменной любезностью и была за них ходатаем перед Цезарем. Но тем самым она невольно вредила Антонию, возбуждая ненависть к человеку, который платит черной неблагодарностью такой замечательной женщине».

Октавия, как могла, пыталась остановить неумолимо надвигающуюся братоубийственную войну. Она терпеливо снесла следующее оскорбление Антония (и об этом – у Плутарха).

«В Рим он послал своих людей с приказом выдворить Октавию из его дома, и она ушла, говорят, ведя за собой всех детей Антония, плача и кляня судьбу за то, что и ее будут числить среди виновников грядущей войны. Но римляне сожалели не столько об ней, сколько об Антонии, и в особенности те из них, которые видели Клеопатру и знали, что она и не красивее, и не моложе Октавии».

Октавия проявила поистине христианское смирение; от дня, когда она получила развод, до рождения Иисуса Христа оставалось 32 года. Мы видим черты характера женщины, о которой может только мечтать любой мужчина. Увы! Антоний (впрочем, такой выбор почему-то делают многие представители сильного пола) безумно любил плохую женщину.

Больше всех поступок Антония (выдворение Октавии из его дома) обрадовал непримиримых врагов – Октавиана и Клеопатру. Страдала только несчастная Октавия. Столкновения жаждали два самых близких ее родственника – брат и муж; избежать его было невозможно. Преимущество было явно на стороне Антония: у него – не менее 500 боевых кораблей, 100 тысяч пехотинцев и 12 тысяч воинов конницы, а у Октавиана – примерно такая же конница, но лишь 250 судов и 80 тысяч пехотинцев. Однако Антоний, ослепленный любовью к египетской царице, опять упустил благоприятный момент для выяснения отношений с Октавианом. Войну начал Октавиан.

Антоний, как пишет Плутарх, «до такой степени превратился в бабьего прихвостня, что, вопреки большому преимуществу на суше, желал решить войну победой на море – в угоду Клеопатре! А ведь он видел, что на судах не хватает людей и что начальники триер по всей и без того многострадальной Греции ловят путников на дорогах, погонщиков ослов, жнецов, безусых мальчишек, но даже и так не могут восполнить недостачу, и суда большею частью полупусты и потому тяжелы, неповоротливы на плаву!

<...>

Говорят, что один начальник когорты, весь иссеченный в бесчисленных сражениях под командою Антония, увидевши его, заплакал и промолвил: «Ах, император, ты больше не веришь этим шрамам и этому мечу и все упования свои возлагаешь на коварные бревна и доски! Пусть на море бьются египтяне и финикийцы, а нам дай землю, на которой мы привыкли стоять твердо, обеими ногами, и либо умирать, либо побеждать врага!»».

Антоний потерпел поражение в морской битве у мыса Акции, у берегов Греции, и покончил с собой.

Была ли красива Октавия? Скорее да, чем нет. Ее внешние данные восхваляются античными писателями, а добродетельнее вряд ли найдется женщина в римской истории. Скульптурные изображения, оставшиеся после ее смерти стараниями Августа и благодарных римлян, довольно разные; впрочем, и создавались они в разные годы. Мы видим Октавию всегда безупречной, с

аккуратной прической и правильными чертами лица. Слишком правильными... Мы не чувствуем исходящего от ее образа огня страсти, характерного даже для посмертных изображений великих обольстительниц. Видимо, этого и не хватало Антонию.

Собственно, о какой любви можно говорить, когда брак был исключительно политический, и все заботы Октавии были о том, чтобы сохранить мир между римлянами. Она пыталась удержать мужа, в том числе и детьми; родила для него двух дочерей: Антонию Старшую и Антонию Младшую.

Родство с первыми людьми Рима приносило Октавии лишь огорчения. Октавиан любил сестру; он понимал, что поставил жизнь Октавии в полную зависимость от политики, со всеми вытекающими последствиями, и пытался, как мог, искупить вину. В 35 году до н. э. он поставил Октавии и своей жене, Ливии, статуи; дал им право распоряжаться собственным имуществом и вести дела без опекунов; предоставил личную неприкосновенность, аналогичную трибунской.

Октавия никогда не пользовалась высоким покровительством, чтобы обрести власть, и к своему влиянию прибегала исключительно для нужд государства и граждан. В 43 году до н. э. она упростила брата помиловать Тита Виния, имя которого оказалось внесенным в проскрипционные списки.

Судьба продолжала быть несправедливой к Октавии – в 23 году до н. э. умер ее сын Марцелл, которого Октавиан прочил в свои преемники. Боль этой потери навсегда осталась в сердце Октавии. Однажды Вергилий читал свою поэму «Энеида»; шестая часть ее, по рассказу Светония, «произвела сильнейшее впечатление

на Октавию, присутствовавшую при чтении. Говорят, что она, услышав стихи о своем сыне – Ты бы Марцеллом был! – лишилась чувств, и ее с трудом привели в сознание». Чтобы утешить сестру, Октавиан воздвиг портик Октавии и театр Марцелла.

Плутарх уточняет:

«Антоний оставил семерых детей от трех жен, и лишь самый старший из них, Антилл, был казнен Цезарем. Всех прочих приняла к себе Октавия и вырастила наравне с собственными детьми. Клеопатру, дочь Клеопатры, она выдала замуж за Юбу, самого образованного среди царей. Антония же, сына Фульвии, возвысила настолько, что если первое место при Цезаре принадлежало Агриппе, а второе сыновьям Ливии, то третьим был и считался Антоний».

Умерла Октавия в 11 году до н. э., до последних дней окруженная заслуженным уважением и любовью римлян. Октавиан похоронил ее в мавзолее Августа и воздал сестре «величайшие почести» (Светоний). Он провозгласил Октавию богиней; поставил «ее имени храм подле центральной площади Коринфа» (Павсаний).

Судьба потомков Октавии также интересна. Ее внучка Мессалина прославилась небывалым развратом. А вот в дочери Мессалины повторились все черты нашей героини; она была столь же добродетельна и уважаема согражданами. С мужем правнучке Октавии не повезло еще больше: ей достался самый ужасный человек в римской истории – император Нерон. Звали правнучку тоже Октавия...

Ливия

**(58 год до нашей эры –
29 год нашей эры)**

Ливия Друзилла происходила из знатного рода, который придерживался старинных республиканских традиций. И потому, как ни странно, родственники будущей жены Октавиана Августа (которая станет матерью императора Тиберия, бабкой, прабабкой, прапрабабкой всех императоров династии Юлиев – Клавдиев) находились во враждебных отношениях с Гаем Юлием Цезарем и его наследником.

Отец и первый муж Ливии приняли сторону убийц Цезаря – Брута и Кассия; участвовали в судьбоносной битве при Филиппах. После поражения республиканцев отец Ливии, Марк Ливии Друз Клавдиан, покончил с собой. Ее муж, Тиберий Клавдий Нерон, участвовал в Перузийской войне на стороне Луция Антония и Фульвии. После поражения и в этой войне Ливия вынуждена была бежать вместе с мужем.

«Кого может удивить переменчивость судьбы и превратность дел человеческих? – рассказывает об этом эпизоде жизни Ливии Веллей Патеркул. – Кто может надеяться на обладание противоположным тому, что он имеет? Кто не боится обратного тому, что он ожидает? Ливия, дочь знатного и мужественного человека Друза Клавдиана, по происхождению, честности и красоте первая из римлянок (ее мы впоследствии увидели супругою Августа, а после причисления Августа к богам –

его жрицей и дочерью), бежала тогда от оружия Цезаря, своего будущего супруга, с будущим сыном Цезаря Тиберием Цезарем на руках, двух лет от роду, будущей опорой империи, и, спасаясь от солдатских мечей, с единственным спутником, чтобы надежнее скрыть бегство, по бездорожью достигла моря и была переправлена в Сицилию».

[5] ... перебрался к Марку Антонию в Ахайю».

В Греции семью Тиберия Клавдия по-прежнему преследовали беды. Светоний рассказывает, что однажды, покинув Спарту, они подверглись «смертельной опасности, когда лес со всех сторон вдруг вспыхнул пожаром и пламя подобралось к путникам так близко, что опалило Ливии волосы и край одежды».

После заключения в 40 году до н. э. Брундизийского мира между Октавианом Августом и Антонием политические беглецы получили амнистию. Вернулась в Рим и Ливия с мужем, и это был конец ее первого брака. Август сразу влюбился в бесподобно красивую и обладавшую редкостным умом Ливию. Он немедленно развелся со своей женой Скрибонией, якобы «устав от ее дурного нрава», и тут же предложил руку и сердце очаровательной Ливии. Императора не смутило то обстоятельство, что невеста уже имела мужа и маленького сына и находилась на шестом месяце беременности.

Впрочем, приличия ради, он справился у понтификов о возможности заключения брака во время беременности. Те услужливо ответили, «что если бы имелось сомнение, то брак пришлось бы отложить, но

⁵ [v] Дикторское сопровождение, полагавшееся должностным особам.

если беременность была точно установлена, то для заключения брака нет никаких препятствий. Возможно, они действительно нашли это среди постановлений предков, но, конечно, они сказали бы то же самое, даже если бы ничего не нашли. Ее муж сам выдавал жену замуж, как это делает отец; и на свадебном пиру произошел следующий случай. Один из мальчиков-шутов, которых женщины держат рядом с собой для развлечения, как правило, обнаженными, видя Ливию, возлежащую на одном ложе рядом с Цезарем, и Нерона на другом с мужчиной, подошел к ней и сказал, показывая на Нерона: „Что ты здесь делаешь, госпожа? Твой супруг возлежит вон там“». Вскоре после свадьбы Ливия родила сына. «В народе много сплетничали об этом и, среди прочего, говорили: „У счастливых детей рождаются через три месяца“; и это высказывание стало пословицей» (Дион). Народная молва утверждала, что к рождению второго ребенка Ливии причастен Октавиан Август, но принцепс знал, что это не так. Ему нужна была только Ливия, но не ее дети: малолетнего Тиберия и только что родившегося Друза Август отослал в дом прежнего мужа возлюбленной и предпочел о них забыть. Однако у Ливии были иные планы относительно своих детей от первого брака...

В отношениях с женщинами Октавиан Август был большим проказником, и даже женитьба на женщине своей мечты существенно не поменяла его образ жизни.

Об этом мы читаем у Светония.

«Что он жил с чужими женами, не отрицают даже его друзья; но они оправдывают его тем, что он шел на это не из похоти, а по расчету, чтобы через женщин

легче выведывать замыслы противников. А Марк Антоний, попрекая его, поминает и о том, как не терпелось ему жениться на Ливии, и о том, как жену одного консуляра он на глазах у мужа увел с пира к себе в спальню, а потом привел обратно, растрепанную и красную до ушей, и о том, как он дал развод Скрибонии за то, что она позволяла себе ревновать к сопернице, и о том, как друзья подыскивали ему любовниц, раздевая и оглядывая взрослых девушек и матерей семейств, словно рабынь у работорговца Торания. Антоний даже писал ему по-приятельски, когда между ними не было ни тайной, ни явной вражды: „С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты как будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титизенией, или со всеми сразу, – да и не все ли равно, в конце концов, где и с кем ты путаешься?“».

Ливия снисходительно относилась к мимолетным увлечениям мужа и даже сама подыскивала ему объекты для развлечений. «Сладострастным утехам он предавался и впоследствии, – пишет Светоний, – и был, говорят, большим любителем молоденьких девушек, которых ему отовсюду добывала сама жена». Умная женщина понимала, что всегда приходится чем-то жертвовать, чтобы добиться главного.

Август бесконечно ее уважал и ценил за ум. Он очень старался соответствовать жене и больше всего боялся прослыть глупцом в ее глазах. Порой его отношения с женой доходили до смешного: «Даже

частные беседы, даже разговоры со своей Ливией в важных случаях он набрасывал заранее и держался своей записи, чтобы не сказать по ошибке слишком мало или слишком много» (Светоний).

«Святость домашнего очага она блюла со старинной неукоснительностью, была приветливее, чем было принято для женщин в древности; была страстно любящей матерью, снисходительной супругой и хорошей помощницей в хитроумных замыслах мужу и в потворстве сыну» (Тацит).

Ливия была идеальной женой, и лишь одно обстоятельство омрачало семейную жизнь Августа – у них не было детей, «зачатый ею младенец родился преждевременно» (Светоний). Октавиан же непременно хотел, чтобы наследник был родным ему по крови. Он очень рано начал заботиться о преемнике, и на то были свои причины. Император отличался слабым здоровьем; его щедрое тело собрало почти все известные болезни, за исключением присущих только женщинам.

«И здесь принцепса, – замечает В. Н. Парфенов, – удачливость которого вошла в поговорку (много позже новым императорам Рима традиционно желали быть „счастливее Августа и лучше Траяна“), постигает череда катастрофических неудач, постоянство которых заставляет видеть в них нечто большее, чем набор простых случайностей».

Ливия (Мрамор, конец I в. до и. э. – начало I в. н. э.)

Сначала Август «возвеличил Клавдия Марцелла, еще совсем юного сына своей сестры, сделав его верховным жрецом, а также курульным эдилом» (Тацит). Он женил племянника на своей единственной дочери от брака со Скрибонией и принялся ждать внуков. Вместо них Август в 23 году до н. э. получил известие о смерти Марцелла.

Следующий престолонаследный проект принцепс связал со своим ближайшим другом и сподвижником Марком Агриппой – человеком незнатного происхождения, но весьма талантливым военачальником. За него выдали Юлию – дочь Августа.

«Новый брак Юлии, – пишет В. Н. Парфенов, – оправдал возложенные на него Августом надежды: в 20 году до н. э. она родила сына, названного, как и дед, Гаем, а через три года появился на свет еще один

мальчик, получивший имя Луция. После его рождения Август усыновил обоих внуков, приобретя путем этой процедуры сразу двух наследников. Таким образом, нельзя не признать, что если Ливия строила иные династические планы, то они потерпели сокрушительное поражение».

[6] , были провозглашены главами молодежи и наперед избраны консулами».

Пользуясь тем, что Август, наконец-то обретший наследников родной крови, находился в состоянии эйфории, Ливия начала продвигать собственных сыновей. После смерти родного отца они перебрались в дом отчима. Тацит пишет об Августе, что «своих пасынков Тиберия Нерона и Клавдия Друза он наделил императорским титулом, хотя все его дети были тогда еще живы».

Радость Августа начала омрачаться постепенно. В 13 году до н. э. умирает его зять Марк Агриппа. Тиберию, старшему сыну Ливии, было велено «немедленно вступить в брак с Юлией, дочерью Августа» (Светоний). Для Ливии это был хороший знак; как только Юлия становилась вдовой, ее всегда выдавали замуж за человека, от которого Август ждал престолонаследника. Хотя на этот раз было бы странно оценивать брак с такой позиции: ведь у Августа уже имелись два усыновленных мальчика от Агриппы, а третий, Агриппа Постум, родился после смерти отца. Впрочем, когда наследством является Римская империя, никто не застрахован от случайностей. Тиберий вынужден был развестись с прежней женой, Агриппиной, «хотя они жили в согласии, хотя она уже

⁶ [vi] Не достигшие 16-летнего возраста

родила ему сына Друза и была беременна во второй раз» (Светоний).

Новый брак не принес счастья молодым. Тацит с сочувствием пишет о Тиберий:

«Для него это было безмерной душевной мукой: к Агриппине он питал глубокую сердечную привязанность, Юлия же своим нравом была ему противна – он помнил, что еще при первом муже она искала близости с ним, и об этом даже говорили повсюду. Об Агриппине он тосковал и после развода; и когда один только раз случилось ему ее встретить, он проводил ее таким взглядом, долгим и полным слез, что были приняты меры, чтобы она больше никогда не попадалась ему на глаза. С Юлией он поначалу жил в ладу и отвечал ей любовью, но потом стал все больше от нее отстраняться; а после того, как не стало сына, который был залогом их союза, он даже спал отдельно. Сын этот родился в Аквилее и умер еще младенцем».

И у Юлии не лежала душа к Тиберию. Она вспомнила о своем давнем любовнике Семпромии Гракхе, с которым сошлась, когда была замужем за Марком Агриппой. Это еще больше осложнило постылую для обеих семейную жизнь. «Упорный любовник разжигал в ней своенравие и ненависть к мужу; и считали, что письмо с нападками на Тиберия, которое Юлия написала своему отцу Августу, было сочинено Гракхом» (Тацит).

Тиберия не любил и Август (среди пасынков он предпочитал младшего – Друза). Вслед за императором и его дочерью Тиберия не любил весь Рим. Лишь один человек испытывал к нему противоположные чувства – именно материнская любовь и определила судьбу Тиберия.

Ливия продолжала вести сына по жизни, даже когда он сдался перед трудностями, оставил все свои мечты и решил покинуть Рим. Светоний сообщает, что Тиберий «просил отпустить его, ссылаясь лишь на усталость от государственных дел и необходимость отдохновения от трудов. Ни просьбы матери, умолявшей его остаться, ни жалобы отчима в сенате на то, что он его покидает, не поколебали его; а встретив еще более решительное сопротивление, он на четыре дня отказался от пищи».

К истинным причинам опрометчивого поступка Тиберия относят самое разное. Например, Тацит говорит, что Юлия, новая жена Тиберия, «пренебрегала им как неравным по происхождению; это и было главнейшей причиной его удаления на Родос». У Светония свои догадки: «Быть может, его толкнуло на это отвращение к жене, которую он не мог ни обвинить, ни отвергнуть, но не мог и больше терпеть; быть может – желание не возбуждать неприязни в Риме своей неотлучностью и удалением укрепить, а то и увеличить свое влияние к тому времени, когда государству могли бы понадобиться его услуги. А по мнению некоторых, он, видя подросших внуков Августа, добровольно уступил им место и положение второго человека в государстве, занимаемое им так долго».

Обстоятельство, неожиданно возникшее в пути, едва не изменило планов Тиберия. В Кампании его настигло известие о нездоровье Августа (который болел весьма часто и несколько раз был близок к смерти). Но желанного результата от недомогания отчима он не получил. Вместо этого пошли слухи, что Тиберий медлит, ожидая, «не сбудутся ли самые смелые его мечты». Пришлось сыну Ливии продолжить путешествие, причем, уточняет Светоний, «он пустился в море почти что в

самую бурю и достиг наконец Родоса». Положению Тиберия на Родосе не позавидовал бы и простой смертный. Он понял собственную глупость и попытался добиться разрешения повидаться со своими родственниками, но «получил отказ: мало того, ему было объявлено, чтобы он оставил всякую заботу о родственниках, которых сам с такой охотой покинул». Однако Ливия не оставила непутевого сына: она добилась, «чтобы для сокрытия позора он хотя бы именовался посланником Августа».

Впрочем, формальная должность была слабой защитой Тиберию.

Послушаем дальше рассказ Светония.

«Теперь он жил не только как частный человек, но как человек гонимый и трепещущий... Он забросил обычные упражнения с конем и оружием, отказался от отеческой одежды, надел греческий плащ и сандалии и в таком виде прожил почти два года, с каждым днем все более презираемый и ненавидимый. Жители Немавса даже уничтожили его портреты и статуи, а в Риме, когда на дружеском обеде зашла о нем речь, один из гостей вскочил и поклялся Гаю, что если тот прикажет, он тотчас поедет на Родос и привезет оттуда голову ссыльного – вот как его называли. После этого уже не страх, а прямая опасность заставили Тиберия с помощью матери неотступными просьбами вымаливать себе возвращение».

На восьмом году ссылки Ливии удалось добиться желанной милости для Тиберия. Однако ему было поставлено условие «не принимать никакого участия в государственных делах». Тиберий не вернулся к прежней жене, с которой и не представлял совместной жизни.

Юлию осудил за разврат и прелюбодеяния сам Август; она была сослана на небольшой островок Пандерию. Август же и расторг брак собственной дочери и Тиберия. «Сосланной Юлии он запретил давать вино и предоставлять малейшие удобства; он не подпускал к ней ни раба, ни свободного без своего ведома». Странная жестокость по отношению к единственной дочери (тем более что сам Август любил порезвиться с девочками на стороне). Аврелий Виктор своими размышлениями вполне объясняет поступок Августа. «Сам любя роскошь, он строжайшими мерами преследовал за нее других, что свойственно человеческой природе, ибо с особенным ожесточением люди преследуют те пороки, которым сами сильно подвержены. Так и он отправил в изгнание поэта Овидия... за то, что тот написал три книжки стихов об искусстве любви».

Если учесть, что именно Юлия явилась причиной ссылки Тиберия, можно предположить, кто хитроумно позаботился о том, чтобы слухи о ее любовных приключениях достигли ушей Августа. Но исключительно умная женщина не оставляла улик и упорно вела Тиберия к власти. Один за другим умирают оба усыновленных внука Августа – Гай и Луций. Слишком вовремя любимцев и наследников Августа «унесла смерть, ускоренная судьбой или кознями мачехи Ливии» (Тацит). Еще ранее погибает Друз, младший сын Ливии, которого Август явно предпочитал Тиберию. Теперь у императора не осталось выбора, и он поневоле обращается к нелюбимому пасынку.

«Все внимание теперь устремляется на него одного, – пишет Тацит. – Август усыновляет его, берет себе в соправители, делит с ним трибунскую власть; и

уже не в силу темных происков Ливии, как прежде, – теперь его открыто почитают и превозносят во всех войсках. Более того, Ливия так подчинила себе престарелого Августа, что тот выслал на остров Планазию единственного своего внука Агриппу Постума, молодого человека с большой телесной силой, буйного и неотесанного, однако не уличенного ни в каком преступлении».

Август не считал Агриппу Постума достойным наследником, но и Тиберий ему очень не нравился. «Я знаю, – утверждает Светоний, – что есть ходячий рассказ, будто после тайной беседы с Тиберием, когда тот ушел, спальники услышали голос Августа: „Бедный римский народ, в какие он попадает медленные челюсти!“ Небезызвестно мне и то, что, по некоторым сообщениям, Август открыто и не таясь осуждал жестокий нрав Тиберия, что не раз при его приближении он обрывал слишком веселый или легкомысленный разговор, что даже усыновить его он согласился только в угоду упорным просьбам жены и, может быть, только в тщеславной надежде, что при таком преемнике народ скорее пожалеет о нем».

Август колебался между Тиберием и Агриппой особенно сильно, когда здоровье его резко ухудшилось. Тацит говорит в связи с его болезнью, что «некоторые подозревали, не было ли тут злого умысла Ливии». В 14 году он с одним только Фабием Максимом отправился на остров, где находился в заточении Агриппа Постум. Поездка была тайной даже от Ливии, с которой он всегда советовался, принимая важнейшие решения. Во время встречи деда с внуком «с обеих сторон были пролиты обильные слезы и явлены свидетельства взаимной

любви, отсюда возникает ожидание, что юноша будет возвращен пенатам деда».

Ливию совершенно не устраивал такой поворот в планах мужа. После поездки императора на остров скончался единственный его спутник – Фабий Максим. Вскоре умирает и сам Октавиан Август.

Смерть была столь своевременной, что подозрения опять пали на Ливию. Кассий Дион даже рассказывает о способе избавления от мужа, ставшего непредсказуемым. Август был неприхотлив в еде, но обожал фиги, причем имел привычку собирать фрукты с дерева своими руками. О любви императора к «зеленым фигам второго сбора» упоминает и Светоний. Ливия великолепно знала пристрастия мужа, ведь они прожили в браке 51 год. Она помазала ядом фиги на дереве и во время прогулки покормила ими мужа из собственных рук. Ливия ела и сама, чтобы не возникло никаких подозрений, но только те плоды, что не были обработаны ядом. Что ж... Вполне возможно такое со стороны умной, смелой, коварной Ливии.

Снова предоставим слово Тациту.

«Первым деянием нового принципата было убийство Агриппы Постума, с которым, застигнутым врасплох и безоружным, не без тяжелой борьбы справился действовавший со всею решительностью центурион. Об этом деле Тиберий не сказал в сенате ни слова; он создал видимость, будто так распорядился его отец, предписавший трибуну, приставленному для наблюдения за Агриппой, чтобы тот не замедлил предать его смерти, как только принцепс испустит последнее дыхание. Август, конечно, много и горестно жаловался на нравы этого юноши и добился, чтобы его изгнание было

подтверждено сенатским постановлением; однако никогда он не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи, и маловероятно, чтобы он пошел на убийство внука ради безопасности пасынка. Скорее Тиберий и Ливия – он из страха, она из свойственной мачехам враждебности – поторопились убрать внушавшего подозрения и ненавистного юношу».

С Тацитом нельзя не согласиться, учитывая, что римляне единодушно не любили Тиберия; оставлять в живых прямого потомка рода цезарей было бы величайшей оплошностью. Заметим, что не успел Тиберий занять место Августа, как взбунтовались самые боеспособные легионы империи. Мятеж на Рейне сумел предотвратить племянник Тиберия – Германик, и ему благодарностью будет ранняя смерть. Тиберий не терпел любого, кто имел отношение к императорской фамилии, обладал реальной властью и мог составить ему конкуренцию.

Вспомнил Тиберий и о своей бывшей жене Юлии, 16 лет томившейся в ссылке. Месть его была жестокой. По свидетельству Тацита, «теперь, достигнув власти, он извел ее – ссыльную, обесславленную и после убийства Агриппы Постума потерявшую последние надежды – лишениями и голодом, рассчитывая, что ее умерщвление останется незамеченным вследствие продолжительности ссылки».

Римляне были потрясены тем, как Тиберий разбирался с родственниками. Уважать его не стали, но бояться – несомненно. Лесть, не знающая пределов, вызывала у нового императора снисходительную улыбку.

Когда сенат предложил назвать именем Тиберия месяц сентябрь, а октябрь переименовать в Ливии, он ответил:

– А что вы будете делать, если у вас будет тринадцать цезарей?

Тиберий довольно скоро освоился на месте Августа и перестал нуждаться в заботливой руке, которая привела его к власти.

После смерти мужа Ливия также была обласкана почестями. В оглашенном завещании Августа говорилось, «что его наследники – Тиберий и Ливия; Ливия принималась в род Юлиев и получала имя Августы» (Тацит). Согласно Светонию, Тиберий получил две трети имущества приемного отца, а Ливия – одну треть.

Сенаторы соревновались в расточении лестии Ливии-Августе; они поняли, кому Рим обязан новым императором. «Одни полагали, – отмечает Тацит, – что ее следует именовать родительницей, другие – матерью отечества, многие, что к имени Цезаря нужно добавить – сын Ливии. Однако Тиберий, утверждая, что почести женщинам надлежит всячески ограничивать, что он будет придерживаться такой же умеренности при определении их ему самому, а в действительности движимый завистью и считая, что возвеличение матери умаляет его значение, не дозволил назначить ей ликтора, запретил воздвигать жертвенник Удочерения и воспротивился всему остальному в таком же роде».

Исполнение мечты не принесло счастья Ливии. Властолюбивая женщина желала править Римом, но не находила понимания со стороны сына. «Ливия, мать его, стала ему в тягость: казалось, что она притязает на равную с ним власть. Он начал избегать частых свиданий с нею и долгих бесед наедине, чтобы не подумали, будто

он руководствуется ее советами; а он в них нуждался и нередко ими пользовался... Вскоре вражда их стала открытой...» – свидетельствует Светоний.

Постоянные упреки со стороны матери кончились тем, что Тиберий удалился на остров Капри. «Сообщают также, – пишет Тацит, – что его изгнало из Рима и властолюбие матери, которую он не желал признавать своей соправительницей и от притязаний которой не мог избавиться, так как самая власть ему досталась в дар от нее».

[7] ».

Почести Ливии воздали только после смерти Тиберия, ее сына, которого она так обожала. Мы читаем у Светония, что император Калигула «по завещанию Юлии Августы, которое Тиберий утаил... отсчитал и выплатил честно и без оговорок»; император Клавдий «бабке своей Ливии назначил... божеские почести и колесницу в цирковой процессии, запряженную четырьмя слонами, как у Августа»; также император Гальба – «более же всего он воздавал почтение Ливии Августе».

Несколько десятилетий спустя правнучка Ливии, Агриппина, тоже будет вести сына к власти: уничтожая возможных претендентов, проливая кровь самых близких родственников и не жалея собственного тела – только все это будет происходить более грубо, открыто, жестоко... Сценарий один, но в случае с Агриппиной отношения матери с сыном будут доведены до трагической развязки. Возможно, этого бы не случилось, если бы мать Нерона внимательно изучила историю своей прабабки и поняла: где начинается большая

⁷ [vii] То есть на каторгу

власть, родственные чувства находятся под большой угрозой.

Увы! Агриппина вспомнила о совершенно другом опыте Ливии – после того, как отправила в мир иной своего мужа. Тацит сообщает, что «Клавдию определяются почести, воздаваемые богам, и похороны его обставляются с такой торжественностью, с какой был похоронен Август, ибо Агриппина соревновалась в пышности со своей прабабкой Ливией».

Агриппина старшая

(14 год до нашей эры – 33 год нашей эры)

*Не делай себе кумира и
никакого изображения того, что
на небе вверху, и что на земле
внизу, и что в воде ниже земли,
Не поклоняйся им и не служи
им, ибо Я Господь, Бог твой,
Бог ревнитель, наказывающий
детей за вину отцов до третьего
и четвертого рода,
ненавидящих Меня*

Библия Ветхий Завет

Агриппина Старшая родилась в плебейской семье Марка Випсания Агриппы. Будущий отец Агриппины в гражданскую войну сражался на стороне Октавиана Августа и одержал ряд значительных побед (в том числе в морском сражении при Акции над Антонием и Клеопатрой в 31 году до н. э.). Марк Агриппа считался лучшим военачальником императора, был его личным другом и удостоился руки единственной дочери принцепса – Юлии. Следовательно, по материнской линии Агриппина приходилась внучкой императору Августу.

Детство Агриппины прошло под строгим надзором Августа. «Дочь и внучек он воспитывал так, что они умели даже прясть шерсть (традиционная добродетель римской женщины); он запрещал им все, чего нельзя

было сказать или сделать открыто, записав в домашний дневник; и он так оберегал их от встреч с посторонними, что Луция Виниция, юношу знатного и достойного, он письменно упрекнул в нескромности за то, что в Банях он подошел приветствовать его дочь» (Светоний).

В 5 году н. э. сам император Август выдал 19-летнюю Агриппину замуж за Германика. Ее избранник также приходился внуком Августу (от приемного сына Друза Нерона Клавдия).

По всему видно, император готовил Германика в свои преемники, и временным препятствием служила лишь молодость любимого внука. За год до его свадьбы с Агриппиной Август приказал старшему сыну (тоже приемному) Тиберию усыновить Германика, хотя у Тиберия имелся и родной сын. С этого момента карьера Германика быстро продвигается: в 7 году он становится квестором, а в 12 году Август дает способному внуку консульство.

Август до последних своих дней покровительствовал Германику и столь же заботливо относился к его жене. «В письме к своей внучке, Агриппине, – читаем у Светония, – он хвалит ее хорошие задатки, но добавляет: „Однако старайся избегать деланности, когда говоришь и пишешь“».

Тиберий не разделял ни чувств, ни планов Августа. По свидетельству Светония, «к обоим сыновьям – и к родному, Друзу, и к приемному, Германику, – он никогда не испытывал отеческой любви. Друз был противен ему своими пороками, так как жил легкомысленно и распущенно. Даже смерть его не вызвала в отце должной скорби: чуть ли не сразу после похорон вернулся он к обычным делам, запретив продолжительный траур».

Тиберий не только не любил Германика, но и опасался его как соперника в борьбе за кресло принцепса. В 13 году он отправляет приемного сына в Галлию. Там было очень беспокойно. Кроме постоянных войн с германцами, бунтовали легионеры: частью – недовольные многочисленными работами и обязанностями, частью – отслужившие положенный срок и не получившие увольнения. Но Тиберий просчитался, посылая Германика навстречу множеству опасностей...

Смерть Августа в 14 году вызвала серьезные волнения легионов, стоявших на Рейне: они требовали, чтобы Германик принял верховную власть. «Но чем доступнее была для Германика возможность захвата верховной власти, – отмечает Тацит, – тем ревностнее он действовал в пользу Тиберия».

Изучая историю императорского дома Юлиев – Клавдиев, не перестаешь удивляться, с какой жестокостью его представители боролись за императорский трон, безжалостно убивая самых близких родственников. И все же большего удивления достойно другое: Германик едва не погиб из-за того, что настойчиво отказывался от власти принцепса. Во время бунта рейнских легионов Германик «стремительно соскочил с трибунала», как только солдаты предложили поддержать его в достижении верховной власти.

Подробности находим у Тацита.

«Ему не дали уйти, преградили дорогу, угрожая оружием, если он не вернется на прежнее место, но он, воскликнув, что скорее умрет, чем нарушит долг верности, обнажил меч, висевший у него на бедре, и, занеся его над своей грудью, готов был поразить ее, если бы находившиеся рядом не удержали силой его руку.

Однако кучка участников собрания, толпившихся в отдалении, а также некоторые подошедшие ближе принялись – трудно поверить! – всячески побуждать его все же пронзить себя, а воин по имени Калузидий протянул ему свой обнаженный меч, говоря, что он острее».

В это тревожное время жена Германика находилась рядом с ним. Отвергнув удел женщин ждать мужчин с войны у семейного очага, Агриппина повсюду следовала за мужем. В походных палатках, в окружении врагов и грубых легионеров внучка императора рожала детей. И дети Германика росли на глазах у солдат – здесь же, в лагерях.

Германика порицали во время описанного выше бунта: «Пусть он не дорожит своей жизнью, но почему малолетнего сына, почему беременную жену держит при себе среди беснующихся и озверевших насильников?»

«Он долго, – пишет Тацит, – не мог убедить жену, которая говорила, что она внучка божественного Августа и не отступает перед опасностями, но наконец со слезами, прижавшись к ее лону и обнимая их общего сына, добился ее согласия удалиться из лагеря».

Как ни странно, именно уход Агриппины с маленьким Гаем Калигулой, который «родился в лагере, вскормлен в палатках легионов», и вернул спокойствие в римский лагерь. «Прозвищем Калигула (Сапозок) он обязан лагерной шутке, потому что подрастал он среди воинов в одежде рядового солдата, – рассказывает об этом эпизоде Светоний. – А какую привязанность и любовь войска снискало ему подобное воспитание, это лучше всего стало видно, когда он одним своим видом

несомненно успокоил солдат, возмущившихся после смерти Августа и уже готовых на всякое безумие. В самом деле, они только тогда отступились, когда заметили, что от опасности мятежа его отправляют прочь, под защиту ближайшего города: лишь тут они, потрясенные раскаянием, схватив и удержав повозку, стали умолять не наказывать их такой немилостью».

Тацит повествует еще об одном случае, когда Агриппина оказала неоценимую услугу Германику и его войску. Римские легионы переправились через Рейн и начали трудную войну с вождем германцев Арминием. «Между тем распространилась молва об окружении римского войска и о том, что несметные силы германцев идут с намерением вторгнуться в Галлию, и, если бы не вмешательство Агриппины, был бы разобран наведенный на Рейне мост, ибо нашлись такие, которые в страхе были готовы на столь позорное дело. Но эта сильная духом женщина взяла на себя в те дни обязанности военачальника и, если кто из воинов нуждался в одежде или в перевязке для раны, оказывала необходимую помощь. Гай Плиний, описавший германские войны, рассказывает, что при возвращении легионов она стояла в головной части моста и встречала их похвалами и благодарностями».

Популярность Агриппины у легионеров заметил и римский принцепс. «Все это глубоко уязвило Тиберия: неспроста эти ее заботы, не о внешнем враге она помышляет, домогаясь преданности воинов. Нечего делать полководцам там, где женщина устраивает смотры манипулам, посещает подразделения, заискивает раздачами, как будто ей недостаточно для снискания благосклонности возить с собой повсюду сына главнокомандующего в простой солдатской одежде и

выражать желание, чтобы его называли Цезарем Калигулой. Агриппина среди войска могущественнее, чем легаты, чем полководцы: эта женщина подавила мятеж, против которого было бессильно имя самого принцепса. Сеян разжигал и усугублял эти подозрения: хорошо изучив нрав Тиберия, он заранее сеял в нем семена ненависти, чтобы тот таил ее про себя, пока она вырастет и созреет» (Тацит).

Еще сильнее Тиберий ненавидел мужа Агриппины. «Основная причина этого, – отмечает Тацит, – страх, как бы Германик, опирающийся на столькие легионы, на сильнейшие вспомогательные войска союзников и исключительную любовь народа, не предпочел располагать властью, чем дожидаться ее».

А любовь римлян приемный сын Тиберия заслужил тем, что рассчитался с германцами затри уничтоженных легиона Квинтилия Вара в 9 году. Германик захватил в плен либо наказал смертью почти всех врагов, доставивших Риму позор и траур в Тевтобургском лесу а множество германских племен было вообще стерто с лица земли.

Понять истинные размеры восторга граждан от деяний Германика можно, имея только представление о римской мстительности и зная размер предшествующей катастрофы. Достаточно сказать, что после похода Германика за Рейн «Галлия, Испания и Италия, соревнуясь друг с другом в усердии, предлагали в возмещение понесенных войском потерь оружие, лошадей, золото – что кому было сподручнее. Похвалив их рвение, Германик принял только оружие и лошадей, необходимых ему для военных действий, а воинам помог из собственных средств» (Тацит).

Тиберий прекрасно помнил, что совершил Гай Юлий Цезарь, имея преданное войско и опираясь на покоренную Галлию. Император не жалел ни почестей, ни обещаний, чтобы разлучить Германика с легионами. «Тиберий в частых письмах напоминал Германику, чтобы тот прибыл в Рим и отпраздновал дарованный ему сенатом триумф».

А приемный сын просил еще на год оставить его на Рейне; он и не помышлял отбирать у Тиберия власть, хотя имел для этого все возможности – Германику был необходим год, чтобы закончить завоевания. Какому военачальнику (и вообще мужчине) приятно оставлять незавершенными дела?!

У Тиберия после такой просьбы совсем помутился разум: император «еще настойчивее пытается разжечь в нем тщеславие, предлагая ему консульство на второй срок, с тем чтобы свои обязанности он отправлял лично и находясь в Риме» (Тацит).

Германику ничего не оставалось, как возвращаться в Рим.

Об этом читаем у Тацита.

26 мая 17 года «Цезарь Германик справил триумф над херусками, хаттами, ангивариями и другими народами, какие только не обитают до реки Альбис. Везли добычу, картины, изображавшие горы, реки, сражения, вели пленных; и хотя Тиберий не дал Германику закончить войну, она была признана завершенной. Особенно привлекали взоры зрителей прекрасная внешность самого полководца и колесница, в которой находилось пятеро его детей. Многие, однако, испытывали при этом затаенные опасения, вспоминая, что всеобщее поклонение не принесло счастья его отцу

Друзу, что его дядя Марцелл еще совсем молодым был похищен смертью у горячей народной преданности; что недолговечны и несчастливы любимцы римского народа».

Тиберий словно подтверждал предчувствия сограждан. Заполучив Германика в Рим, он не только не успокоился, но еще больше встревожился. Небывалая популярность Германика не давала возможности даже ему, императору, незаметно убрать триумфатора с политической арены. Император несказанно обрадовался, когда в самых восточных римских провинциях возникла угроза войны.

Тацит продолжает рассказ.

«Итак, Тиберий выступил перед сенаторами... утверждая, что со смутю на Востоке может справиться лишь мудрость Германика; ведь сам он уже в преклонных годах, а Друз еще не вполне достиг зрелого возраста... Вместе с тем Тиберий отстранил от управления Сирией Кретика Силана, связанного свойством с Германиком, так как дочь Силана была помолвлена с Нероном, старшим из сыновей Германика, и поставил на его место Гнея Пизона, человека неукротимого нрава, не способного повиноваться...»

Агриппина отправилась вместе с мужем на Восток – она всегда сопровождала Германика в поездках, и даже в военных походах. Тацит рассказывает об одном путешествии Германика. В 18 году он вступил в должность консула «в ахейском городе Никополе, куда прибыл, следуя вдоль иллирийского побережья, чтобы повидать брата, находившегося в Далмации, после тяжелого плавания сначала по Адриатическому, а затем Ионическому морю». И в этом труднейшем путешествии с

Германиком была жена, которая находилась... на последнем месяце беременности. «Отплыв затем на Эвбею, он переправился оттуда на Лесбос, где Агриппина родила ему Юлию, своего последнего ребенка».

Удивительно, но при таком образе жизни Агриппина ухитрилась родить девятерых (!) детей. «Двое из них, – сообщает Светоний, – умерли во младенчестве, один в детстве: он был так миловиден, что Ливия посвятила в храм Капитолийской Венеры его изображение в виде купидона, а другое поместил в своей опочивальне Август и, входя, всякий раз целовал его. Остальные дети пережили отца – три девочки, Агриппина, Друзилла и Ливилла, и трое мальчиков, Нерон, Друз и Гай Цезарь».

Агриппина стала для римлян примером нравственности, порядком подзабытой. И у нее, и у Германика этот брак был первым и единственным, хотя в рассказе о семейной жизни остальных представителей династии Юлиев – Клавдиев невозможно было бы избежать упоминания многочисленных разводов и скандалов, любовников и наложниц. Германик и Агриппина почитались римлянами как образец супружеской верности.

В 19 году Германик совершил поездку в Египет, и, возможно, она стала роковой. Тацит напоминает, что еще Август, «запретив сенаторам и виднейшим из всадников приезжать в Египет без его разрешения, преградил в него доступ, дабы кто-нибудь, захватив эту провинцию и ключи к ней на суше и на море и удерживая ее любыми ничтожно малыми силами против огромного войска, не обрек Италию голоду».

Тиберий из-за этого самовольства был вне себя от гнева, и его гнев нашел Германика в Антиохии. «На

обратном пути из Египта Германик узнал, что все его распоряжения, касавшиеся войска и городов, или отменены, или заменены противоположными». Отношения наместника восточных провинций и его помощника, Пизона, ухудшились до такой степени, что они не могли вместе управлять Азией. И тут цветущего и полного сил Германика поражает неведомая болезнь, забирая силы с каждым днем. Любимец римлян понял, что он отравлен медленным ядом, и смерть очень близка. «Германик еще в состоянии постоять за себя, и убийца не извлечет выгоды из своего злодеяния, – описывает последние дни военачальника Тацит. – И он составляет письмо, в котором отказывает Пизону в доверии... сверх того, Пизону предписывается покинуть провинцию».

Германик опасается за будущее жены, отличавшейся очень тяжелым нравом, который могла смирить только любовь мужа.

Послушаем Тацита.

«Он принялся ее умолять, чтобы она, чтя его память и ради их общих детей, смирила свою заносчивость, склонилась пред злобною судьбой и, вернувшись в Рим, не раздражала более сильных, соревнуясь с ними в могуществе. Это было сказано им перед всеми, а оставшись с нею наедине, он, как полагали, открыл ей опасность, угрожающую со стороны Тиберия. Немного спустя он угасает, и вся провинция и живущие по соседству народы погружаются в великую скорбь.

<...>

Похоронам Германика – без изображений предков, без всякой пышности – придала торжественность его слава и память о его добродетелях. Иные, вспоминая о его красоте, возрасте, обстоятельствах смерти и,

наконец, также о том, что он умер поблизости от тех мест, где окончилась жизнь Александра Великого, сравнивали их судьбы. Ибо и тот и другой, отличаясь благородною внешностью и знатностью рода, прожили немногим больше тридцати лет (Александр Македонский умер в 33 года, Германик – в 34), погибли среди чужих племен от коварства своих приближенных. Но Германик был мягок с друзьями, умерен в наслаждениях, женат единственный раз и имел от этого брака законных детей; а воинственностью он не уступал Александру, хотя и не обладал его безрассудной отвагою, и ему помешали поработить Германию, которую он разгромил в стольких победоносных сражениях.

<...>

Агриппина, изнуренная горем и страдающая телесно и все же нетерпимая ко всему, что могло бы задержать мщение, поднимается с прахом Германика и детьми на один из кораблей отплывавшего вместе с ней флота, провожаемая общим состраданием: женщина выдающейся знатности, еще так недавно счастливая мать семейства, окруженная общим уважением и добрыми пожеланиями, она несла теперь, прижимая к груди, останки супруга, неуверенная, удастся ли ей отомстить, страшась за себя и подверженная стольким угрозам судьбы в своей многодетности, не принесшей ей счастья».

Пизон напрасно полагал, что со смертью Германика он получит в свои руки восточные провинции. Настолько велико было у легионеров подозрение, что Пизон причастен к отравлению любимого военачальника, что они не позволили дожидаться в его собственной

провинции «указания Цезаря, кому править Сирией... Единственное, что было ему предоставлено, – уточняет Тацит, – это корабли и безопасное возвращение в Рим».

Смерть Германика погрузила весь Рим в глубокую печаль. «В день, когда он умер, люди осыпали камнями храмы (негодую на богов, позволивших умереть Германику), опрокидывали алтари богов, некоторые швыряли на улицу детей (как рожденных в несчастливый день), – сообщает Светоний. – Даже варвары, которые воевали между собой или с ними, говорят, прекратили войну, словно объединенные общим и близким каждому горем; некоторые князья отпустили себе бороду и обрили голову женам в знак величайшей скорби; и сам царь царей отказался от охот и пиров с вельможами, что у парфян служит знаком траура. А в Риме народ, подавленный и удрученный первой вестью о его болезни, ждал и ждал новых гонцов; и когда... вдруг распространилась весть, что он опять здоров, то все толпой с факелами и жертвенными животными ринулись на Капитолий и едва не сорвали двери храма в жажде скорее выполнить обеты; сам Тиберий был разбужен среди ночи ликующим пением, слышным со всех сторон:

Жив, здоров, спасен Германик: Рим спасен и мир спасен!

[8] ».

Едва Агриппина вместе с двумя детьми и погребальной урной в руках сошла на берег Италии, «раздался общий стон, и нельзя было отличить, исходят ли эти стенания от близких или посторонних, от мужчин или женщин; но встречающие превосходили в

⁸ [viii] Сатурналии 17 – 19 декабря, Германик умер 10 октября 19 года

выражении своего еще свежего горя измученных длительной скорбью спутников Агриппины» (Тацит).

Проводить в последний путь Германика пришли консулы и сенат; не было лишь императора Тиберия, который приходился родным дядей и приемным отцом покойному; не было и бабки Германика – Ливии Августы. Тацит предполагает, что они «не показались в народе, то ли считая, что унижат свое величие, предаваясь горю у всех на виду, то ли боясь обнаружить свое лицемерие под столькими устремленными на их лица взглядами».

Послушаем и далее Тацита.

«В день, когда останки Германика были переносимы в гробницу Августа, то царило мертвенное безмолвие, то его нарушали рыдания: улицы города были забиты народом, на Марсовом поле пылали факелы. Там воины в боевом вооружении, магистраты без знаков отличия, народ, распределенный по трибам, горестно восклицали, что Римское государство погибло, что надеяться больше не на что, – так смело и открыто, что можно было подумать, будто они забыли о своих повелителях. Ничто, однако, так не задело Тиберия, как вспыхнувшая в толпе любовь к Агриппине: люди называли ее украшением родины, единственной, в ком струится кровь Августа, непревзойденным образцом древних нравов и, обратившись к небу и богам, молили их сохранить в неприкосновенности ее отпрысков и о том, чтобы они пережили своих недоброжелателей».

После похорон Германика все сильнее раздавались голоса с требованием покарать Пизона. Последний явился в Рим и пытался найти защиту у Тиберия. Однако ходила молва и о причастности императора к отравлению, поэтому Тиберий устранился от какого-либо

участия в судьбе им же назначенного наместника Сирии; он передал дело на разбирательство в сенат.

Покинутый императором, Пизон был обречен. Хотя не имелось прямых доказательств, что он отравил Германика, сенаторы склонялись к вынесению обвинительного приговора. В этом их убеждала толпа граждан перед курией, кричавшая, что они «не выпустят из своих рук Пизона, если он выйдет из сената оправданным».

От Пизона отделилась даже жена, Планцина, нашедшая себе покровительство у Ливии Августы. Наместника Сирии под охраной преторианской когорты доставили домой, а на следующее утро «его нашли с пронзенным горлом».

В 23 году умирает единственный сын Тиберия; Друза отравил Элий Сеян – префект преторианских когорт. Последний таким образом расчищал себе дорогу к трону, ибо полагал, что имеет все основания его занять.

«Тело его было выносиливо к трудам и лишениям, душа – дерзновенна; свои дела он таил ото всех, у других выискивал только дурное; рядом с льстивостью в нем уживалась надменность; снаружи – притворная скромность; внутри – безудержная жажда главенствовать, и из-за нее – порой щедрость и пышность, но чаще усердие и настойчивость – качества не менее вредоносные, когда они используются для овладения самодержавною властью». Таким нарисовал Тацит портрет человека, призванного долгом защищать императора и членов его семьи.

После смерти Друза наиболее вероятными наследниками Тиберия стали сыновья Германика. Сеян

«не мог покончить со всеми тремя, подсыпав им яду, так как служившие им рабы отличались преданностью, и целомудрие Агриппины было непоколебимо». (Тацит упоминает о целомудрии вдовы Германика в связи с тем, что Сеян склонил жену Друза к прелюбодеянию и вынудил ее отравить мужа.)

Тогда изобретательный начальник императорской гвардии принялся клеветать на Агриппину и ее сыновей, для распространения слухов используя близких Тиберию людей. Семена упали на благодатную почву, ибо Тиберий никогда не питал расположения к семейству Германика и мечтал отомстить Агриппине за страхи, которые он терпел по собственной глупости, когда влиятельные супруги находились на Рейне в окружении легионов.

Светоний сообщает:

«Агриппина, его невестка, после смерти мужа стала на что-то жаловаться слишком смело – он остановил ее за руки и произнес греческий стих: „Ты, дочка, считаешь оскорблением, что не царствуешь?“ С тех пор он не достаивал ее разговором. Однажды за обедом он протянул ей яблоко, и она не решилась его отведать – после этого он даже не приглашал ее к столу, притворяясь, будто его обвиняют в отравлении. Между тем и то и другое было подстроено заранее: он должен был предложить ей яблоко для испытания, она – отказаться от него как от заведомой гибели».

В 28 году, как пишет Тацит, «повлекли в темницу... прославленного римского всадника Тития Сабина», единственного из знакомых Германика, не переставшего «оказывать внимание его супруге и детям, посещая их дом и сопровождая их в общественных местах, за что

порядочные люди его хвалили и уважали, а бесчестные ненавидели».

Теперь никто не мешал Сеяну устранять соперников и неугодных, а Тиберию – издеваться над Агриппиной. «Наконец, возведя на нее клевету, будто она хотела искать спасения то ли у статуи Августа, то ли у войска, он сослал ее на остров Пандатерию, а когда она стала роптать, то побоями центуриона выхлестнул ей глаз» (Светоний).

В 30 году по приказу Тиберия убили старшего сына Агриппины и Германика – Нерона. В следующем году всесильного Сеяна самого обвиняют в государственной измене и казнят.

Агриппина после казни Сеяна надеялась, что в ее жестокой судьбе произойдут изменения к лучшему, и этой надеждой жила следующие два года. В 33 году она узнает об умерщвлении второго сына – Друза; его уморили голодом: последние девять дней несчастный «поддерживал себя жалкою пищей, поедая набивку своего тюфяка».

Мать не смогла вынести столь жестокого удара; она решила умереть смертью Друза. Когда Агриппина полностью отказалась от еды, Тиберий, по свидетельству Светония, «приказал насильно раскрывать ей рот и вкладывать пищу. И даже когда она, упорствуя, погибла, он продолжал ее злобно преследовать: самый день ее рождения велел он отныне считать несчастливым». Агриппины уже не было среди живых, а мстительный принцепс никак не мог утолить свою ненависть к ней, насладиться местью.

Подтверждение этому мы находим и у Тацита.

«Распаленный злобой Тиберий возвел на нее гнусное обвинение в распутстве, в том, что она сожительствовала с Азинием Галлом и после его смерти впала в отвращение к жизни. Но Агриппина, никогда не мирившаяся со скромным уделом, жадно рвавшаяся к власти и поглощенная мужскими заботами, была свободна от женских слабостей.

[9] . За это сенат воздал ему благодарность, и было вынесено постановление ежегодно в пятнадцатый день перед ноябрьскими календами, ибо именно в этот день Сеяна и Агриппину постигла смерть, посвящать дар Юпитеру».

Тиберий пережил ненавидимую им Агриппину на три с половиной года. В день собственной смерти он заставил немного поволноваться окружающих. «В семнадцатый день апрельских календ дыхание Цезаря пресеклось, и все решили, что жизнь его покинула, – повествует Тацит. – И уже перед большим стечением поздравляющих появился Гай Цезарь, чтобы взять в свои руки бразды правления, как вдруг сообщают, что Тиберий открыл глаза, к нему возвратился голос, и он просит принести ему пищи для восстановления оставших его сил. Это повергает всех в ужас, и собравшиеся разбегаются, снова приняв скорбный вид и стараясь казаться неосведомленными о происшедшем, между тем как только что видевший себя властелином Гай Цезарь, погружившись в молчание, ожидал для себя самого худшего. Но не утративший самообладания и решительности Макрон приказывает удушить старика, набросив на него ворох одежды, и удалиться за порог его

⁹ [ix] «Лестница рыданий» – спуск с Капитолийского холма к Тибру, по которому крючьями тащили в реку тела казненных

спальни. Таков был конец Тиберия на семьдесят восьмом году жизни».

Спустя годы император Клавдий скончается слишком скоро – его придется выдавать за живого; Тиберий уходил из жизни слишком долго – впрочем, умереть помогли обоим. Вслед за первым римским императором, Августом, принцепсы (и многие члены их семьи) заканчивали свои дни не без посторонней помощи.

После Тиберия императором стал единственный из оставшихся в живых сыновей Германика и Агриппины – Гай Цезарь Калигула. Новый принцепс, по сообщению Светония, немедленно «отправился на Пандатерию и Понтийские острова, спеша собрать прах матери и братьев: отплыл он в бурную непогоду, чтобы виднее была его сыновняя любовь, приблизился к их останкам благоговейно, положил их в урны собственными руками; с не меньшей пышностью, в биреме со знаменем на корме, он доставил их в Остию и вверх по Тибру в Рим, где самые знатные всадники сквозь толпу народа на двух носилках внесли их в мавзолей. В память их установил он всенародно ежегодные поминальные обряды, а в честь матери еще и цирковые игры, где изображение ее везли в процессии на особой колеснице».

Калигула (Мрамор. 37-41 гг.)

То было одно из немногих добрых дел, совершенных Калигулой в начале правления. А ведь от него ждали многого... Скромность и ранняя смерть предков Калигулы – Агриппы, Друза, Германика, «а сверх того трагическая смерть его матери и братьев, погубленных Тиберием, располагали к нему народ... К тому же наиболее проницательные люди думали, что он будет похож на своих родителей. Однако вышло совсем не так, как ожидали, ведь по капризу природы, часто, словно нарочно, дурные люди происходят от хороших родителей, грубые от особенно просвещенных... На этом основании многие из разумных людей признавали, что лучше остаться совсем без потомства», – размышляет римский историк IV века Аврелий Виктор. Калигула пытался оправдать надежды римлян... «Но вдруг, – будто удивляясь, замечает Виктор, – предав сначала казни несколько невинных людей на основании различных обвинений, он словно показал лик зверя, глотнувшего

крови, и потом целое трехлетие прошло в том, что весь мир осквернялся многообразными казнями сенаторов и самых выдающихся людей (оптиматов)».

Чтобы избежать еще больших бед, римлянам пришлось убить своего (некогда любимого) Сапожка. «Прожил он двадцать девять лет, правил три года, десять месяцев и восемь дней, – уточняет Светоний. – Тело его тайно унесли в Ламиевы сады, сожгли наполовину на погребальном костре и кое-как забросали дерном».

Удивительно, но никто из детей Германика и Агриппины не перенял благородных черт своих родителей. Когда умер Германик, Калигуле было 7 лет, Агриппине – 4 года; далее их учила жизнь – жестокая и подлая только потому, что потомки Германика оказались слишком близко от трона мировой державы.

Судьба детей Германика и Агриппины трагична: три брата погибли насильственной смертью, две сестры были убиты; лишь Друзилла, похоже, умерла сама, но в юном возрасте. Потомки Германика вымерли, как, собственно, и все представители первой династии римских императоров, перебившие сами себя в жестокой борьбе. Нерон – внук благородного Германика, ставший для римлян ужасом тьмы, исчадием ада, – оказался последним из некогда многочисленного рода.

Жизнь несправедливо обошлась с Агриппиной, Германиком и их потомством, но таковы правила мироздания: дети платят за грехи не только родителей, но и более далеких предков. Возможно, все происходившее с семействами первых римских императоров – наказание за то, что их предок,

усыновивший Октавиана, воплотил в жизнь мечту о высшей власти, отнял у римлян республику и вверг великую державу в многолетнюю кровопролитную гражданскую войну. Власть, отнятая у граждан, не принесла счастья и тому, чье имя неизменно присоединяли к своим именам последующие правители Рима.

Мессалина

(около 25 года – 48 год)

1 августа 10 года до н. э. родился Тиберий Клавдий Друз. Хотя семья, в которой он появился на свет, состояла в родстве с императорским домом, даже самые близкие люди не прочили мальчику блестящее будущее.

О его ранних годах рассказывает Светоний в биографии «Божественный Клавдий». В детстве и юности Клавдий «страдал долгими и затяжными болезнями, от которых так ослабел умом и телом, что в совершенных летах считался неспособным ни к каким общественным или частным делам».

Мать Клавдия, Антония, «говорила, что он урод среди людей, что природа начала его и не кончила, и, желая укорить кого-нибудь в тупоумии, говорила: „Глупее моего Клавдия“. Бабка, Ливия, и вовсе не желала знать внука и „даже замечания ему делала или в записках, коротких и резких, или через рабов“. Сестра, Ливилла, узнав, что брату „суждено стать императором, громко и при всех проклинала эту несчастную и недостойную участь римского народа“.

Да! Судьба распорядилась так, чтобы человек, которого презирали самые близкие родственники, получил трон мировой державы.

Произошло это совершенно случайно. Во время переворота и убийства Калигулы (который приходился племянником Клавдию) он в ужасе спрятался за занавесью. Если бы не торчавшие из-под ткани ноги,

Клавдий так и остался бы неизвестен мировой истории. Именно их заметил проходивший мимо легионер и решил любопытствовать: чьи они? Дрожащий от страха Клавдий упал к ногам воина, думая, что пришел его смертный час.

Легионер признал в распростертом на полу человеке дядю императора и с помощью товарищей отнес его на носилках в лагерь преторианцев. Пока в сенате спорили, кому из двух вождей заговорщиков отдать власть, преторианцы провозгласили Клавдия императором и принесли ему присягу. За эту услугу новый император пообещал выплатить легионерам по 15 тысяч сестерциев. Таким образом, замечает Светоний, он стал «первый среди цезарей, купивший за деньги преданность войска».

Сенат не посмел возразить преторианцам, а народу надоел жестокий сумасбродный Калигула, назначивший сенатором даже собственного коня. Недалекий безвольный Клавдий подходил всем.

«Многие дела его говорили об умеренности и скромности, некоторые о жестокости и грубости», – оценивает Евтропий правление Клавдия. Поведение весьма характерно для неуравновешенного человека. Бедняга пытался делать добрые дела, но безнаказанность, защищенная высокой властью, постоянно склоняла его ко злу. Опять же издевательства, которым Клавдий подвергался в детстве, глубоко ранили его душу, и теперь он волею судьбы получил возможность рассчитаться с родом человеческим за все унижения.

Убивать ради развлечения – это уже вошло в привычку императоров. Кроткий Клавдий не стал менять

традицию: ему тоже любопытно было посмотреть, какая кровь течет из ран собственных подданных.

От природы трусливый, Клавдий и убивал поначалу несмело, выбирая жертвами людей ничтожных. Император увлекся судопроизводством и любил выносить приговоры. В качестве судьи Клавдий, «превышая законную кару, приказывал бросать диким зверям» преступников.

Однажды в суде разбиралось дело о фальсификации завещания. Кто-то крикнул, что за такое нужно отрубать руки. Идея Клавдию понравилась, и он тотчас «велел позвать палача с ножом и плахой».

«Пытки при допросах и казни отцеубийц заставлял он производить немедленно и у себя на глазах». Однажды в Тибуре император пожелал видеть казнь по древнему обычаю (человека секут до смерти розгами). Преступников уже привязали к столбам, но не нашлось палача. Тогда Клавдий послал за палачом в Рим и терпеливо ждал его до самого вечера.

Если собственных граждан Клавдий убивал, стесняясь, то существовало одно мероприятие, любимое римлянами, где император мог, совершенно не боясь осуждения со стороны кого бы то ни было, наслаждаться видом крови. На гладиаторских играх «он всякий раз приказывал добивать даже тех, кто упал случайно, особенно же ретиариев: ему хотелось посмотреть в лицо умирающим. Звериными травлями и полуденными побоищами увлекался он до того, что являлся на зрелища ранним утром и оставался сидеть, даже когда все расходились завтракать. Кроме заранее назначенных бойцов, он посылал на арену людей по пустяковым и случайным причинам – например, рабочих, служителей и

тому подобных, если вдруг плохо работала машина, подъемник или еще что-нибудь».

Едва ли другое дело удостоивалось большей заботы и внимания императора, чем гладиаторские бои. При Клавдии коллегии квесторов, которая раньше занималась мощением дорог, было поручено устройство гладиаторских игр. Самые грандиозные в истории этого позорного развлечения игры состоялись именно во время правления Клавдия.

Каждый диктатор стремится остаться в памяти народной через какие-либо грандиозные проекты. Клавдий решил осушить Фуцинское озеро. «Местами перекопав, местами просверлив гору, он соорудил водосток в три мили длиной за одиннадцать лет, хотя тридцать тысяч работников трудились над ним без перерыва». Мероприятие весьма внушительное, но Клавдий решил его дополнить гладиаторским сражением, которому не было и не будет равных ни в предыдущей, ни в последующей эпохе.

Накануне спуска воды из Фуцинского озера в 52 году Клавдий устроил навмахию (морскую битву), в которой участвовало 19 тысяч гладиаторов на 100 кораблях, разделенные на два враждебных флота: «сицилийский» и «родосский».

Перед началом битвы Клавдий очень неудачно пошутил – так, что в воздухе запахло новой спартаковской войной. Гладиаторы, отправляясь на корабли, по традиции прокричали ему:

– Здравствуй, император, идущие на смерть приветствуют тебя!

На что Клавдий ответил:

– А может, и нет.

Гладиаторы расценили слова императора как помилование. И 19 тысяч человек отказались сражаться. «Клавдий долго колебался, не расправиться ли с ними огнем и мечом, но потом вскочил и, противно ковыляя, припустился вдоль берега с угрозами и уговорами, пока не заставил их выйти на бой».

Со временем Клавдий освоился с должностью императора и привычками, характерными для этой должности. Итог его правления: «тридцать пять сенаторов и более трехсот римских всадников были казнены им с редким безразличием».

Далеко не все смерти лежали тяжким грузом на совести Клавдия. У императора, который совершенно не был способен управлять государством, имелись помощники из вольноотпущенников. Самые значимые из них – Нарцисс и Паллант – бессовестно грабили Рим (состояние Нарцисса достигало 4 миллионов сестерциев, Палланта – 3 миллионов). Однажды, когда Клавдий жаловался на отсутствие денег в казне, «ему остроумно было сказано, что у него будет денег вдоволь, стоит ему войти в долю с двумя вольноотпущенниками».

«У этих-то людей и у своих жен был он (Клавдий) в таком подчинении, что вел себя не как правитель, а как служитель: ради выгоды, желания, прихоти любого из них он щедро раздавал и должности, и военачальства, и прощения, и наказания, обычно даже сам ничего не зная и не ведая об этом».

К женщинам Клавдий питал страсть «безмерную», но в юности дела с противоположным полом у него обстояли неважно. Бедняга состоял из сплошных недостатков: «смех его был неприятен, гнев –

отвратителен: на губах у него выступала пена, из носу текло, язык заплетался, голова тряслась непрестанно, а при малейшем движении – особенно».

В юности Клавдий был дважды помолвлен: сначала с Эмилией Лепидой – правнучкой Августа, потом с Ливией Камиллой – происходившей из старинного рода. Обе помолвки не дошли до свадьбы: первую девушку Клавдий сам отверг, а вторая заболела и умерла в тот самый день, когда была назначена свадьба.

«После этого он был женат на Плавтии Ургуланилле, дочери триумфатора, а затем Элии Петине, дочери консуляра. С обеими он развелся: с Петиной из-за мелких ссор, а с Ургуланиллою из-за ее наглого разврата и из-за подозрения в убийстве».

Женщины не любили Клавдия, они лишь пользовались выгодами, которые давало положение его жены. И достаточно находилось красоток, желавших связать жизнь с не очень умным, старым, совсем не привлекательным мужчиной. Принадлежность к правящей фамилии несколько сглаживала недостатки Клавдия, а случайное произведение в императоры значительно увеличило его шансы на любовном поприще.

Когда 50-летний Клавдий занял самую высокую должность в Риме, его третьей женой и первой красавицей в Вечном городе была 16-летняя Валерия Мессалина. Она родила Клавдию дочь Октавию, сына Британика и на том свои обязанности по отношению к мужу сочла исчерпанными.

Прелестница пользовалась оглушительным успехом у мужчин. Будущий император Вителлий попросил у Мессалины, «как величайшей милости, позволения ее

разуть и, сняв с нее правую сандалию, всегда носил ее на груди между тогой и туникой, то и дело целуя».

Об этом мы знаем от Светония. Но и Тацит дает нам немало информации. К сожалению, утрачена начальная часть текста Тацита, повествующая о жизни молоденькой императрицы и ее одряхлевшего мужа. Рассказ начинается с событий 47 года, а именно с истории осуждения бывшего консула Публия Валерия Азиатика, единственной виной которого было обладание садами.

Эти сады были разбиты в предыдущем столетии тонким ценителем роскоши Луцием Лукуллом. Военачальник, разбогатевший на восточных походах, прославился невероятной фантазией в трате денег. Лукулл, по свидетельству Плутарха, «насыпал искусственные холмы, окружал свои дома проведенными от моря каналами, в которых разводили рыб, а также воздвигал строения посреди самого моря». Упоминает Плутарх и о творении Лукулла, которое спустя столетие станет причиной несчастий Валерия Азиатика: «... даже в наше время, когда роскошь безмерно возросла, Лукулловы сады стоят в одном ряду с самыми великолепными императорскими садами».

Последний хозяин садов довел их «до поразительного великолепия», и тем возбудил у Мессалины желание ими обладать. Но как получить сады, если Валерий Азиатик не собирался их продавать? Собственно, и покупать Мессалина не имела возможности: с деньгами в императорской казне было плохо – вольноотпущенники, присосавшиеся к ней, словно пиявки, вытягивали все до последнего сестерция.

Императрица пошла к желанным садам иным путем. Через воспитателя Британика Сосибия она советует

Клавдию остерегаться Валерия Азиатика. Трусливому, мнительному, всегда опасаящемуся за свою жизнь императору этого оказалось достаточно, чтобы привлечь подозрительного богача к суду.

Дело слушалось в покоях принцепса, в присутствии Мессалины. Председательствовавший на суде Суиллий обвинил бывшего консула в том, что первое пришло в голову: «в развращении воинов, которые, получая от него деньги и предаваясь распутству, превратились в толпу разнузданных негодяев; затем в прелюбодейной связи с Поппеей и, наконец, в недостойном мужнины разврате». Тут подсудимый, до сих пор хранивший молчание, не выдержал и произнес:

– Спроси своих сыновей, Суиллий, и они признают, что я – мужчина.

Речь Азиатика в свою защиту вызвала слезы даже у Мессалины. Она вышла из комнаты, чтобы их смыть, и попутно дала указание Вителлию:

– Никоим образом не дать подсудимому ускользнуть.

Обвинения прозвучали настолько смехотворные, что в них усомнился даже Клавдий. Император спросил Вителлия: не оправдать ли им Азиатика? Тот упомянул «об их давней дружбе, о том, как они оба окружали мать принцепса Антонию своими заботами, перечислив даже заслуги Азиатика перед Римской державою и указав на его участие в последнем походе против британцев и еще кое-что другое...» Казалось, Вителлий хотел склонить Клавдия к милосердию, но закончил тем, что предложил предоставить достойному мужу... самому избрать для себя род смерти. Предать друга для Вителлия оказалось менее страшным злом, чем попасть в немилость к

Мессалине. Клавдий подтвердил дарование Валерию Азиатике этой милости.

Умер обладатель садов Лукулла, как истинный римлянин. Немногочисленные друзья советовали консуляру «угаснуть, воздерживаясь от пищи», но он отказался от этих нескольких дней жизни. «Проделав обычные гимнастические упражнения, обмыв тело и весело пообедав, Валерий вскрыл себе вены». Перед самой смертью он осмотрел собственный погребальный костер и приказал перенести его в другое место, дабы огонь не повредил деревьям любимого сада.

Кого в императорскую эпоху можно было удивить убийством из корыстных побуждений? Имя Мессалины получило известность вовсе не из-за этого; прославилась императрица своей неумолимой страстью к мужчинам.

Кто-то писал, что далеко не молодой Клавдий не мог удовлетворить желания Мессалины – оттого она и блудила. Это утверждение не соответствует действительности. Фантастическую похоть императрицы не способны были бы удовлетворить и многие десятки молодых римлян.

«Жена его, Мессалина, – пишет Аврелий Виктор, – сначала предавалась любодеениям повсюду и как бы по праву, отчего многие отстранявшиеся от нее из-за страха погибали. Затем, еще более распаляясь от этого, она принуждала знатных матрон и девиц предаваться вместе с ней распутству, мужей же их заставляла присутствовать при этом. Если кто высказывал отвращение к этому, на тех возводились вымышленные обвинения, и ярость ее обрушивалась на целые семьи».

Мессалине имел неосторожность понравиться Мнестр – придворный актер из бывших рабов.

Естественно, императрица пожелала уложить его в свою постель, но актер, испугавшись последствий близости с опасной особой, начал ее избегать. Тогда Мессалина пожаловалась мужу, что Мнестр проявляет по отношению к ней непослушание (не вдаваясь в подробности, конечно). Клавдий вызвал актера, всыпал ему плетей и велел «неукоснительно выполнять приказания Мессалины».

Однажды на глаза императрице попался римский всадник Травл Монтан. Как пишет Тацит, «это был юноша скромного поведения, отличавшийся вместе с тем замечательной красотой. Его привели к Мессалине по ее повелению, но той же ночью она его прогнала, ибо в одинаковой мере не знала удержу ни в любовной страсти, ни в отвращении».

Мессалина откровенно скучала во дворце на Палатине в окружении любовников по принуждению. Ее бешеная плоть требовала все новых и новых ощущений. Поэт-сатирик Ювенал описывает посещение Мессалиной публичного дома – отнюдь не в качестве простой зрительницы.

Ну, так взгляни же на равных богам,
послушай, что было

С Клавдием: как он заснет, жена его,
предпочитая

Ложу в дворце Палатина простую
подстилку, хватала

Пару ночных с капюшоном плащей, и с
одной лишь служанкой

Блудная эта Августа бежала от спящего
мужа:

Черные волосы скрыв под парик
белокурый, стремилась

В теплый она лупанар, увешанный ветхим
лохмотьем,

Лезла в каморку пустую свою – и, голая, с
грудью

В золоте, всем отдавалась под именем
ложным Лициски;

Лоно твое, благородный Британик, она
открывала,

Ласки дарила входящим и плату за это
просила;

Навзничь лежащую, часто ее колотили
мужчины;

Лишь когда сводник девчонок своих
отпускал, уходила

Грустно она после всех, запирая пустую
каморку:

Все еще зуд в ней пылал и упорное
бешенство матки;

Так, утомленная лаской мужчин, уходила
несытой,

Гнусная, с темным лицом, закопченная
дымом светильни,

Вонь лупанара неся на подушки царского
ложа.

Весь Рим смаковал подробности ночных походов императрицы. Лишь один человек оставался в неведении – это был муж необыкновенно любвеобильной Мессалины. Самое интересное, что, пока жена развлекалась, Клавдий «отправлял цензорские обязанности и осудил в строгих указах распущенность театральной толпы». От императора все тщательно скрывалось... до тех пор, пока выходки Мессалины не стали угрожать благополучию могущественных вольноотпущенников, правивших Римом за спиной Клавдия.

Сгубила Мессалину самая настоящая любовь. «Она воспылала к Гаю Силию, красивейшему из молодых людей Рима, такой необузданной страстью, что расторгла его брачный союз со знатной женщиной Юнией Силаной, чтобы безраздельно завладеть своим любовником, – рассказывает Тацит о последнем приключении великой развратницы. – Силий хорошо понимал, насколько преступна и чревата опасностями подобная связь, но отвергнуть Мессалину было бы верной гибелью, а продолжение связи оставляло некоторые надежды, что она останется тайной».

Глупец! Он не понимал, что Мессалина получала наслаждение от того, что развратничала на глазах у всего Рима. Императрица в сопровождении целой свиты посещала дом Гая Силия, она следовала за ним буквально по пятам. Слово из рога изобилия, на голову

любовника посыпались щедроты: он получал деньги и почести, его дом наполняли рабы и утварь из дворца самого Клавдия.

Гай Силий понимал, что добром подобная связь не кончится. От безысходности он решился на поступок дерзкий и даже безумный. «Сочтя, что единственное средство против нависших опасностей – сами опасности», Силий предложил Мессалине вступить с ним в брак и усыновить Британика. Предполагалось молодоженам не ждать, «пока Клавдий умрет от старости», они должны опередить Клавдия, «доверчивого и беспечного, но неистового в гневе».

Некоторое время Мессалина колебалась, однако не из жалости или любви к мужу – она боялась, как бы Силий, заняв место Клавдия, не избавился от склонной к изменам любовницы. «Но мысль о браке все-таки привлекла ее своей непомерной наглостью, в которой находят для себя последнее наслаждение растратившие все остальное».

Любовники дождались, когда Клавдий уедет из Рима, и справили самую настоящую свадьбу. Было все полагающееся по обряду: свидетели подписания договора, невеста в свадебном покрывале, приносящая жертвы пред алтарями богов, поцелуи и, наконец, ночь страстной любви новобрачных.

Не обошел вниманием необыкновенное для Рима событие и поэт Ювенал.

**Что же ты посоветовать мог тому, кого
хочет супруга**

Цезаря взять в мужья? Он всех лучше, всех
он красивей,

Родом патриций, – и вот влечется
несчастный на гибель

Ради очей Мессалины: она уж сидит в
покрывале,

Будто невеста: в саду у всех на глазах
постилают

Ложе тирийским бельем, по обряду в
приданое будет

Выдан мильон, и придут и жрец, и
свидетели брака...

Думаешь, это секрет и доверено это
немногим?

Хочет она по закону венчаться. Ну, что же
тут делать?

В повиновенье откажешь – придется
погибнуть до ночи;

На преступленье пойдешь – ты получишь
отсрочку, покуда

Дело известное всем до ушей не достигнет
владыки;

Он о позоре своем домашнем узнает
последним.

Клавдий задержался в Остии, а Мессалина продолжала безумствовать. Она устроила во дворце представление, изображавшее сбор винограда. «Женщины, облачившись в звериные шкуры, тут же плясали и прыгали, как приносящие жертвы и исступленные вакханки; сама Мессалина с распущенными волосами и рядом с нею увитый плющом Силий, оба в котурнах, закидывали голову в такт распевавшему непристойные песни хору».

Мессалина всегда развлекалась, как в последний раз, но этот праздник действительно стал последним в длинной череде ее вакханалий.

Самые влиятельные временщики – Каллист, Паллант и Нарцисс – собрались на совет. Многие годы они покрывали все безумства Мессалины, но теперь пришли в ужас от происходящего. При новом энергичном императоре им не было места; единственный выход: срочно спасти безвольного старого. Но как? Весь Рим боялся Мессалины больше, чем Клавдия; один неверный шаг – и впору выбирать место для погребального костра. Опять же коварная Мессалина имела огромное влияние на Клавдия, и выходить сухой из воды ей не впервые.

Паллант и Каллист предложили анонимными угрозами попытаться оторвать Мессалину от Силия. Но Нарцисс признал такой способ борьбы недейственным: императрица давно уже думала не головой и едва ли была способна нужным образом отреагировать на угрозы. Он решил разоблачить Мессалину перед Клавдием, используя двух его наложниц: Кальпурния и Клеопатра по очереди сообщили императору что его жена завела нового мужа. Нарцисс лишь подтвердил этот факт и приказал заковать в цепи Гая Силия.

Сложнее обстояло дело с Мессалиной.

Наконец-то и она почувствовала, как сгущаются тучи и готова грянуть гроза. Долго не размышляя, она «решает поторопиться навстречу мужу и показаться ему, что ей уже не раз помогало, и одновременно посылает распорядиться, чтобы Британик и Октавия также поспешили в объятия отца» (Тацит). Пытаясь вызвать к себе жалость, императрица отправилась в путь на простой телеге, которая использовалась для вывоза садового мусора.

Теперь окружению Клавдия предстояло позаботиться о том, чтобы император не утратил решимости наказать блудливую жену. Нарцисс не отходил от него ни на шаг, сопровождал он императора и в судьбоносной поездке. (Клавдий возвращался из Остии в Рим.) Ему помогал Вителлий, постоянно твердивший:

– Какая дерзость! Какое преступление!

Нерешительный Клавдий, как всегда, колебался: он то поносил жену за распутство, то обращался к воспоминаниям об их супружеской жизни, то жалел малолетних детей. Когда на дороге появилась нищенская телега Мессалины, вольноотпущенник принялся рассказывать подробности про свадьбу с Силием. Вот повозки поравнялись: Мессалина умоляла выслушать ее, а Нарцисс, чтобы отвлечь внимание Клавдия, вручил записку с перечислением любовных связей императрицы. И муж проехал мимо, не сказав жене ни слова.

У Мессалины еще оставалась надежда, что дети смягчат гнев Клавдия. Она поставила Британика и Октавию при въезде в Рим, но предусмотрительный

Нарцисс распорядился удалить их с пути следования императорского кортежа.

За Мессалину пыталась просить весталка. В республиканском Риме у весталок было право даже спасти от смерти приговоренных преступников, но Нарциссу было сейчас не до старинных обычаев. Он пообещал жрице Весты, что «принцепс непременно выслушает жену, и она будет иметь возможность очиститься от возводимого на нее обвинения, а пока пусть благочестивая дева возвращается к отправлению священнодействий».

По приезду в Рим Нарцисс первым делом отводит императора в дом Гая Силия. Там семейные реликвии Неронов и Друзов, личные вещи самого Клавдия выставлены на самые видные места. Узнал Клавдий и собственных рабов, из числа подаренных любовнику Мессалиной. Увиденное вызвало у императора ярость. Одна за другой полетели головы знатнейших сенаторов и всадников – всех, кого внес в список Нарцисс.

Силий даже не пытался оправдываться. Он не имел никакой надежды на милость и теперь лишь просил ускорить ему смерть.

Судьбу Силия разделили Титий Прокул и Ветий Валент (признавшийся в прелюбодеянии с Мессалиной), а также Помпей Урбик и Савфей Трог (знавшие о преступлении, но не сообщившие). «Той же каре подверглись префект пожарной стражи Декрий Кальпурниан, начальник императорской гладиаторской школы Сульпиций Руф и сенатор Юнк Вергилиан».

Небольшая заминка вышла с актером Мнестром: он разорвал на себе одежды, показывая следы от императорских плетей за то, что отказался

сожительствовать с Мессалиной. Несчастный мим призывал Клавдия вспомнить о данном им самим повелении «неукоснительно выполнять приказания Мессалины». Тацит пишет, что на Клавдия эти слова произвели впечатление, и он уже собирался помиловать актера, «но был удержан от этого вольноотпущенниками: истребив стольких именитых мужей, незачем жалеть какого-то лицедея; совершал ли он столь тяжкое преступление по своей воле или по принуждению – несущественно».

Не удостоился жалости и всадник Травл Монтан, которого едва не силой привели к ложу Мессалины ее люди.

«Между тем Мессалина, удалившись в сады Лукулла, не оставляла попыток спасти свою жизнь и сочиняла слезные мольбы», – рассказывает Тацит. У нее появилась надежда: Клавдий, пресытившийся казнями, велел передать «несчастной, чтобы она явилась на следующий день представить свои оправдания».

Встреча супругов для Нарцисса стала бы губительной: ему хорошо были известны изворотливость и мстительность Мессалины. Нарцисс решает довести дело до конца. Он немедленно покидает покой подобревшего императора и «отдает приказание находившимся во дворце центурионам и трибуну немедля умертвить Мессалину: таково повеление императора».

Палачи нашли свою жертву в садах Лукулла, тех самых, что стали причиной смерти Валерия Азиатика. Рядом с нею была мать – не общавшаяся с дочерью, когда та находилась на вершине власти, она пришла ее утешить на краю гибели.

Мать уговаривала дочь покончить с собой, не дожидаясь палача, но Мессалине ужасно не хотелось умирать. Она то плакала, то жаловалась, то впадала в истерику: «в душе, извращенной любострастием, не осталось ничего благородного».

Над Мессалиной стоял безмолвный трибун, а вольноотпущенник осыпал ее площадной руганью. И долго ждать они не имели желания. «Лишь тогда впервые осознала она неотвратимость своего конца и схватила кинжал; прикладывая его дрожащей рукой то к горлу, то к груди, она не решалась себя поразить, и трибун пронзает ее ударом меча. Тело ее было отдано матери» (Тацит).

Клавдий пировал, когда ему доложили о смерти Мессалины. Император даже не поинтересовался: умерла ли жена сама либо была убита. Он потребовал чашу с вином «и ни в чем не отклонился от застольных обычаев». Такое поразительное равнодушие можно объяснить лишь тем, что Клавдий уже не мог адекватно оценивать происходящее, ибо при жизни он безумно любил Мессалину.

Сенат, чтобы помочь императору забыть жену, постановил убрать ее имя и ее статуи из всех общественных мест и частных домов. А Клавдий продолжал удивлять людей своей «забывчивостью» и «бездумностью». Светоний пишет: «Так, после убийства Мессалины, садясь за стол, он спросил, почему же не приходит императрица».

Мессалина умерла в 23 года. Некоторые исследователи относят дату ее рождения к 19 году, но все равно она не дожила до 30 лет.

Чрезвычайно скандальная особа не совершила ничего великого и даже значимого, однако память о ней живет, несмотря на старания сената стереть ее имя и облик сразу после смерти. Подобно Герострату, сжегшему храм Артемиды, Мессалина попала в историю. И не только! Для ее имени нашлось место в медицинских справочниках, оно дало название болезни. Вот сведения из медицинской энциклопедии:

«Мессалинизм (по имени жены римского императора Клавдия – Мессалины, известной своим распутством, властолюбием и жестокостью), форма сексуального поведения женщины, испытывающей потребность в частой смене сексуального партнера. Различают несколько форм мессалинизма: фригидный (женщина, страдающая аноргазмией – полной первичной фригидностью, меняет партнеров в надежде испытать оргазм), нимфоманический (женщина испытывает потребность во все новых и новых оргазмах), спортивный, близкий к донжуанству (женщина отличается разнузданностью, аморальным поведением и старается установить своеобразный рекорд своим „победам“), меркантильный, который не отличается от проституции (женщина отдается любому за вознаграждение). Некоторые формы мессалинизма могут проходить после излечения их первопричины (например, фригидности или нимфомании)».

Агриппина младшая

(15 – 59 годы)

После гибели Мессалины Клавдий совершенно разочаровался в женщинах. Император даже поклялся на сходке преторианцев, по свидетельству Светония, «что так как все его супружества были несчастливы, то отныне он пребудет безбрачным, а если не устоит, то пусть они заколют его своими руками».

Увы! Страшная клятва была забыта раньше, чем закончился траур по развратной, но любимой жене. На рынке невест Рима разгорелось нешуточное соперничество: «каждая выставляла на вид свою знатность, красоту и богатство как достойное основание для такого замужества» (Тацит).

Женщин, на свою беду, Клавдий любил непременно красивых. Не понимал, что природа часто уравнивает красоту дурными наклонностями. А если красотки к тому же неглупы, то обладают исключительным коварством и, добиваясь своих целей, не останавливаются ни перед чем. Такие женщины не любят находящегося рядом мужчину, но лишь пользуются им и выбрасывают, как отработанный материал, когда в нем отпадает нужда.

Клавдий начал понимать, что все его несчастья идут от свадеб, недаром он клялся преторианцам больше не совершать подобной глупости. Однако привычка жениться оказалась сильнее страхов за свою драгоценную жизнь.

Император начал в растерянности метаться между знакомыми женщинами; засуетились и властолюбивые вольноотпущенники, обычно управляющие Римом за Клавдия. Они взяли на себя заботу о том, чтобы остывшее после смерти Мессалины брачное ложе долго не пустовало. Ведь когда человек доволен жизнью, когда у него есть все желаемое – с ним легче договариваться.

Была и вторая причина (более важная), заставившая вольноотпущенников включиться в свадебную гонку. Клавдий, по словам Тацита, не выносивший безбрачного существования, попадал под власть каждой своей супруги. Исходя из этого обстоятельства, между вольноотпущенниками разгорелся серьезный спор: Каллист желал видеть женой Клавдия Лоллию Паулину – дочь консуляра, Нарцисс выдвигал Элию Петину – уже бывшую однажды женой принцепса, Паллант поддержал Агриппину – дочь Германика.

Во какое объяснение читаем мы у Тацита.

«Нарцисс говорил о том, что Петина уже была женой принцепса, что у них общая дочь (ибо Антония родилась от нее), и что с возвращением прежней супруги в дом не будет внесено ничего нового, ибо она не станет питать обычной для мачехи неприязни к Британику и Октавии, столь близким по крови ее собственным детям. Каллист возражал, что униженная длительным разводом Петина, будучи снова взята принцепсом в жены, неизбежно возгордится; гораздо разумнее поэтому ввести в семью Лоллию, которая никогда не имела детей и, свободная по этой причине от ревности и пристрастности, заменит пасынку и падчерице родную мать. А Паллант превозносил в Агриппине более всего то, что она приведет с собой внука Германика; вполне

достойно императорского семейства присоединить этого отпрыска знатного рода к потомкам Юлиев и Клавдиев и тем самым не допустить, чтобы женщина испытанной плодовитости и еще молодая унесла в другой дом славу и величие цезарей».

Меньше всего шансов было у Агриппины, ибо она приходилась родной племянницей Клавдию. Подобного рода брачный союз считался кровосмесительным и запрещался римскими законами.

Умная беспринципная Агриппина обратила в свою пользу даже препятствие на пути к цели. Клавдий, по словам Светония, «обольщенный лукавствами Агриппины, которая была дочерью его брата Германика и пользовалась своим правом на поцелуи и родственные ласки... нашел людей, которые на ближайшем заседании предложили сенату обязать Клавдия жениться на Агриппине, якобы для высшего блага государства, и дозволить подобные браки для всех, хотя до той поры они считались кровосмесительными».

Брачный сговор торопила и подкрепляла молва о том, что близость Клавдия и Агриппины вышла за пределы дозволенного. 1 января 49 года состоялась свадьба: жениху было 59 лет, его невесте – 34 года. Так римляне, всегда отличавшиеся строгостью нравов, завели у себя обычай египетских царей из династии Птолемеев. «Впрочем, – замечает Тацит, – не нашлось никого, кто бы пожелал вступить в такое супружество, кроме единственного римского всадника Алледия Севера, о котором многие говорили, что его толкнуло на это желание угодить Агриппине». Рим не торопился опускаться до морального уровня своих императоров и императриц.

Агриппине многое пришлось перетерпеть в детстве и юности. Она родилась в Германии, в городке убиев, который в 50 году переименовали в Агриппинову колонию (ныне Кельн). Ее отец – Германик (15 год до н. э. – 19 год н. э.) – был одним из самых популярных членов императорской фамилии и талантливым военачальником.

Светоний утверждает, что Тиберий всячески старался унижить Германика, «славнейшие его деяния объявлял бесполезными, а самые блистательные победы осуждал как пагубные для государства». Народ не обманешь – он боготворил Германика, что и решило его судьбу. Из той же зависти и страха Тиберий приказывает отравить приемного сына, но даже мертвый Германик преследовал императора: «были и надписи во многих местах, и непрестанные крики по ночам „Отдай Германика“». В ответ на любовь римлян даже к мертвому полководцу Тиберий жестоко расправился с женой Германика и двумя его сыновьями.

В 37 году после смерти Тиберия императором стал брат Агриппины – Калигула. Близкое родство с принцепсом не доставило Агриппине ничего, кроме издевательств и унижений. Развращенный властью недостойный потомок благородного Германика не знал меры в своих сумасбродствах. Он сделал любовницами всех своих сестер: Агриппину, Друзиллу и Ливиллу «На всех званых обедах, – пишет Светоний, – они попеременно возлежали на ложе ниже его, а его законная жена – выше его. Говорят, одну из них, Друзиллу, он лишил девственности еще подростком». Ее Калигула обожал безумно; «остальных сестер он любил

не так страстно и почитал не так сильно: не раз он даже отдавал их на потеху своим любимчикам».

Когда Агриппина и Ливилла надоели брату, он осудил их «за разврат и за соучастие в заговоре против него» и сослал на Понтийские острова.

Вернуться в Рим Агриппине позволил следующий император – Клавдий. Однако Мессалина, по свидетельству Тацита, «была всегда к ней враждебна». Жена Клавдия, скорее всего, почувствовала в дочери Германика соперницу. Надо отдать должное, Мессалина была весьма умной женщиной: можно судить лишь по тому, как ловко она расправлялась с врагами руками Клавдия и с помощью мужа доставляла любовников к себе в постель. Беда в том, что здравый рассудок побеждала в ней животная страсть.

Супружеская жизнь Агриппины началась очень рано. В 13-летнем возрасте император Тиберий выдал ее замуж за «человека гнуснейшего во всякую пору жизни».

Гней Домиций Агенобарб происходил из древнейшего римского рода, и на этом его достоинства заканчивались. Светоний перечисляет некоторые поступки первого мужа Агриппины, более характерные для бешеного зверя, нежели человека. «Сопровождая по Востоку молодого Гая Цезаря, он однажды убил своего вольноотпущенника за то, что тот не хотел пить, сколько ему велели, и после этого был изгнан из ближней свиты. Но буйство его не укротилось: в одном селении по Аппиевой дороге он с разгону задавил мальчика, нарочно подхлестнув коней, а в Риме, на самом форуме, выбил глаз одному всаднику за его слишком резкую брань... Обвинялся он незадолго до кончины и в оскорблении величества, и в разврате, и в кровосмешении с сестрой

своей Лепидой, но смена правителей его спасла; и он скончался в Пиргах от водянки, оставив сына Нерона от Агриппины, дочери Германика».

Луций Домиций (так называли Нерона при появлении на свет) родился через девять месяцев после смерти Тиберия и за три месяца до смерти отца – 15 декабря 37 года. «Тотчас по его гороскопу многими было сделано много страшных догадок; пророческими были и слова отца его Домиция, который в ответ на поздравления друзей воскликнул, что от него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества» (Светоний). Агриппина «обратилась к халдеям с вопросом о грядущей судьбе Нерона, и, когда ей ответили, что он будет властвовать и умертвит мать, она сказала: „Пусть убивает, лишь бы властвовал“» (Тацит).

Да! Агриппина безумно жаждала власти. И, поскольку римляне не допустили бы женщину к трону, она готова была пожертвовать собой, но приблизиться к заветной цели через сына.

Агриппина рано познала вкус власти. Маленькой девочкой она оказалась в триумфальной колеснице – праздновалась победа отца над германцами. Стоя рядом с Германиком, она принимала восторги восхищенной толпы, боготворившей ее непобедимого отца. В последующие годы Агриппина убедилась, что только самая высокая власть может ее уберечь от страданий и унижений, подобных тем, что испытывала она в годы правления Тиберия и Калигулы.

Чем сильнее жизнь била дочь Германика, тем больше она жаждала осуществить свою мечту. Когда Клавдий позволил Агриппине вернуться из ссылки, для нее уже не существовало иных целей, кроме одной,

заветной; и властолюбивая женщина шла к ней, беспощадно устраняя все препятствия на пути.

По возвращении в Рим Агриппина вышла замуж за человека весьма достойного – выдающегося оратора, консула 44 года Гая Криспа Пассивна. Всем был хорош Пассиен, но он ни на шаг не приближал Агриппину к желанной власти. И блестящий оратор-острослов был безжалостно отравлен собственной женой. Имущество Гая Криспа перешло к Нерону.

Еще не успел ветер разнести пепел погребального костра Мессалины, еще забывчивый Клавдий продолжал звать к обеду казненную жену, а дочь Германика уже принялась воплощать в жизнь свой коварный план. Родственными (и не очень) поцелуями она утешала дядю, обнимая его одной рукой; второй рукой вела сына в императорскую семью.

Подробности мы находим у Тацита.

Агриппине пришла идея женить Луция на дочери Клавдия – Октавии. Ее не остановило то обстоятельство, что Октавия к этому времени была обручена с Луцием Силаном. Расторжения помолвки не составляло труда добиться «от принцепса, у которого не было других мыслей и другой неприязни, кроме подсказанных и внушенных со стороны».

Расчетливая Агриппина нашла себе могучего союзника и ловкого политика, затаившего обиду на дом Силана. То был Вителлий. Он принялся «возводить обвинения на Силана, сестра которого, красивая и своенравная Юния Кальвина, в недавнем прошлом была невесткой Вителлия». Братскую привязанность Луция

Силана к Юнии угодник Агриппины «представляет кровосмесительной связью».

Агриппина Младшая (Мрамор. Начало I в.)

Клавдий «из любви к дочери с тем большей готовностью прислушивается к этим наветам о будущем зяте». Силану объявляют, что брак с Октавией не состоится, его исключают из senatorского сословия и принуждают сложить с себя преторские полномочия. Безвинно пострадавший юноша, лишившийся по лживому обвинению всего, покончил жизнь самоубийством в день свадьбы Клавдия и Агриппины. Так кровью был отмечен день, когда Агриппина стала императрицей.

Кровавые следы Агриппина будет оставлять весьма часто. Кроме того, что новая императрица безумно желала властвовать, она отличалась исключительной мстительностью. Луцию Силану – не вовремя расставшемуся с жизнью – Агриппина отомстить не

могла; отплатила его сестре: красавица Юния Кальвина была изгнана из Италии.

Как мы помним, в числе соперниц в борьбе за ложе Клавдия была Лоллия Паулина. Императрица обвинила ее в обращении к халдеям и магам; якобы с помощью колдовства Лоллия пыталась приворожить Клавдия. Не беда, что колдовство не дало результата: невезучую конкурентку приговаривают к высылке из Италии с конфискацией имущества. Но Агриппине и этого мало – «к Лоллии отправляют трибуна, дабы он принудил ее к самоубийству».

Агриппина очень строго следила за моральным обликом мужа: чтобы вызвать бешенство императрицы, достаточно было женщине с миловидной внешностью появиться около Клавдия. «Было подстроено осуждение и женщине знатного рода Кальпурнии, красоту которой похвалил принцепс, сделав это безо всякого любострастного чувства и в случайной беседе, что несколько сдержало гнев Агриппины, и она не дошла до крайних пределов мщения».

Сестра первого мужа Агриппины – Лепида – вызвала недовольство императрицы заботой о Нероне. «Лепида завлекала его юношескую душу ласками и щедротами, тогда как Агриппина, напротив, была с ним неизменно сурова и непреклонна: она желала доставить сыну верховную власть, но терпеть его властвование она не могла».

«Обвинили Лепиду в том, что посредством колдовских чар она пыталась извести жену принцепса и что, держа в Калабрии толпы буйных рабов, нарушала мир и покой Италии». По этому наспех придуманному обвинению тетку Нерона осудили на смерть.

Агриппина совершенно открыто уничтожала тех, кто был ей не по нраву. Императрице все прощали, потому что она была дочерью боготворимого Римом Германика. Увы! Нередко бывает, что природа, отдав все благородному гению, отдыхает на детях или, того хуже, порождает чудовищ. Римляне не постигли эту истину, они продолжали поклоняться дочери Германика и его внуку.

Брак Клавдия с Агриппиной, по утверждению Тацита, «явился причиной решительных перемен в государстве: всем стала заправлять женщина, которая вершила делами Римской державы отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием, как Мессалина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке. На людях она выказывала суровость и еще чаще – высокомерие; в домашней жизни не допускала ни малейших отклонений от строгого семейного уклада, если это не способствовало укреплению ее власти. Непомерную жадность к золоту она объясняла желанием скопить средства для нужд государства».

Наслаждаясь властью, Агриппина не забывала и о будущем. Клавдий уже далеко не молод, и после его смерти самое большое в мире наследство – Римская империя – должно перейти к Британику. Естественно, Агриппина не могла допустить подобного.

На помощь опять пришел Паллант – ее преданный любовник, устроивший небывалую для Рима свадьбу племянницы и дяди. Тацит пишет: «Паллант всячески увещевал Клавдия подумать о благе Римского государства, о том, чтобы было кому поддержать

Британика, пока он еще в отроческом возрасте. Ведь и при божественном Августе, невзирая на то, что он располагал опорой в лице внуков, были в силе и пасынки; да и Тиберий, имея родного сына, принял Германика в лоно своего семейства; так пусть же и он, Клавдий, приблизит к себе юношу, готового взять на себя часть лежащих на нем забот. Убежденный этими доводами, Клавдий предпочел собственному сыну Домиция, который был тремя годами старше Британика...»

Таким образом, в 50 году Клавдий усыновил Луция Домиция; согласно этому акту сын Агриппины получил имя Нерон. Одновременно Агриппина была возведена в титул Августы. Следующим шагом стала женитьба Нерона на дочери Клавдия – Октавии (в 53 году).

Коварная женщина заставила Клавдия отблагодарить ее любовника за оказанные услуги. Награда вольноотпущеннику была огромной – спустя 50 лет это сильно возмутило римского писателя Плиния Младшего. Вот цитата из его письма другу:

«Ты будешь смеяться, затем негодовать, затем опять смеяться, прочтя слова, которым ты не сможешь поверить, не прочтя их. Есть на тибуртинской дороге на первой миле... памятник Палланта с такой надписью: „Ему сенат за верность и преданность по отношению к патронам постановил дать преторские украшения и пятнадцать миллионов сестерций, каковой честью был он доволен“.

...эта надпись особенно напомнила мне о том, как комичны и нелепы почести, бросавшиеся иногда этому грязному подлецу, которые этот висельник осмеливался и

принимать, и отвергать, и даже выставляя себя потомкам как образец воздержанности.

Какое счастье, что моя жизнь не пришлась на то время, за которое мне стыдно так, словно я жил тогда».

У Агриппины вызвали опасение возглавлявшие преторианские когорты Лузий Гета и Руфрий Крисп, «которые, по ее убеждению, были преданы памяти Мессалины и питали привязанность к ее детям». От Тацита мы знаем: она сместила этих преданных Клавдию людей привычным, проверенным способом. Агриппина «внушает мужу, что, домогаясь расположения воинов, они разлагают когорты, тогда как при единоначалии в тех же когортах установится более строгая дисциплина. Так она добилась передачи когорт в подчинение Афранию Бурру, выдающемуся военачальнику, о котором шла добрая слава, но которому, однако, было известно, кому он обязан своим назначением». Как порядочный человек, Бурр был готов выполнить любой приказ императрицы.

Пользуясь положением Августы, Агриппина выискивала себе мыслимые и немыслимые почести. Римские легионы, обращавшиеся однажды к императору с выражением благодарности и хвалы, вынуждены были воздать их и Агриппине, которая находилась за соседней трибуной. «Пребывание женщины перед строем римского войска было, конечно, новшеством и не отвечало обычаям древних, – замечает Тацит, – но сама Агриппина не упускала возможности показать, что она правит вместе с супругом, разделяя с ним добытую ее предками власть».

«Агриппина стремилась придать себе как можно больше величия: она поднялась на Капитолий в двуколке, и эта почать, издавна воздававшаяся только жрецам и святыням, также усиливала почитание женщины, которая – единственный донине пример – была дочерью императора, сестрой, супругою и матерью принцепсов» (Тацит).

Не всем пришлись по нраву нововведения Агриппины, ее выходки, бесцеремонность в устранении неугодных людей, вина которых была весьма сомнительна. Периодически возникавшая оппозиция мешала Агриппине в полной мере наслаждаться прелестями самого высокого положения, которого только может достичь в Риме женщина.

Неожиданно один из сенаторов в суде предъявил обвинение «главнейшей опоре» императрицы – Вителлию. Тацит пишет: «Доносчик обвинял его в оскорблении величия и намерении захватить власть, и Клавдий с готовностью поверил бы этому, если бы Агриппина скорее угрозами, нежели просьбами, не переломила его и не вынудила лишить обвинителя воды и огня: таково было желание самого Вителлия».

Когда Агриппина решила устранить Лепиду – тетку собственного сына Нерона, вдруг Нарцисс принялся противодействовать казни несчастной. Всемогущий временщик, когда-то уничтоживший Мессалину и пользовавшийся огромной властью для неблагоприятных дел, теперь решил искупить вину перед Клавдием и своей совестью. Самое интересное, что Нарцисс ничего не мог приобрести, и терять ему было нечего: императрица забрала бразды правления в свои руки; в

случае же, если Британик станет принцепсом, – он отомстит бывшему рабу за смерть матери. Борьба закончилась неудачно для Нарцисса; он занемог и отправился «для восстановления сил мягкой погодой и целебными водами в Синуессу».

Настоящая опасность для Агриппины стала исходить от мужа. На склоне лет он иногда делал то, чем не занимался всю предыдущую жизнь, – думал. По свидетельству Светония, Клавдий «начал обнаруживать явные признаки сожаления о браке с Агриппиной и усыновлении Нерона. Однажды... увидав Британика, он крепко обнял его, пожелал ему вырасти, чтобы принять от отца отчет во всех делах, и добавил:

– Ранивший исцелит!

А собираясь облечь его, еще безусого подростка, в тогу совершеннолетнего – рост его уже позволял это, – он произнес:

– Пусть, наконец, у римского народа будет настоящий Цезарь!

Вскоре затем он составил и завещание, скрепив его печатями всех должностных лиц. Он пошел бы и дальше, но встревоженная этим Агриппина, которую уже не только собственная совесть, но и многочисленные доносчики обличали в немалых преступлениях, опередила его».

Клавдия отравили ядом, подмешанным в его любимое лакомство – белые грибы. «Большинство сообщает, что тотчас после отравления у него отнялся

язык и он, промучившись целую ночь, умер на рассвете» (Светоний).

Вряд ли соответствуют действительности сведения, что на Клавдия яд не подействовал должным образом и приходилось разными способами увеличивать дозу. Ведь для изготовления снадобья Агриппина разыскала «понаторевшую в этих делах искусницу по имени Локуста, недавно осужденную за отравления, которую еще ранее долгое время использовали как орудие самовластия» (Тацит). Любая накладка в таком деле стоила бы Локусте жизни, а она продолжала заниматься своим промыслом; императорский дом и после смерти Клавдия пользовался ее услугами.

Смерть Клавдия скрывали, «пока не обеспечили все для его преемника. Приносили обеты о его здоровье, словно он был болен, приводили во дворец комедиантов, словно он желал развлечься» (Светоний).

Новоявленная вдова позаботилась, чтобы никто и ничто не омрачили выход на историческую сцену нового императора. Тацит уточняет: «Как бы убитая горем и ищущая утешения, Агриппина сразу же после кончины Клавдия припала к Британику и заключила его в объятия; называя его точным подобием отца, она всевозможными ухищрениями не выпускала его из покоя, в котором они находились. Задержала она при себе и его сестер Антонию и Октавию...»

Наконец Анней Сенека написал для Нерона необходимые речи и заставил их выучить. «И вот в полдень, в третий день до октябрьских ид» (54 год) широко распахиваются двери дворца, и к когорте, его охранявшей, выходит Нерон в сопровождении Афрания Бурра. «Встреченного по указанию префекта

приветственными кликами, его поднимают на носилках. Говорят, что некоторые воины заколебались: озираясь по сторонам, они спрашивали, где же Британик; но так как никто не призвал их к возмущению, им только и оставалось покориться. Принесенный в преторианский лагерь Нерон, произнеся подобавшую обстоятельствам речь и пообещав воинам столь же щедрые, как его отец, денежные подарки, провозглашается императором» (Тацит).

Завещание Клавдия, разумеется, уничтожили.

Возможностей у Агриппины стало больше, и об этом мы по-прежнему читаем у Тацита.

«Первым, кто при новом принципате, но без ведома Нерона, пал жертвой коварства Агриппины, был проконсул провинции Азия Юний Силан». Императрица уничтожила брата проконсула – Луция Силана – и теперь обезопасила себя от возможного возмездия. Была и другая причина: Силан также являлся праправнуком божественного Августа; убивать всех, кто причастен к первому римскому принцепсу, стало привычкой жестокой династии. Юния Силана отравили «среди пира, и притом так открыто, что это ни для кого не осталось тайною». Агриппина сделала ставку на страх, впрочем, как и всякий правитель, оказавшийся у власти не совсем законным путем.

Следующим стал Нарцисс. Приложивший немало усилий, чтобы уничтожить непредсказуемую Мессалину, он невольно расчистил путь для собственного убийцы. Его бросили в темницу, где «жестоким обращением и лишениями довели до смерти».

«И убийства подобного рода пошли бы одно за другим, – пишет Тацит, – если бы этому не воспрепятствовали Афраний Бурр и Анней Сенека... И тот и другой боролись лишь с необузданным высокомерием Агриппины, одержимой всеми страстями жестокого властолюбия и поддерживаемой Паллантом». Первые пять лет правления Нерона отличались мягкостью и даже мудростью; в этом большая заслуга Сенеки, который был воспитателем императора. Властолюбие Агриппины пытались ублажать всевозможными почестями. «Сенат постановил дать ей двоих ликторов и назначил ее жрицей Клавдия, одновременно определив ему цензорские похороны и вслед за тем обожествление» (Тацит). Так убийца бога стала его жрицей.

Но Агриппина, сжигаемая своим главным пороком, постоянно переходила рамки дозволенного. Однажды Нерон принимал армянских послов. Мать бесцеремонно вошла в комнату и направилась к трону, занимать который имел право только принцепс. Спас положение Сенека. «Когда все оцепенели... он предложил принцепсу пойти навстречу подходившей к возвышению матери. Так под видом сыновней почтительности удалось избежать бесчестья».

Нерон вырослел и не только не нуждался в опеке матери, но и тяготился ею. Понимала и Агриппина, что теряет влияние на сына. Она пыталась вернуть его самыми безумными способами. «Подстрекаемая неистовой жадой во что бы то ни стало удержать за собой могущество, Агриппина дошла до того, что в разгар дня, и чаще всего в те часы, когда Нерон бывал разгорячен вином и обильной трапезой, представала перед ним разряженной и готовой к кровосмесительной связи: ее страстные поцелуи и предвещавшие преступное

сожительство ласки стали подмечать приближенные», – сообщает Тацит.

Нерон (Мрамор. 50-е гг.)

О связи матери и сына, более близкой, чем полагалось родством, говорит и Светоний: «уверяют даже, будто разъезжая в носилках вместе с матерью, он предавался с нею кровосмесительной похоти, о чем свидетельствовали пятна на одежде».

Сенека противопоставил оружию Агриппины свое, более мощное – то была юная вольноотпущенница Акте. Бывшая рабыня «роскошью пиршеств и полными соблазна тайными встречами успела окончательно пленить принцепса». Конечно, Нерон потерял всякий интерес к немолодому телу матери.

Связь императора тщательно скрывалась, но разве можно подобное утаить от Агриппины? Умная женщина умело спрятала свои истинные чувства и предприняла шаги, неожиданные даже для Нерона. По свидетельству Тацита, она «стала окружать его лаской, предлагать ему

воспользоваться ее спальным покоем и содействием, с тем чтобы сохранить в тайне те наслаждения, которых он добивался со всей неудержимостью первой молодости и к тому же наделенный верховной властью. Больше того, она признавалась, что была к нему излишне суровой, и предоставляла в его полное распоряжение свое состояние, лишь немногим уступавшее императорскому, и если ранее не знала меры в обуздании сына, то теперь была столь же неумеренно снисходительной».

Идя на такие жертвы, Агриппина надеялась на взаимность – естественно, не на физическую близость, ибо ее многочисленные связи с мужчинами были лишь ступеньками на пути к заветной цели, и не более того.

Увы, мать не дождалась от сына столь же широкого жеста. Нерон отобрал платья и драгоценности, «которыми блистали жены и матери принцепсов», и послал их матери. Щедрость сына, от которой пришла бы в восторг любая женщина, очень разочаровала Агриппину. Она заявляет, что (по Тациту) «этим подарком сын не только не преумножил ее нарядов и украшений, но напротив, отнял у нее все остальное, ибо выделил ей лишь долю того, чем владеет и что добыто ее стараниями».

Были и другие последствия попытки Агриппины договориться полюбовно. Нерон понял, откуда у матери состояние, сопоставимое с императорской казной, и властной рукой закрыл источник его пополнения. Он «отстранил от заведования финансовыми делами Палланта, который, будучи приставлен к ним Клавдием, распоряжался ими как полноправный хозяин». Любовник матери и – по совместительству – главный финансист

империи покинул дворец «в сопровождении целой толпы приближенных».

Удар был настолько силен, что Агриппина при встрече с сыном от возмущения потеряла рассудок. Всю жизнь она с изощренной жестокостью расчищала путь к трону, и... Агриппина не могла поверить: дорогу ей преградил собственный сын. Через интриги и кровь, рискуя жизнью и позабыв о чести, Агриппина виртуозно доставила сыну высшую власть, а он пожелал один править Римом, отстранив мать от этого хлопотного занятия.

В порыве бешенства дочь Германика произнесла самую страшную угрозу. Она заявила принцепсу, что «Британик уже подросток, что он кровный сын Клавдия и достоин того, чтобы унаследовать отцовскую власть, которую пользуется, чтобы обижать мать, усыновленный отпрыск чужого рода. Она не возражает против того, чтобы люди узнали правду обо всех бедствиях несчастной семьи и, прежде всего, – о ее кровосмесительном браке и об отравлении ею Клавдия. Но попечением богов и ее предусмотрительностью жив и невредим ее пасынок. Она отправится вместе с ним в преторианский лагерь, и пусть там выслушают, с одной стороны, дочь Германика, а с другой – калеку Бурра и изгнанника Сенеку, которые тщатся увечной рукой и риторским языком управлять родом людским. Она простирала руки, понося Нерона и выдвигая против него одно обвинение за другим, взывала к обожествленному Клавдию, к пребывавшим в подземном царстве теням Силанов, вспоминала о стольких напрасно свершенных ею злодеяниях». Вот так Тацит описывает реакцию Агриппины. Напоминание о Британике не было пустым звуком. Слишком хорошо Нерон знал собственную мать,

ее неумемную жажду власти. Агриппина готова была править, прикрываясь именем любого мужчины: для нее не имело большого значения, будет это сын или пасынок.

Задуматься над судьбой подраставшего Британика заставил Нерона и недавний случай.

Тацит рассказывает:

«В дни праздника Сатурналий среди прочих забав со сверстниками они затеяли игру, участники которой тянули жребий, кому из них быть царем, и он выпал Нерону. Всем прочим Цезарь отдал различные приказания, которые можно было легко и безо всякого стеснения выполнить; но когда он повелел Британику подняться со своего места и, выйдя на середину, затянуть по своему выбору песню, рассчитывая, что мальчик, не привыкший даже к трезвому обществу, не говоря уже о хмельном сборище, смешается и будет всеми поднят на смех, – тот твердым голосом начал песнь, полную иносказательных жалоб на то, что его лишили родительского наследия и верховной власти. Эти сетования Британика возбудили к нему сочувствие... И Нерон, поняв, что к нему относятся неприязненно, еще сильнее возненавидел Британика».

Попыткой испугать Нерона Агриппина подписала окончательный приговор несчастному сыну Клавдия. Свое первое убийство Нерон совершил без малейших угрызений совести и колебаний. Сенека, долгие годы учивший его добродетели, лишь на время усыпил страшные гены, доставшиеся Нерону от родителей. Император тотчас же вызвал небезызвестную Локусту и потребовал самого сильного яда.

Юношу отравили во время обеда, в присутствии самых близких родственников. Все кушанья и напитки

Британика перед употреблением проверял специальный раб, но Нерон обошел и эту помеху.

Послушаем Тацита.

«Еще безвредное, но недостаточно остуженное и уже отведенное рабом питье передается Британику; отвергнутое им как чрезмерно горячее, оно разбавляется холодной водой с разведенным в ней ядом, который мгновенно проник во все его члены, так что у него разом пресеклись голос и дыхание. Сидевших вокруг него охватывает страх, и те, кто ни о чем не догадывался, в смятении разбегаются, тогда как более проницательные замирают, словно пригвожденные каждый на своем месте, и вперяют взоры в Нерона. А он, не изменив положения тела, все так же полулежа... говорит, что это дело обычное, так как Британик с раннего детства подвержен падучей... Но в чертах Агриппины мелькнули такой испуг и такое душевное потрясение, несмотря на ее старание справиться с ними, что было очевидно, что для нее, как и для сестры Британика Октавии, случившееся было полной неожиданностью; ведь Агриппина отчетливо понимала, что лишается последней опоры, и что это братоубийство – прообраз ожидающей ее участи.

Одна и та же ночь видела умерщвление и погребальный костер Британика, ибо все необходимое для его скромно обставленных похорон было предусмотрено и припасено заранее».

«Локуста же за сделанное дело получила и безнаказанность, и богатые поместья, и даже учеников», – уточняет Светоний. Ученики отравительнице будут весьма кстати: механизм убийств,

запущенный в сознании Нерона, требовал все новых и новых жертв – и, естественно, ядов для них.

Война между матерью и сыном не закончилась со смертью Британика. Агриппина поняла после этого случая, что сын вырос и стал точным подобием матери. Она начала бояться Нерона, но гнев и обида были сильнее страха. Дочь Германика, как показывает Тацит, действовала по многим направлениям: «она расточала заботу и ласку Октавии, часто устраивала тайные совещания со своими друзьями и с жадностью, превосходившей ее врожденную страсть к стяжательству, где только могла, добывала деньги; она обходительно принимала трибунов и центурионов, окружала почетом уцелевших представителей старой знати, превознося их славные имена и доблесть, как если бы приискивала вождя и привлекала приверженцев».

Ответные удары Нерона оказывались неизменно сильнее: он отнял у матери германцев, приставленных к ней в качестве телохранителей, а затем и вовсе удалил ее из императорского дворца.

Находившуюся в опале Агриппину никто не посещал, «кроме нескольких женщин, побуждаемых к этому, может быть, любовью, а может быть, и ненавистью». Одна из них, Юния Силана, донесла Нерону, что мать скорбит о смерти Британика и замышляет государственный переворот. Нерон, разгоряченный вином, хотел немедленно умертвить мать. «Цезаря удалось удержать от этого шага не раньше, чем Бурр дал ему обещание, что, если подтвердится ее виновность, он распорядится предать ее смерти; но всякому, а тем более матери, должна быть дана возможность представить свои оправдания».

Агриппина явилась во дворец Нерона и в присутствии Афрания Бурра, Аннея Сенеки и нескольких свидетелей из вольноотпущенников заявила, что все обвинения – клевета и козни врагов (чем, собственно, и был донос Юнии Силаны). Нерон сделал вид, что поверил оправданиям матери, были даже наказаны доносчики, но... Нерон понимал и другое: если не поделиться с матерью властью, она погибнет сама и погубит сына, ибо без власти жизнь ее лишится всякого смысла.

Матери и сыну стало тесно на одной планете, они не могли существовать вместе, ибо нуждались в одной вещи, которую делить друг с другом не желали. «Нерон стал избегать встреч с нею наедине» и радовался, когда мать «отправлялась в загородные сады Тускула или Анция». В конце концов, Агриппина стала его тяготить, «где бы она ни находилась».

Принять окончательное решение помогла новая любовница Нерона – Поппея Сабина. Женщина эта была прежде всего удивительна тем, что прекрасно чувствовала себя в жестоком, продажном, полном интриг мире. Хотя чему удивляться: она была ярким порождением эпохи. В том числе и поэтому знаменитая куртизанка заслуживает, чтобы о ней было сказано несколько слов.

«У этой женщины было все, кроме честной души, – пишет Тацит. – Мать ее, почитавшаяся первой красавицей своего времени, передала ей вместе со знатностью и красоту; она располагала средствами, соответствовавшими достоинству ее рода; речь ее была любезной и обходительной, и вообще она не была обойдена природной одаренностью. Под личиной скромности она предавалась разврату. В общественных

местах показывалась редко и всегда с полуприкрытым лицом – то ли чтобы не насыщать взоров, то ли, может быть, потому, что это к ней шло. Никогда не щадила она своего доброго имени, одинаково не считаясь ни со своими мужьями, ни со своими любовниками; никогда не подчинялась она ни своему, ни чужому чувству, но где предвиделась выгода, туда и несла свое любострастие».

Отон – муж Пoppей и близкий друг Нерона – в беседах часто восторгался красотой и прочими прелестями собственной жены. На свою беду он возбудил интерес принцепса к Пoppее и очень скоро стал лишним в Риме; его назначили наместником Лузитании.

Пoppея Сабина – это не безропотная Акте или Агриппина, стремившаяся при случае запрыгнуть в носилки Нерона. Она играла с императором, всегда привыкшим получать желаемое, как кошечка со львом. Она открыто издевалась над влюбленным принцепсом и при этом зорко следила, чтобы он не вышел из-под ее власти.

Описание опасной игры Пoppей Сабины есть у Тацита.

«Пoppея пускает в ход лесть и свои чары и, притворившись, будто покорена красотой Нерона и не в силах противиться нахлынувшей на нее страсти, сразу увлекает его; затем, когда любовь захватила его, она стала держать себя с ним надменно и властно и, если он оставлял ее у себя свыше одной или двух ночей, заявляла ему, что она замужняя женщина и не желает расторгнуть брак, плененная образом жизни Отона, с которым никто не может сравниться: у него возвышенная душа и неподражаемое умение держаться с достоинством; в нем она видит все качества

прирожденного властителя; а Нерон, опутанный наложницею-рабыней и привычкою к Акте, из этого сожительства по образу и подобию презренных рабов не извлек ничего, кроме грязи и низости».

Страсть Нерона к Поппее «день ото дня становилась все пламенней, а она, не надеясь при жизни Агриппины добиться его развода с Октавией и бракосочетания с нею самой, постоянно преследовала его упреками, а порой и насмешками, называя обездоленным сиротой, покорным чужим велениям и лишенным не только власти, но и свободы действий». Поппея угрожала вернуться к Отону, если Нерон не способен избавиться от влияния матери и доставить ей брачный венец. «Таким и подобным этим речам, подкрепляемым слезами и притворством любовницы, никто не препятствовал, ибо всем хотелось, чтобы могущество Агриппины было подорвано, но никто вместе с тем не предвидел, что ненависть доведет сына до умерщвления матери».

Убивали Агриппину долго. Три раза Нерон пытался ее отравить, «пока не понял, что она заранее принимает противоядие» (это свидетельство Светония).

Найти другой способ убийства матери принцепса оказалось делом нелегким: Нерон хотел, чтобы смерть ее выглядела естественной и не возбудила никаких подозрений.

Тацит пишет:

«Наконец вольноотпущенник Аникет, префект мизенского флота и воспитатель Нерона в годы его отрочества, ненавидевший Агриппину и ненавидимый ею, изложил придуманный им хитроумный замысел. Он заявил, что может устроить на корабле особое приспособление, чтобы, выйдя в море, он распался на

части и потопил ни о чем не подозревающую Агриппину».

Нерон не только одобрил план, но и принял живейшее участие в его реализации. В марте 59 года он пригласил мать в Байи, где проходили празднества в честь богини Минервы. Предварительно Нерон пустил слух о своем желании примириться с матерью; в послании к ней раскаявшийся сын писал, что «следует терпеливо сносить гнев родителей и подавлять в себе раздражение». Верила или не верила Агриппина, но от предложения принцепса отказаться не могла.

Нерон лично встретил мать на берегу, взял ее за руку, обнял и отвел на свою приморскую виллу... Перед отъездом он пригласил мать на ужин. Ласковость сына, его предупредительность рассеяли страхи Агриппины, но более всего подкупило то, что принцепс поместил мать за столом выше себя. Это Агриппина восприняла не просто как знак внимания; и властолюбивая женщина согласилась подняться на блистающий нарядным убранством корабль, который предложил заботливый сын.

Провожая мать, Нерон «долго, не отрываясь, смотрит ей в глаза и горячо прижимает ее к груди, то ли чтобы сохранить до конца притворство или, быть может, потому, что прощание с обреченной им на смерть матерью тронуло его душу, сколь бы зверской она ни была».

«Но боги, словно для того, чтобы злодеяние стало явным, послали звездную ночь с безмятежно спокойным морем, – сообщает подробности покушения Тацит. – Корабль не успел далеко отойти; вместе с Агриппиной на нем находились только двое из ее приближенных –

Креперей Галл, стоявший невдалеке от кормила, и Ацеррония, присевшая в ногах у нее на ложе и с радостным возбуждением говорившая о раскаянии ее сына и о том, что она вновь обрела былое влияние, как вдруг по данному знаку обрушивается отягченная свинцом кровля каюты, которую они занимали. Креперей был ею задавлен и тут же испустил дух, а Агриппину с Ацерронией защитили высокие стенки ложа, случайно оказавшиеся достаточно прочными, чтобы выдержать тяжесть рухнувшей кровли. Не последовало и распада корабля, так как при возникшем на нем всеобщем смятении очень многие непосвященные в тайный замысел помешали тем, кому было поручено привести его в исполнение.

Тогда гребцам отдается приказ накренить корабль на один бок и таким образом его затопить; но и на этот раз между ними не было необходимого для совместных действий единодушия, и некоторые старались наклонить его в противоположную сторону, так что обе женщины не были сброшены в море внезапным толчком, а соскользнули в него. Но Ацерронию, по неразумию кричавшую, что она Агриппина, и призывавшую помочь матери принцепса, забивают насмерть баграми, веслами и другими попавшими под руку корабельными принадлежностями, тогда как Агриппина, сохранявшая молчание и по этой причине неузнанная (впрочем, и она получила рану в плечо), сначала вплавь, потом на одной из встречных рыбацких лодок добралась до Лукринского озера и была доставлена на свою виллу».

Агриппина, конечно, поняла, по чьей воле «у самого берега не гонимый ветром и не наскочивший на скалы

корабль стал разрушаться сверху, словно наземное сооружение». Мужественная и умная дочь Германика решила, что единственное средство избежать нового покушения или, по крайней мере, отсрочить его – это сделать вид, что она ни о чем не догадывается.

Агриппина посылает к Нерону вольноотпущенника Агерина с известием, что судно потерпело кораблекрушение, но «по милости богов и хранимая его счастьем она спаслась от почти неминуемой гибели».

Принцепс находился в большом смятении, чем спасшаяся чудом Агриппина: он-то ожидал вести о смерти матери. Нерон не сомневался, что мать знает имя виновника своих несчастий. «Помертвев от страха, он восклицает, что охваченная жаждою мщения, вооружив ли рабов, возбудив ли против него воинов или воззвав к сенату и народу, она вот-вот прибудет, чтобы вменить ему в вину кораблекрушение, свою рану и убийство друзей: что же тогда поможет ему, если чего-нибудь не придумают Бурр и Сенека».

Да! Нерон обращается к честнейшему главе преторианцев, которого назначила на эту должность Агриппина; обращается к философу-учителю, который мечтал, что его воспитанник будет самым справедливым и гуманным монархом; обращается с просьбой помочь ему стать матереубийцей.

И благородный воин, и гуманист-философ сходятся во мнении, что дело зашло слишком далеко, и, «если не упредить Агриппину, ничто не убережет Нерона от гибели. Наконец Сенека, набравшись решимости, взглянул на Бурра и обратился к нему с вопросом, можно ли отдать приказ воинам умертвить Агриппину. Тот ответил, что преторианцы связаны присягою верности

всему дому Цезарей и, помня Германика, не осмелятся поднять руку на его дочь: пусть Аникет выполняет обещанное».

Так морякам поручили исправлять недоделки в работе. Попутно решают обвинить Агерина, посланца Агриппины, в попытке покушения на принцепса; ему подбрасывают под ноги меч, а затем приказывают заключить его в оковы.

«Между тем распространяется весть о несчастном случае с Агриппиной, и всякий, услышав об этом, бежит на берег, – рассказывает Тацит о последнем акте трагедии Агриппины. – Одни поднимаются на откосы береговых дамб, другие вскакивают в ближайшие лодки; иные, насколько позволял рост, входят в воду, некоторые протягивают вперед руки; сетованиями, молитвенными возгласами, растерянными вопросами и сбивчивыми ответами оглашается все побережье; стеклась несметная толпа с факелами, и когда стало известно, что Агриппина жива, собравшиеся вознамерились пой-ти к ней с поздравлениями, но при виде появившегося и пригрозившего им воинского отряда рассеялись.

Аникет, расставив вокруг виллы вооруженную стражу, взламывает ворота и, расталкивая встречных рабов, подходит к дверям занимаемого Агриппиной покоя; возле него стояло несколько человек, остальных прогнал страх перед ворвавшимися. Покой был слабо освещен – Агриппину, при которой находилась только одна рабыня, все больше и больше охватывает тревога: никто не приходит от сына, не возвращается и Агерин: будь дело благополучно, все шло бы иначе; а теперь – пустынность и тишина, внезапные шумы – предвестия самого худшего.

Когда и рабыня направилась к выходу, Агриппина промолвив: «И ты меня покидаешь», – оглядывается и, увидев Аникета с сопровождавшими его триерархом Геркулеем и флотским центурионом Обаритом, говорит ему, что если он пришел проведать ее, то пусть передаст, что она поправилась; если совершить злодеяние, то она не верит, что такова воля сына: он не отдавал приказа об умерщвлении матери. Убийцы обступают тем временем ее ложе; первым ударил ее палкой по голове триерарх. И когда центурион стал обнажать меч, чтобы ее умертвить, она, подставив ему живот, воскликнула: «Поражай чрево!» – и тот прикончил ее, нанеся ей множество ран.

Ее тело сожгли той же ночью с выполнением убогих погребальных обрядов; и пока Нерон сохранял верховную власть, над ее останками не был насыпан могильный холм, и место погребения оставалось неогражденным. В дальнейшем попечением ее домочадцев ей была сооружена скромная гробница близ Мизенской дороги и виллы диктатора Цезаря...»

«Но лишь по свершении этого злодеяния Цезарь постиг всю его непомерность, – уверяет нас Тацит. – Неподвижный и погруженный в молчание, а чаще мечущийся от страха и наполовину безумный, он провел остаток ночи, ожидая, что рассвет принесет ему гибель».

То были не муки совести, но страх наказания за одно из самых тяжких в Риме преступлений – матереубийство. Однако наступившее утро не принесло Нерону ничего ужасного. Наоборот, явившиеся к нему по наущению Бурра центурионы и трибуны, поздравляли принцепса «с избавлением от неожиданной опасности, с

раскрытием преступного умысла матери». Оказывается, за ночь Сенека придумал историю, объясняющую смерть Агриппины, и даже написал для Нерона речь по этому поводу. Согласно фантазиям философа, Агриппина пыталась убить сына и подослала вольноотпущенника Агерина; тот был застигнут с мечом в руке при попытке совершить убийство. Агерин во всем признался, и Агриппина, «якобы осужденная собственной совестью за покушение на злодеяние... сама себя предала смерти».

По сообщению Светония, Нерон «не раз признавался, что его преследует образ матери и бичующие Фурии с горящими факелами». Угрызения совести? Нет, скорее всего, сумасшествие – чем и будут годы правления Нерона после гибели матери. Тацит сообщает: «Он торжественно поднялся на Капитолий, возблагодарил богов и вслед за тем безудержно предался всем заложенным в нем страстям, которые до этой поры если не подавляло, то до известной степени сдерживало уважение к матери, каково бы оно ни было».

В 62 году поменялось окружение Нерона. Не стало Афрания Бурра: неясно – умер он сам либо был отравлен. Поскольку император больше не намеревался править по законам совести и общественной пользы, отпала всякая нужда и в Сенеке. Сначала философа изгоняют из Палатинского дворца, а затем воспитанник посылает учителю повеление расстаться с жизнью.

Вместо Бурра преторианские когорты возглавил Софоний Тигеллин, «привлекший Нерона своим общеизвестным распутством». Он и стал помощником принцепса во многих преступлениях, где требовались особый цинизм и равнодушие к человеческим страданиям.

Одно из преступлений поражает своим кощунством и кажется ужаснее матереубийства, потому что совершено против невинного человека, долгие годы терпевшего издевательства Нерона. Речь идет о жене принцепса – Октавии, которая после смерти Агриппины стала последним препятствием для властолюбивой Пoppеи Сабины.

Нерон, «увидев, что все его преступления принимаются как выдающиеся деяния... изгоняет Октавию, объявив, что она бесплодна, и тотчас же сочетается браком с Пoppеей». Новой жене мало удалить Октавию – она желает ее уничтожить.

Пoppея принуждает одного из слуг Октавии, как пишет Тацит, «обвинить ее в прелюбодейной связи с рабом. И измышляется, что с нею сожительствовал раб по имени Эвкер, родом александриец, искусный флейтист. По этому делу подвергались допросам рабыни, и некоторые из них были настолько истерзаны пыткой, что подтвердили подлый навет; большинство, однако, отстаивало безупречность целомудрия своей госпожи, и одна из них заявила требовавшему от нее лживого показания Тигеллину, что женские органы Октавии чище, чем его рот.

И все-таки Октавию под предлогом развода сначала удаляют из императорского дворца, отдав ей во владение дом Бурра, поместья Плавта – дары, не сулившие ничего хорошего, – а затем высылают в Кампанию, где держат под стражей. Ее судьба вызывает частые и откровенные сетования в народе, который менее осторожен и которому по причине ничтожества его положения угрожает меньше опасностей».

Среди римлян распространился слух, что Нерон раскаялся в своем поступке и снова признал Октавию своей супругой. Возник стихийный бунт, доставивший немало неприятных минут Нерону и Поппее.

«И вот ликующие римляне поднимаются на Капитолий и наконец снова обращают к богам благодарственные молитвы, – повествует Тацит. – Повергнув статуи Поппеи, они приносят на плечах изображения Октавии, осыпают их цветами, устанавливают на форуме и в храмах. Затем толпа направляется воздать хвалу принцепсу». Так как Нерон не собирался возвращать Октавию, то послал на толпы римлян преторианцев с плетями и оружием.

Народ разогнали, статуи Поппеи вернули на прежние места, но спокойствие в сердце Поппеи вернуть не могли. «Она, всегда неистовая в гневе, а на этот раз и объятая страхом, как бы толпа не предалась еще большим бесчинствам, и народные волнения не произвели перемены в Нероне, припадает к его коленям» и просит ее защитить. На языке коварной куртизанки «защитить» – значит убить Октавию.

Одно дело развестись с женой, совсем другое – убить дочь императора Клавдия. Здесь повод должен быть более значительный, чем придуманное наспех прелюбодеяние с рабом. Опять на помощь пришел убийца Агриппины – Аникет, стоявший во главе Мизенского флота. Теперь несчастную Октавию обвиняют в прелюбодеянии и попытке государственного переворота: она, «дабы располагать флотом, соблазнила его префекта».

Октавию заключают на острове Пандатерии – своеобразной тюрьме для женщин из самого высшего римского общества.

Послушаем рассказ Тацита.

«Ни одна изгнанница не вызывала большего сострадания у тех, которые еще помнили, как Тиберием была сослана Агриппина, еще свежее в памяти была судьба Юлии, сосланной Клавдием. Но и та и другая подверглись изгнанию, достигнув зрелого возраста: они обе испытали радости жизни, и безотрадное настоящее облегчалось для них воспоминанием о былой, лучшей, доле. А для Октавии день свадьбы сразу же стал как бы днем ее похорон: она вступила в супружество, не принесшее ей ничего, кроме скорби: посредством яда у нее был отнят отец, а вскоре после того и брат; затем над госпожой взяла верх рабыня; потом Нерон, вступив в брак с Пoppеей, тем самым обрек свою прежнюю жену гибели, и, наконец, – последнее обвинение, которое тягостней самой гибели.

Так в окружении центурионов и воинов томилась еще не достигшая двадцатилетнего возраста молодая женщина, уже, как предвещали ее несчастья, исторгнутая из жизни, но еще не нашедшая даруемого смертью успокоения. Прошло немного дней, и ей объявляют, что она должна умереть... Ее связывают и вскрывают ей вены на руках и ногах; но так как стесненная страхом кровь вытекала из надрезанных мест слишком медленно, смерть ускоряют паром в жарко натопленной бане. К этому злодеянию была добавлена еще более отвратительная свирепость: отрезанную и доставленную в Рим голову Октавии показали Пoppее».

Еще одного знакомого нам человека Нерон умиротвил ядом в том же 62 году – это был Паллант, бывший главный финансист империи и любовник Агриппины.

Месть за кровь Октавии к Поппее Сабине пришла от собственного мужа Нерона. «На Поппее, – пишет Светоний, – он женился через двенадцать дней после развода с Октавией и любил ее безмерно; но и ее он убил, ударив ногой, больную и беременную, когда слишком поздно вернулся со скачек, а она его встретила упреками».

От Поппеи у Нерона родилась дочь Клавдия Августа, но она умерла еще в младенчестве. Светоний сообщает, что «пасынка своего Руфрия Криспина, сына Поппеи, он велел его рабам во время рыбной ловли утопить в море, так как слышал, что мальчик, играя, называл себя полководцем и императором».

После Поппеи Нерон женился на Статилии Мессалине: «чтобы получить ее в жены, он убил ее мужа Аттика Вестина, когда тот был консулом» (Светоний). Но женами Нерон не ограничивался, свидетельства чему есть у Светония.

«Мало того что жил он и со свободными мальчиками и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубрию. С вольноотпущенницей Актой он чуть было не вступил в законный брак, подкупив несколько сенаторов консульского звания поклясться, будто она из царского рода. Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданым и с факелами, с великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним как с женой...

А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неоскверненным. В довершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж, как за него – Спор, крича и вопя, как насилуемая девушка».

Сексуальные фантазии Нерона были детскими шалостями в сравнении с его основным увлечением: больше всего на свете он любил убивать. Безумец уничтожил всех своих родственников, опасаясь соперничества за трон. Светоний сообщает: «Вольноотпущенников, богатых и дряхлых, которые были когда-то помощниками и советниками при его усыновлении и воцарении, он извел отравой, поданной в пищу или в питье.

С неменьшей свирепостью расправлялся он и с людьми чужими и посторонними».

Пресытившись одиночными смертями, Нерон придумал коллективное бедствие для Рима, «самое страшное и беспощадное из всех, какие довелось претерпеть этому городу от неистовства пламени» (Тацит). «Словно ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, он поджег Рим настолько открыто, что многие консуляры ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать» (Светоний).

«Шесть дней и семь ночей, – рассказывает Светоний, – свирепствовало бедствие, а народ искал убежища в каменных памятниках и склепах. Кроме

бесчисленных жилых построек, горели дома древних полководцев, еще украшенные вражеской добычей, горели храмы богов, возведенные и освященные в годы царей, а потом – пунических и галльских войн, горело все достойное и памятное, что сохранилось от древних времен. На этот пожар он смотрел с Меценатовой башни, наслаждаясь, по его словам, великолепным пламенем, и в театральном одеянии пел „Крушение Трои“».

Пожар 64 года уничтожил большую часть города. «Из четырнадцати концов, на которые делится Рим, четыре остались нетронутыми, три были разрушены до основания; в прочих семи сохранились лишь ничтожные остатки обвалившихся и полусожженных строений», – констатирует Тацит.

Как и подозревали, пожар был нужен Нерону, чтобы освободить территорию для строительства нового города, который должен был прославить имя императора.

Осуждение звучит в словах Тацита.

«Используя постигшее родину несчастье, Нерон построил себе дворец, вызывавший всеобщее изумление не столько обилием пошедших на его отделку драгоценных камней и золота – в этом не было ничего необычного, так как роскошь ввела их в широкое употребление, – сколько лугами, прудами, разбросанными, словно в сельском уединении, тут лесами, там пустошами, с которых открывались далекие виды, что было выполнено под наблюдением и по планам Севера и Целера, наделенных изобретательностью и смелостью в попытках посредством искусства добиться того, в чем отказала природа, и в расточении казны принцепса».

Грандиозные проекты Нерона требовали много денег, а «между тем денежные поборы опустошили Италию, разорили провинции... Добыча была взята и с богов, ибо храмы в Риме были ограблены и у них отобрали золото, которое во все времена жертвовал им римский народ, празднуя триумфы, и по обету, в дни благоденствия и в страхе перед опасностями» (Тацит). В Греции и Азии из храмов изымались не только дары, но и статуи богов.

Тем временем по империи настойчиво ползут слухи, что именно Нерон приказал сжечь Рим; вот тут испугался принцепс, не имевший страха перед бессмертными богами. Необходимо было срочно найти виновных: ими Нерон объявил людей, поклонявшихся новому богу.

Тацит первый среди латинских авторов упоминает о христианах, причем его отношение к новой религии ярко негативное, и лишь зверства Нерона вызывают сочувствие Тацита к исповедовавшим ее людям.

«И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть, и кого толпа называла христианами, – пишет язычник Тацит. – Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев.

Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих,

изобличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады... И, хотя на христианах лежала вина и они заслужили самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона».

Гонения на христиан подтверждаются церковным историком Евсевием Кесарийским (около 264 года – 340 год):

«Когда власть Нерона окрепла, он устремился к делам нечестивым и восстал на веру в Бога Вседержителя. Писать о всех мерзостях, на которые он был способен, не наша задача, да и многие оставили очень подробные рассказы о нем; кому любопытно, может ознакомиться с грубостью и безумием этого нелепого человека, безрассудно погубившего тьму людей, не щадившего по своей кровожадности ни родных, ни друзей: он погубил мать, братьев и жену, словно злейших своих врагов, предав их различной смерти. Недоставало ему одного: стать первым императором – гонителем веры в Бога...

Итак, этот первый среди властителей богоборец горделиво поднял руку на апостолов. Рассказывают, что Павел при нем был обезглавлен в самом Риме, а Петр распят...»

Нерон вошел во вкус убийств и не собирался останавливаться на достигнутом. После раскрытия заговора Пизона он «казнил уже без меры и разбора кого угодно и за что угодно». В планах этого чудовища было уничтожение всего сенаторского сословия. И тогда римляне перестали давать себя убивать; они устали от этого монстра, извергающего потоки крови, едва коснувшись взглядом или мыслью живого существа.

В 68 году против Нерона восстали проконсулы Галлии и Испании. Вот когда Нерон испытал настоящий страх! Всемогущий принцепс теперь лихорадочно путался в планах, единственная цель которых – спасти свою жизнь. «Дальнейшие размышления отложил он на следующий день, – пишет Светоний. – Но среди ночи, проснувшись, он увидел, что телохранители покинули его. Вскочив с постели, он послал за друзьями, и ни от кого не получив ответа, сам пошел к их покоям. Все двери были заперты, никто не отвечал; он вернулся в спальню – оттуда разбежались и слуги, унеся даже простыни, похитив и ларчик с ядом. Он бросился искать гладиатора Спикула или любого другого опытного убийцу, чтобы от его руки принять смерть, – но никого не нашел».

Нерон, «ненавидимый всем римским миром, всеми и был покинут, а сенат объявил его врагом отечества. И когда искали его, дабы казнить (а казнь была такова, что должен быть проведен голым перед народом с колодкой на шее, затем засечен насмерть розгами и сброшен со скалы), то бежал он с Палатина в пригород Рима...» – сообщает Евтропий.

Аврелий Виктор описывает конец ничтожной жизни Нерона так:

«Он, всеми оставленный, в сопровождении лишь (рабов и отпущенников) Фаона, Эпафродита, Неофита и скопца Спора, которого он, оскотив, пытался превратить в женщину, среди ночи покинул город и сам заколол себя мечом, однако дрожащую его руку подтолкнул тот же названный выше оскверненный им скопец, так как до этого не нашлось никого, кто согласился бы его заколоть. При этом он воскликнул:

– Неужели у меня нет ни друга, ни недруга?! Я позорно жил, умру еще позорнее!

Он погиб на тридцать втором году жизни».

Светоний замечает, что Нерон скончался в тот самый день, в который убили по его приказу Октавию, – 7 июня.

Безумец на троне погубил не только себя, но и всю династию Юлиев – Клавдиев. Столь велики были его преступления, что после него не осталось никаких потомков. Сам же Нерон и уничтожил последних представителей столетнего дома римских императоров, которые скромно себя именовали принцепсами – первыми среди равных.

Боудикка

(? – 61 год)

Британия всегда доставляла римлянам немало хлопот. Римляне, с легкостью присоединявшие новые и новые провинции, даже завоевывали ее как-то нехотя.

Покорить Британию дважды пытался Гай Юлий Цезарь – в 55 и 54 годах до н. э. Этот остров служил пристанищем беглых материковых кельтов и всячески поддерживал их в борьбе против Рима. И еще: в Риме бытовало мнение, что гигантский остров полон золота, серебра и жемчуга.

Цезарь не нашел там ни первого, ни второго, ни третьего, но получил ожесточенный отпор многочисленного и воинственного народа. Римляне не смогли продвинуться дальше береговой полосы – так отчаянно его защищали кельтские войска. Гениальный Цезарь, покоривший всю континентальную Галлию, впервые должен был уйти ни с чем.

Об упорстве Цезаря известно всем. На следующий год к британскому берегу отплыло 800 кораблей. На них находилось 5 легионов пехоты и 2 тысячи всадников.

Бритты встретили римлян на побережье, как и в прошлый раз. Но теперь они не решились вступить в бой со столь грозной силой. Войну с римлянами начал храбрый и мудрый князь Кассивелаун. Он понял, что в открытом сражении бриттам не победить римлян, и поэтому применил другую тактику.

Римляне, с трудом продвигаясь по незнакомой стране, везде заставляли покинутые селения, в которых даже при огромном желании нельзя было найти что-то ценное. Цезарю удалось принудить к покорности тринобантов и захватить в лесу скот, но это были его единственные успехи в Британии. Наконец Гай Цезарь заметил, что предприятие становится крайне опасным, и приказал возвращаться к кораблям. Чтобы хоть как-то сохранить лицо, он вступил в переговоры с Кассивелауном и даже добился от него обещания платить дань Риму. Впрочем, об этом обещании бритты забыли, как только легионеры Цезаря погрузились на корабли и покинули остров.

Только через столетие римляне снова решились покорить огромный остров. Любителю грандиозных мероприятий императору Клавдию понадобился повод для собственного триумфа, и ничего лучшего он не придумал, как завоевать Британию. Императору несказанно повезло: «он за несколько дней подчинил себе часть острова без единого боя или кровопролитья, через несколько месяцев после отъезда возвратился в Рим и с великой пышностью отпраздновал триумф» (Светоний). В 44 году завоеванная часть острова была объявлена римской провинцией.

Британцы благородно позволили Клавдию насладиться триумфом, а вот следующим военачальникам на острове приходилось несладко. Как сообщает Светоний, Веспасиан (будущий император), посланный Клавдием, «участвовал в тридцати боях с неприятелем и покорил два сильных племени, более двадцати городов и смежный с Британией остров

Вектис». И все равно в руках римлян оказались только юго-восток и часть центральной области острова.

Во времена правления Нерона, в 59 году, в Британии высадился новый наместник – Гай Светоний Паулин. Это был опытный, весьма способный и столь же честолюбивый военачальник. В 41 – 42 годах Светоний подавил восстание в Мавритании, а теперь решил снискать славу на новой должности. Благо был простор для деятельности – большая часть острова оставалась неподвластной римлянам, а зависть к другому римскому военачальнику, Корбулону, покорившему недавно Армению, толкала на отчаянные поступки.

«Итак, он решает, – пишет Тацит, – напасть на густонаселенный и служивший пристанищем для перебежчиков остров Мону и с этой целью строит плоскодонные корабли, не боящиеся мелководья и подводных камней. На них он и перевез пехотинцев; всадники же переправились следуя по отмелям, а в более глубоких местах – плывя рядом с конями.

На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия».

Вот так – если искать где-то древних амазонок, то лучше всего в Британии. Скоро Светоний Паулин столкнется с их предводительницей, а пока он вынужден приложить немало усилий, чтобы вывести своих легионеров из состояния оцепенения.

Подтверждение – у Тацита.

«Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещаниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого исступленного, наполовину женского войска, они устремляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побежденных размещают гарнизон и вырубают их священные рощи, предназначенные для отправления свирепых суеверных обрядов: ведь у них считалось благочестивым орошать кровью пленных жертвенники богов и испрашивать их указаний, обращаясь к человеческим внутренностям».

Казалось бы, самое время праздновать успех. Но не успел Светоний навести порядок на захваченном острове, как пришли вести, что во вверенной ему провинции творится что-то невообразимое.

Предыстория событий, связанных с войной британской амазонки против римлян, такова (по Тациту). Царь британского племени иценов – Прасутаг, «славившийся огромным богатством», назначил в завещании своими наследниками римского императора и двух дочерей, «рассчитывая, что эта угодливость оградит его царство и достояние от насилий. Но вышло наоборот, и царство стали грабить центурионы, а достояние – рабы прокуратора, как если бы и то и другое было захвачено силой оружия.

Прежде всего, была высечена плетью жена Прасутага Боудикка и обесчещены дочери; далее, у всех видных иценов отнимается унаследованное от предков имущество (словно вся эта область была подарена римлянам), а с родственниками царя начинают

обращаться как с рабами. Возмущенные этими оскорблениями и страшась еще худших, поскольку их земля стала частью провинции, ицены хватаются за оружие и привлекают к восстанию тринобантов, а также всех тех, кто, еще не сломленный порабощением, поклялся на тайных собраниях отвоевать утраченную свободу, питая особую ненависть к ветеранам. И в самом деле, недавно выведенные в колонию Камулодун, они выбрасывали тринобантов из их жилищ, сгоняли с полей, называя пленниками и рабами, причем воины потворствовали своеволию ветеранов и вследствие сходства в образе жизни, и в надежде на то, что им будет дозволено то же».

Особой ненависти британцев удостоился храм обожествленного императора Клавдия, при котором и была основана провинция. Помимо того что бог был совершенно чужд местному населению, жрецы разоряли окрестности «под предлогом издержек на отправление культа». Так римляне своей жадностью и высокомерием обратили друга во врага, а на справедливую месть ветераны соблазнили коренное население собственной беспечностью. «Между тем восставшим казалось делом отнюдь не трудным уничтожить колонию, не имевшую никаких укреплений, ибо наши военачальники об этом не позаботились, думая более о приятном, чем о полезном», – замечает Тацит.

А ведь даже боги предупреждали жителей колонии о грядущих бедствиях; знамения возникали одно другого ужаснее. Мы читаем у Тацита, что статуя богини Виктории «в Камулодуне безо всякой явной причины рухнула со своего места и повернулась в противоположную сторону, как бы отступая перед врагами. И впавшие в исступление женщины стали

пророчить близкую гибель: в курии камулодунцев раздавались какие-то непонятные звуки, театр оглашался воплями, и на воде в устье Тамезы явилось изображение поверженной в прах колонии; океан стал красным, как кровь, и на обнаженном отливом дне виднелись очертания человеческих трупов».

Зловещие видения заставили колонию ветеранов искать помощи. Так как Светоний был далеко, они обратились к прокуратору Кату Дециану. Прокуратор должным образом не отреагировал на страхи камулодунцев. Он «прислал не более двухсот человек, и к тому же без надлежащего вооружения; стоял в Камулодуне и малочисленный отряд воинов. Уповая на храм как на неприступную крепость и встречая противодействие в осуществлении разумных мероприятий со стороны тех, кто был тайным сообщником восставших, они не провели вала и рва и не отослали женщин и стариков – с тем, чтобы оставить при себе только боеспособных» (Тацит).

Тем временем восстание ширилось и набирало силу. Британцы «под предводительством женщины царского рода Боудикки (ведь применительно к верховной власти над войском они не делают различия между полами) все как один поднялись против нас, – повествует Тацит. – Истребив рассеянных по заставам воинов и захватив приступом крепости, они ворвались в колонию, видя в ней оплот поработившего их владычества римлян, и, упиваясь яростью и своим торжеством, расправились с побежденными, не упустив ни одной из жестокостей, какие только в ходу у варваров».

Кассий Дион более подробно описывает мечь Боудикки за то, что ее исхлестали плетьюми, и за насилие над ее дочерьми, за издевательство над ее народом:

«Боудикка повела свое войско против римлян; ибо те остались без предводителя, поскольку Паулин, их военачальник, ушел в поход на остров Мону, рядом с Британией. Это позволило ей опустошить и разграбить два римских города и, как я сказал, учинить неопиcуемую резню. Те, что были захвачены в плен бриттами, были подвергнуты всем известным видам поруганий. Наихудшее и самое зверское злодеяние, совершенное мятежниками, было следующим. Они подвешивали самых благородных и именитых женщин обнаженными, затем отрезали им груди и пришивали к их ртам, чтобы казалось, будто жертвы поедают их; после этого они насаживали женщин на острые колья, пронзавшие их насквозь во всю длину тела. Все это они совершали, сопровождая жертвоприношениями, пиршеством и развратом во всех своих священных местах, но особенно в роще Андате».

Войско Боудикки сожгло колонию Камулодун дотла. Храм Клавдия, который ветераны считали неприступным, пал после двухдневной осады. Затем «победители-британцы, выйдя навстречу шедшему на выручку Камулодуна легату девятого легиона Петилию Цериалу, рассеяли его легион, перебив всех пехотинцев; сам Цериал с конницей ускользнул в лагерь и укрылся за его укреплениями» (Тацит). Прокуратор Кат Дециан, увидевший, к чему привели его корыстолюбие и задержка с оказанием помощи Камулодуну, в страхе бежал на материк.

Гай Светоний Паулин покинул Мону и, с огромным трудом пробившись сквозь охваченную мятежом страну, достиг Лондиния. Напрасно жители будущего Лондона радовались своему спасению, встречая войско наместника.

Вот что пишет Тацит:

«Здесь, размышляя над тем, не избрать ли его опорой для ведения дальнейших военных действий, он, учтя малочисленность своего войска и пример Петилия, которому дорого обошлась его опрометчивость, решает пожертвовать этим городом ради спасения всего остального. Ни мольбы, ни слезы взывавших к нему о помощи горожан не поколебали его решимости, и он подал сигнал к выступлению, взяв с собой в поход пожелавших ему сопутствовать; те, кого удержали от этого пол или преклонный возраст или привлекательность этого места, были истреблены врагами. Такая же участь постигла и муниципий Веруламий... Известно, что в упомянутых мною местах погибло до семидесяти тысяч римских граждан и союзников. Ведь восставшие не знали ни взятия в плен, ни продажи в рабство, ни каких-либо существующих на войне соглашений, но торопились резать, вешать, жечь, распинать, как бы в предвидении, что их не минует возмездие, и заранее отмщая себя».

Светоний собрал всех, кого можно поставить в строй, и решился дать сражение Боудикке. «В его распоряжении оказались четырнадцатый легион с вексиллариями двадцатого и подразделения вспомогательных войск из размещенных поблизости – всего около десяти тысяч вооруженных» (Тацит). Очень небольшие силы, но у римлян не было иного выхода,

кроме как победить. На этот раз им предстояло сражаться не за родину или за добычу, а за собственные жизни. Это придало легионерам Светония мужества, ибо такова основная черта римского характера: в критические моменты не опускать руки, а наоборот, совершать чудеса храбрости и жизнестойкости. Так было во время войны с Ганнибалом, так было под Алезией во время Галльской войны.

Во главе войска стоял великолепный стратег, опытный военачальник Гай Светоний Паулин. Удачно выбранная им позиция и построение римлян частично компенсировали численное превосходство противника.

Тацит пишет:

«Для сражения он избирает местность с узкой тесниною перед нею и с прикрывавшим ее сзади лесом, предварительно уверившись в том, что враг только пред ним на равнине и что она совершенно открыта, и можно не опасаться засад. Итак, легионеров он расставил сомкнутым строем, по обе стороны от них – легковооруженных, а на крайних флангах – конницу в плотных рядах.

<...>

А у британцев в каждом отряде конных и пеших шло ликование; их было такое множество, как никогда ранее, и они были преисполнены такой самоуверенности, что взяли с собой жен, дабы те присутствовали при их победе, и посадили их на повозки, находившиеся у краев поля.

Боудикка, поместив на колеснице впереди себя дочерей, когда приближалась к тому или иному племени, восклицала, что британцы привыкли воевать под

предводительством женщин, но теперь, рожденная от столь прославленных предков, она мстит не за потерянные царство и богатства, но как простая женщина за отнятую свободу, за свое избитое плетью тело, за поруганное целомудрие дочерей. Разнузданность римлян дошла до того, что они не оставляют неоскверненным ни одного женского тела и не щадят ни старости, ни девственности. Но боги покровительствуют справедливому мщению: истреблен легион, осмелившийся на битву; остальные римляне либо прячутся в лагерях, либо помышляют о бегстве. Они не выдержат даже топота и кликов столь многих тысяч, не то что их натиска и ударов. И если британцы подумают, сколь могучи их вооруженные силы и за что они идут в бой, они убедятся, что в этом сражении нужно победить или пасть. Так решила для себя женщина; пусть же мужчины не цепляются за жизнь, чтобы прозябать в рабстве».

Светоний также нашел нужные слова, чтобы поддержать своих воинов накануне битвы. Он напомнил легионерам, что «даже при большом числе легионов судьбу сражений решают немногие, и им достанется тем больший почет, если столь малый отряд покроет себя славою, выпадающей на долю целого войска».

Полководец, подавлявший восстание римских подданных в Африке, в последние минуты перед битвой дал подробные указания: как в ней вести себя (об этом – у Тацита).

«Только пусть они не расстраивают рядов и, метнув дротики, продолжают непрерывно поражать и уничтожать неприятеля выпуклостями щитов и мечами и

не думают о добыче. После того как они одержат победу, все достанется им. Эти слова полководца вызвали такое воодушевление, и старые, испытанные в походах воины с такой ловкостью изготовились метнуть дротики, что, уверившись в успешном исходе, Светоний подал сигнал к началу сражения.

Сначала легион, не двигаясь с места, стоял за тесниною, заменявшей ему укрепления, но, выпустив все свои дротики в подступивших на расстояние верного удара врагов, бросился на них в боевом порядке наподобие клина».

Бритты были ошеломлены, когда на их бушующее море напал этот маленький римский ручеек. Их сгубило презрение к малочисленному врагу и самоуверенность из-за прежних легких побед. Оказались бессильны перед железной римской дисциплиной и желание обрести свободу и воодушевлявшие жены позади битвы; и число сражающихся уже не имело никакого значения.

Увы! Бесстрашная Боудикка смогла зажечь искру затем раздуть пламя на всю римскую провинцию. Она смогла поднять на борьбу десятки тысяч людей, но создать из них войско, способное смести последнюю преграду, не успела. А ведь на пути к свободе стоял один-единственный легион, усиленный вспомогательными войсками.

Вот он, римский парадокс! Гай Юлий Цезарь с одним тринадцатым легионом перешел Рубикон и сверг республику. Теперь Гай Светоний с четырнадцатым легионом спасал от гибели самую окраинную римскую провинцию.

«Столь же стремительным был натиск воинов вспомогательных войск; ринулись на неприятеля и

всадники с копьями наперевес, смявшие преграждавших им путь и оказывавших сопротивление, – рассказывает Тацит о том, как далее развивалась битва. – После этого остальные враги обратились в бегство, которому, однако, мешали расставленные повсюду и загромождавшие проходы телеги. Наши воины истребляли противника, не щадя и женщин; к грудам человеческих тел добавлялись и трупы пронзенных дротиками и копьями лошадей. Одержанная в тот день победа не уступает в блеске и славе знаменитым победам древности. Ведь было истреблено, как утверждают некоторые, немногим менее восьмидесяти тысяч британцев, тогда как мы потеряли около четырехсот убитыми и не намного более ранеными. Боудикка лишила себя жизни ядом».

И еще один человек покончил жизнь самоубийством, когда стал известен результат битвы за Британию. «Префект лагеря второго легиона Пеней Постум, узнав об успешных действиях воинов четырнадцатого и двадцатого легионов, сразил себя мечом, ибо лишил свой легион той же славы, не выполнив, вопреки воинскому уставу, приказа полководца» (Тацит).

Какую благодарность от Рима получил Светоний Паулин за спасение провинции?

Взамен бежавшего в начале мятежа прокуратора Ката прибыл Юлий Классициан. Он неприязненно относился к Светонию и, как объясняет Тацит, «из личной вражды препятствовал общему благу, сея слухи о том, что вскоре должен прибыть новый легат, который без злобы к противнику и свойственного победителю высокомерия милостиво отнесется к сдавшимся. Одновременно он писал в Рим, чтобы там не ждали скорого прекращения боевых действий, если не будет

назначен преемник Светонию, чьи неудачи он объяснял его непригодностью, а успехи – благоприятствованием судьбы».

Происки нового наместника не дали желаемого результата – жестокое восстание остудило пыл желающих проявить себя в Британии. Нерон оставил наместничество за Паулином – впрочем, ненадолго. В том же 61 году флот Светония потерял на берегу несколько кораблей, что было сочтено свидетельством продолжавшейся войны, и ему было приказано сдать провинцию Петронию Турпилиану «Тот, не раздражая врагов и не тревожимый ими, пребывал в ленивом бездействии, которому присвоил благопристойное наименование мира» (Тацит). Сменил Петрония Требеллий Максим. «Тот, еще менее деятельный и в военном деле совершенно несведущий, удерживал провинцию благодаря своеобразному добродушию, с каким управлял ею. Варвары стали уже свыкаться с его столь приятными для них недостатками» (Тацит).

Страх перед мятежным духом Боудикки остался у римлян до конца их пребывания в Британии. Так царица своей гибелью добилась для соотечественников человеческого отношения со стороны завоевателей. Отныне римляне в Британии больше помышляли о защите своих владений, чем об угнетении туземцев и новых завоеваниях.

Император Адриан в 123 году, по свидетельству Спартиана, «первый провел стену на протяжении восьмидесяти миль, чтобы она отделяла римлян от варваров». Это было мощнейшее оборонительное сооружение, разделившее Британию на две части;

остатки его сохранились до наших дней. Прежде всего римляне проложили дорогу от моря до моря – с запада на восток. С севера ее прикрывала двойная стена из массивных каменных глыб; промежутки между кладкой заполнили бутом и известью, а перед ней выкопали глубокий ров. С южной стороны дороги были насыпаны два земляных вала, между которыми также тянулся ров.

«Между каменной стеной и земляными насыпями на самой дороге расположены лагеря и караулы – лагеря когорт, имеющие вид самостоятельных обороноспособных фортов с воротами на все четыре стороны, на расстоянии малой мили друг от друга; через каждые два таких форта находится подобное же сооружение меньшего размера с воротами на север и юг, через каждые два таких сооружения – четыре меньшие караульни на расстоянии человеческого голоса одна от другой. Это колоссальное сооружение, требовавшее гарнизона, вероятно, в 10 – 12 тыс. человек, представляло в дальнейшем базу военных операций в Северной Англии» (Моммзен).

В 140 году император Антонин Пий провел еще одну линию оборонительных сооружений севернее знаменитого вала Адриана. В 410 году римляне добровольно покинули Британию. Империя клонилась к закату и уже не могла защищать далекую провинцию.

Англичане бережно хранят память о Боудикке и поныне. В Лондоне – около знаменитого Биг-Бена, перед зданием парламента, бронзовая Боудикка вместе с дочерьми мчится в колеснице.

Домиция

(около 54 года – 140 год)

Домиция Лонгина была женой императора Тита Флавия Домициана (правил в 81 – 96 годах). У этой супружеской пары одинаковыми были не только имена – поведением и привычками они тоже не сильно отличались друг от друга. Даже их портреты схожи.

Светонием написана биография Домициана (из нее – цитаты в этом очерке). Если верить Светонию, Домициан был любвеобильным. «Не вдаваясь в подробности, достаточно сказать, что у многих он отбивал жен, а на Домиции Лепиде даже женился, хотя она и была уже замужем за Элием Ламией...»

Чужими женами Домициан не ограничивался. «Сладострастием он отличался безмерным. Свои ежедневные соития называл он „постельной борьбой“, словно это было упражнение; говорили, будто он сам выщипывает волосы у своих наложниц и возится с самыми непотребными проститутками. Когда Тит предлагал ему в жены свою дочь, еще девушкой, он упорно отказывался, ссылаясь на свой брак с Домицией, но когда вскоре ее выдали за другого, он первый обольстил ее, еще при жизни Тита; а потом, после кончины ее отца и мужа, он любил ее пылко и не таясь, и даже стал виновником ее смерти, заставив вытравить плод, который она от него понесла».

Домиция (Мрамор. 90-е гг.)

Домиция нисколько не отставала от мужа. Есть подозрения, что она состояла в любовной связи с его братом – Титом. Однако жена Домициана всячески открещивалась от этого обвинения и даже «клялась торжественной клятвой, что этого не было, а она бы не стала отрицать, если бы что-нибудь было: она хвалилась бы этим, как готова была хвастаться любым своим распутством».

Вот как! Пользуясь безволием мужа, Домиция не упускала случая похвастаться даже своими любовными приключениями.

О характере самого Домициана можно сделать вывод из истории, рассказанной Светонием: «В первое время своего правления он каждый день запирался один на несколько часов и занимался тем, что ловил мух и протыкал их острым грифелем. Поэтому, когда кто-то спросил, нет ли кого с Цезарем, Вибий Крисп метко ответил: „Нет даже и мухи“».

Домициан дал жене титул Августы; она родила ему сына, который умер в 82 году. После этого Домиция пустилась во все тяжкие, и даже равнодушный муж не стерпел ее очередной громкой связи. Низкопробного любовника жены – актера Париса – император приказал казнить, а любвеобильная жена получила развод. Домициан даже казнил «Гельвидия Младшего, заподозрив, что в исходе одной трагедии он в лицах Париса и Эноны изобразил развод его с женою».

Все же Домициан очень сильно любил свою Домицию: «разлуки с нею он не вытерпел и, спустя недолгое время, якобы по требованию народа, взял себе».

Лучше бы этого император не делал; впрочем, он сам виноват в том, что произошло дальше. «Его управление государством некоторое время было неровным: достоинства и пороки смешивались в нем поровну, пока, наконец, сами достоинства не превратились в пороки – можно думать, что вопреки его природе жадным его сделала бедность, а жестоким – страх».

Домициан (Бронза. Около 85 г.)

Жестоких и алчных императоров ожидал один конец. «Снискав... всеобщую ненависть и ужас, он погиб, наконец, от заговора ближайших друзей и вольноотпущенников, о котором знала и его жена».

Интересно то, что халдеи еще в ранней молодости предсказали Домициану год, день и даже час и способ его ухода из жизни. Император ждал своей смерти, повинувшись предсказаниям: «он спросил, который час; был пятый, которого он боялся, но ему нарочно сказали, что шестой. Обрадовавшись, что опасность миновала, он поспешил было в баню, но спальник Парфений остановил его, сообщив, что какой-то человек хочет срочно сказать ему что-то важное. Тогда, отпустивши всех, он вошел в спальню и там был убит». Такие подробности конца жизни императора Домициана рассказывает Светоний.

Версию о причастности Домиции к убийству мужа подтверждает Аврелий Виктор:

«Итак, боясь его жестокости, а также и своей ответственности, многие составили заговор по побуждению постельничего Парфения и Стефана, а также боявшегося тогда наказания за утаенные деньги Клодиана; привлечена была к этому замыслу и жена тирана, Домиция, боявшаяся пыток от принцепса за любовь свою к актеру Парису. Домициана сразили, нанеся ему множество ран, на сорок пятом году его жизни. А сенат постановил похоронить его как гладиатора и всюду вытравить с памятников его имя».

Плотина

(около 70 года – 122 год)

Среди женщин, отчаянно боровшихся за власть, развращенных этой же властью, ею и погубленных, встречаются и такие, что смогли устоять перед великими искушениями и даже использовать свое высокое положение на пользу государства и народа. Одной из немногих последних была Помпея Плотина, супруга императора Траяна (правил в 98 – 117 годах).

Образ Плотины – добродетельной и благочестивой римлянки – изображен Плинием Младшим в Панегирике императору Траяну. Мнение Плиния разделяют и нынешние историки, потому начнем знакомство с Плотиной, прибегнув к посредству этого автора.

«Твоя же, Цезарь, жена хорошо подходит к твоей славе и служит тебе украшением. Можно ли быть чище и целомудреннее ее? Или более достойно вечности? Если бы великий понтифик должен был выбрать себе супругу, разве не на ней остановился бы его взор или на какой-нибудь другой, но во всем ей подобной, если бы только можно было найти такую? Ведь твоя жена из всей твоей судьбы и славы берет на свою долю только личное счастье! Она с удивительным постоянством любит и уважает тебя самого и твое могущество! Ваши взаимные отношения все те же, как и раньше, вы в равной степени заслуживаете уважения, и ваша счастливая судьба прибавила только то новое, что вы стали понимать, с каким достоинством вы оба умеете переносить свое счастье. Как бережлива твоя жена в частной жизни, как

скромна в окружении свиты, как проста в своем обращении! И это тоже заслуга мужа! Ведь это он так наставил, так направил ее, а ведь для супруги достаточная заслуга и повиновение. Разве она сама придерживается скромности и молчания не потому, что видит, что вокруг тебя нет никакого страха, ни честолюбия, и разве не старается подражать ходящему пешком мужу, насколько ей позволяют делать это ее женские силы».

В доме правившей Римом четы жила еще одна женщина императорской фамилии – сестра Траяна – Ульпия Марциана. Плиний восторгается тем, как обе хозяйки уживаются под одной крышей.

«Соперничество возникает чаще всего на почве близких отношений, поддерживается сходностью положения, разгорается от зависти, которая обычно приводит к ненависти. Тем более приходится считать удивительным, что между двумя женщинами, живущими в одном доме и на равном положении, не происходит никаких столкновений, никаких ссор. Они взаимно уважают друг друга, взаимно во всем уступают одна другой, и в то же время как обе тебя горячо любят и уважают, не задаются вопросом, какую из них ты больше любишь».

Не будем забывать: на то и панегирик, чтобы хвалить. Еще одна существенная деталь: Плиний Младший был современником Траяна и даже считался его другом – ругать же императоров принято после их смерти. И все же в панегирике есть намеки, что такой хорошей Плотина стала благодаря стараниям Траяна.

«Велика твоя заслуга, что ты сам себя удерживаешь от соприкосновения со всем порочным; но еще больше

значения имеет то, что ты так же оберегаешь своих домашних. Насколько труднее отстаивать других, нежели самого себя, настолько больше заслуги в том, что ты, сам безупречный, заставил и всех окружающих тебя приблизиться в этом отношении к тебе. Многим славным людям служило к позору то, что они или слишком опрометчиво выбрали себе супругу, или слишком снисходительно терпели ее в своем доме».

Плотина (Мрамор. 110-е гг.)

Образ Плотины, изображенный Плинием Младшим, – соответствует он реальному? Что пишут о жене Траяна другие античные авторы?

Оказывается, скромная, привыкшая повиноваться мужу Плотина (какой мы ее видим в панегирике Плиния),

активно вмешивалась в государственные дела. Подтверждение этому, в частности, – у Аврелия Виктора.

«Когда его прокураторы стали допускать притеснения в провинциях и клевету... имея дело с зажиточными людьми... она упрекала за это своего мужа, выговаривая ему, что он не заботится о своем добром имени, и так на него воздействовала, что он впоследствии не допускал незаконных изъятий и стал называть фиск лианой, от процветания которой хиреют остальные растения». Хотя Аврелий Виктор тут же замечает, что подобным вмешательством в дела государства Плотина лишь содействовала славе Траяна.

Дальше – больше. Вопрос о престолонаследнике (один из самых значимых для императора) решила именно Плотина, причем Траян этим был недоволен, но ничего поделать не мог. Выбор жены пал на Элия Адриана...

Ступеньку за ступенькой Плотина упорно создавала, поднимая Адриана к императорскому трону. Только «благодаря расположению Плотины Адриан получил в жены племянницу Траяна, хотя сам Траян не очень желал этого брака», – утверждает Спартиан. «Стараниями Плотины» он во время парфянского похода был назначен легатом. Второе консульство Адриан получил тоже «благодаря расположению Плотины».

История с усыновлением Адриана весьма темна; Траян, несмотря на давление жены, до последнего момента не хотел видеть своим преемником Адриана. «Было распространено мнение, – сообщает Спартиан, – что Траян имел намерение оставить своим преемником Нератия Приска, а не Адриана, причем многие друзья

императора соглашались на это, так что он как-то сказал Приску:

– Если со мной случится что-либо predetermined судьбой, я поручаю тебе провинции.

Многие даже говорят, что у Траяна было намерение, по примеру Александра Македонского, умереть, не назначая себе преемника; многие сообщают, что он хотел послать обращение в сенат с просьбой: если с ним самим что-либо случится – дать государя Римскому государству, добавив только ряд имен, чтобы сенат выбрал из них лучшего. Имеется и сообщение о том, что Адриан был признан усыновленным уже после смерти Траяна интригами Плотины, причем вместо Траяна слабым голосом говорило подставное лицо».

Примерно то же самое утверждает Евтропий. «Со смертью Траяна правителем стал Элий Адриан (117 – 138 годы), без всякой на то воли Траяна, но стараниями Плотины, жены Траяна. Ибо Траян при жизни своей усыновлять Адриана не хотел, хотя тот и был сыном его двоюродной сестры».

Аврелий Виктор обвиняет Плотину в подлоге завещания: «Впрочем, другие полагают, что Адриан достиг власти при содействии Плотины, жены Траяна, которая распространяла ложный слух, что муж ее передал власть Адриану по завещанию».

В чем причина расположения Плотины к Адриану? Историки об этом умалчивают, и мы можем лишь догадываться. Однако Адриан был неплохим императором, если сравнивать его с Калигулой, Нероном или Коммодом; так что выбор Плотины был не самым худшим.

Адриан всегда помнил, кому он обязан императорским тронem. По свидетельству Спартиана, он построил «в Немаузе базилику удивительной работы в честь Плотины».

Из нашего небольшого расследования можно сделать вывод, что Плотина не чуждалась преимуществ, которые давало звание императрицы, и с успехом пользовалась властью, но вместе с тем жена Траяна была достаточно умной женщиной, чтобы не стать рабыней этой власти.

Сабина

(? – 137 год)

Вибия Сабина была супругой Элия Адриана, ставшего впоследствии римским императором (правил в 117 – 138 годах). На редкость неудачный брак был заключен в 100 году стараниями Плотины, жены Траяна. Как ни странно, но дальновидный Траян (Сабина приходилась ему внучатой племянницей) не очень-то хотел этого брака, хотя неплохо относился к Адриану.

О Сабине чрезвычайно мало сведений в исторических источниках. Почему? Потому что муж не оставлял ей ни малейшего пространства для деятельности. Однако понять ее судьбу можно: надо лишь ближе познакомиться с тем, кого (непонятно, по каким соображениям) дала ей в спутники жизни Плотина.

Адриан был всесторонне развитой личностью (об этом мы узнаем, в частности, от Аврелия Виктора). Он не только прекрасно владел греческим языком, но «воспринял от афинян их наклонности и нравы... и приобщился к их излюбленным занятиям: пению, танцам, медицине, и был музыкантом, геометром, художником, ваятелем из меди и мрамора наравне с Поликлетом и Евфранором. К тому же он был и остроумен... Он обладал невероятной памятью, запоминал места, дела и мог по имени называть своих солдат, даже отсутствовавших».

Сколь обширны были увлечения и необъятны таланты Адриана, столь же разнообразно было его часто меняющееся настроение. «Он бывал строгим и веселым, приветливым и грозным, необузданным и

осмотрительным, скупым и щедрым, простодушным и притворщиком, жестоким и милостивым; всегда во всех проявлениях он был переменчив». Это к портрету Адриана добавляет Спартиан.

Весьма похожую характеристику мужу Сабины дает и Аврелий Виктор. «Он был переменчив, многообразен, обладал сложным характером, был как бы рожден властелином пороков и добродетелей, умел искусно направлять движения ума, удачно скрывая в своем характере то завистливость, то мрачность, то резвость, то неумение быть искренним; он притворно показывал сдержанность, доступность, милосердие, наоборот, скрывал свою жажду славы, которой постоянно пылал».

С таким мужем действительно жить трудно, если не сказать – невозможно. Тем более Адриан любил кого угодно, но только не жену. Спартиан утверждает: Адриан испытывал «любовь к взрослым юношам» и был склонен вступать в связи с замужними женщинами. Рассказывается также о большой его страсти к Антиною. Когда тот погиб в Египте, император приказал грекам обожествить возлюбленного.

Сабина (Мрамор. 117-134 гг.)

Оставаясь совершенно равнодушным к жене, Адриан оказывал исключительный почет теще, «устраивая в ее честь гладиаторские игры и другими способами выказывая свое уважение» (Спартиан). И другой случай приводит античный автор: «В Риме после многих превосходящих всякие границы развлечений для народа он роздал в честь своей тещи в подарок народу благовония».

При всех своих способностях и талантах Адриан не был философом, как Марк Аврелий или Антоний Пий, которые своих неверных Фаустин любили, закрывая глаза на их измены, – в общем, принимали такими, какими их послала судьба. Адриану супруга была в тягость. Спартиан пишет: «И со своей женой, как он говорил, он развелся бы из-за ее угрюмости и сварливости, если бы был частным человеком».

Хотя жена совершенно не интересовала Адриана как женщина, тем не менее он строго следил за ее моральным обликом. Он уволил даже личного секретаря – Гая Светония Транквилла, автора «Жизнеописания двенадцати цезарей», «а также многих других за то, что они держали себя на половине его жены Сабины более свободно, чем это было совместимо с уважением к императорскому двору».

Адриана поглотила шпиономания, и он «внимательно следил не только за своим домом, но и за домами своих друзей, так что через своих тайных агентов узнавал все их тайны». Античный автор передает забавный рассказ по этому поводу, который в наши времена называется анекдотом:

«Когда одному из них жена написала, что он, увлеченный удовольствиями и купаниями, не хочет к ней вернуться, – об этом через тайных агентов узнал Адриан. В ответ на его просьбу дать ему отпуск император упрекнул его за купания и удовольствия. А тот воскликнул:

– Неужели и тебе моя жена написала то же, что и мне?!»

Вибия Сабина платила той же монетой. «Она открыто заявляла, что, узнав его чудовищный характер, приложила все усилия, чтобы не забеременеть от него на погибель рода человеческого» – это узнаем мы от Аврелия Виктора. Старания Сабинины увенчались успехом: их долгий брак (37 лет) остался бездетным.

Трагедия этой женщины была огромна. Властная и честолюбивая, Вибия Сабина желала пользоваться властью императрицы, но она никак не проявляется в жизни Рима. Адриан был достаточно умен и не нуждался в советах жены. Он первым из римских императоров обзавелся помощниками по делопроизводству: секретарем и докладчиком по прошениям римских всадников.

Лишь спустя 11 лет после вступления на трон Сабина получила титул Августы, и после этого ее профиль с тонкими властными губами и истинно римским гордым орлиным носом появился на монетах.

Сабина умерла в 137 году. Жила императорская чета настолько плохо, что, как пишет Спартиан, «дело не обошлось без толков о том, что Адриан дал ей яд».

Виктор Аврелий повествует примерно так же: «Супруга его, Сабина, претерпевавшая обиды, почти как рабыня, была доведена до самоубийства».

Адриан пережил супругу на год. Но это был год сущего ада для императора: он молил о смерти и не получал ее. Такое ощущение, что Адриан действительно был виновен в смерти супруги, и теперь его постигла кара.

Дело в том, что он болел какой-то внутренней болезнью, которую переносил довольно долго, но под конец жизни, как пишет Виктор, «сраженный ее жгучей болью, в раздражении предал казни многих сенаторов...

<...>

Он прожил шестьдесят два года, после чего умер мучительной смертью: он страдал от боли почти во всех членах тела до такой степени, что многократно просил самых верных слуг убить его, а чтобы он не совершил самоубийства, его охраняла стража из самых близких людей».

В 2007 году в средствах массовой информации появилась статья «В Италию вернулась римская императрица». Оказалось, в Бостонском музее изящных искусств была обнаружена двухметровая статуя Вибии Сабины. Продавший ее музею швейцарский коллекционер попал под суд по обвинению в содействии незаконному обороту произведений искусства. Хотя музей США не знал о криминальном происхождении скульптуры, его дирекция приняла решение возвратить артефакт Италии. Так, спустя почти две тысячи лет изображение Сабины появилось на вилле Адриана в Тиволи, недалеко от Рима. Императрица снова притягивает к себе взоры соотечественников, своих

потомков, а также туристов, заставляя задуматься о ее нелегкой доле.

Фаустина старшая

(100 – 141 годы)

Аннии Галерии Фаустине очень повезло с мужем. Антонин Пий (88 – 161 годы; с середины 138 года – император) был замечательнейшим человеком и, что совсем редкость, образцовым и прекраснейшим императором. (Антонин был усыновлен Адрианом в качестве своего преемника незадолго до смерти.)

«Он выделялся своей наружностью, славился своими добрыми нравами, отличался благородным милосердием, имел спокойное выражение лица, обладал необыкновенными дарованиями, блестящим красноречием, превосходно знал литературу, был трезв, прилежно занимался возделыванием полей, был мягким, щедрым, не посягал на чужое, – при всем этом у него было большое чувство меры и отсутствие всякого тщеславия», – дает во всех отношениях положительную характеристику Юлий Капитолии. Что кажется совсем необычным среди целой череды монстров на императорском троне.

Высокая власть несколько не испортила Антонина, чего не скажешь о Фаустине, которой очень хотелось совершать поступки, достойные императрицы. «Первым его высказыванием в новом положении, говорят, было следующее: когда жена стала упрекать его в том, что он по какому-то поводу проявил мало щедрости по отношению к своим, он сказал ей: „Глупая, после того как нас призвали к управлению империей, мы потеряли и то, что мы имели раньше“» (Капитолии). Титул

императора Антонин воспринимал как тяжелый труд и упорно не желал пользоваться преимуществами своего положения. «Перед началом своего правления был он очень богат, но потом раздал имущество свое на жалование воинам и помощь друзьям, однако оставил после себя богатую государственную казну», – подтверждает историю об императоре-бессребренике Евтропий.

Антонин Пий (Мрамор. Середина II в.)

«Лишенный честолюбия и всего показного, – пишет об Антонине историк Аврелий Виктор, – он был до того кроток, что, когда сенаторы настаивали на преследовании лиц, составивших против него заговор, он прекратил следствие, сказав при этом, что нет надобности преследовать упорно людей, замысливших совершить над ним преступление, чтобы не обнаружилось, скольким людям он ненавистен, если их окажется еще больше [, чем предполагалось]».

Аврелий Виктор говорит, что «ко всему этому он был красив лицом, высок ростом и умеренно плотен». Однако императрице Фаустине чего-то не хватало – видимо, приключений. Их-то и хочется человеческой

натуре, когда все хорошо, но уж слишком монотонно. «О его жене было много разговоров из-за ее слишком свободного и легкомысленного образа жизни, – замечает Юлий Капитолии, – но он положил им конец, хотя и страдал в глубине души».

Впрочем, это единственное свидетельство о нехорошем поведении Фаустины; императрицей она была недолго и отличиться так, чтобы попасть на Страницы книг, не успела.

Антонин очень любил свою жену. Он был равнодушен к лести и упорно отклонял назначаемые ему почести, но позволил сенату назвать Фаустину Августой. Знал, что жене это доставит огромное удовольствие.

Бедняжка Фаустина так и не смогла насладиться властью жены императора. «На третьем году своего правления он (Антонин) потерял свою жену Фаустину, – сообщает Капитолии. – Сенат обожествил ее, назначив в ее честь цирковые игры, храм и фламинок, золотые и серебряные статуи, причем он даже сам разрешил выставлять ее изображение во время всех цирковых представлений.

<...>

Он учредил в честь Фаустины «фаустинских девочек», получавших содержание от государства».

В год смерти Фаустины (141 год) было выпущено огромное количество монет с ее изображением. И даже нынешние коллекционеры признают: пожалуй, ни один император не посвятил своей жене такого грандиозного выпуска консекрационных монет. На серебряном денарии мы видим очень красивое чувственное лицо, и очень понимаем влюбленного Антонина Пия.

Свою любовь к безвременно ушедшей жене Антонин перенес на дочь – тоже Фаустину. «Свадьбу своей дочери Фаустины, когда он выдавал ее за Марка Антонина, он справил с особым блеском – даже выдал денежный подарок воинам», – рассказывает Капитолии.

Свадьба Марка Аврелия Антонина и Фаустины состоялась в 145 году, а ранее, в 138 году, император Адриан перед смертью усыновил Антонина (получившего вскоре от сената имя Пий) и настоял, чтобы тот, в свою очередь, усыновил своего племянника – Марка Аврелия, что и было сделано. Через некоторое время после женитьбы на дочери императора, в 146 году, Марк Аврелий Антонин был провозглашен соправителем.

Перед смертью Антонин Пий, как пишет Капитолии, «препоручил государство и свою дочь Марку Антонину... Свое собственное имущество он оставил своей дочери, но всем своим близким назначил по завещанию порядочное наследство».

«Умер он в Лории, на своей вилле, в 12 милях от Города, – уточняет Евтропий, – на 73-м году жизни, на 23-м [году] правления, и был причислен к Богам, что заслужил по справедливости».

Фаустина младшая

(130 – 176 годы)

С мужем Фаустине Младшей повезло так же, как и матери с Антонином Пием. Марк Аврелий Антонин (121 – 180 годы) всю жизнь стремился к моральному самосовершенствованию, за что и получил уважительное добавление к своему имени – Философ. Волею судьбы став императором, он старался совершенствовать всю империю, хотел сделать жизнь римлян лучше и благороднее.

Все древние авторы единодушны в оценке императора и его деяний.

«Марк Аврелий Антонин правил восемнадцать лет. Он обладал всеми добродетелями и божественным умом и являлся как бы защитником людей от всех общественных бедствий. Если бы он не родился в то время, то весь римский мир развалился бы в едином падении» – таково мнение Аврелия Виктора.

Марк Аврелий (Деталь конной статуи. Бронза. 160-170-е гг.)

«К народу он обращался так, как это было принято в свободном государстве. Он проявлял исключительный такт во всех случаях, когда нужно было либо удержать людей от зла, либо побудить к добру, богато наградить одних, оправдать – выказав снисходительность – других. Он делал дурных людей хорошими. А хороших – превосходными, спокойно перенося даже насмешки некоторых», – отмечает необыкновенную мудрость императора Юлий Капитолии.

Получается какая-то закономерность с именем Фаустина; вот бы римлянам всех своих императриц называть Фаустинами, а не Августами – может, не повторялись бы периодически жуткие времена Нерона.

Однако Фаустина, доставшаяся в жены Марку Аврелию, не отличалась добродетельностью. Пороки ее матери, Фаустины Старшей, вскользь упомянутые Капитолином, получили широкое развитие в дочери. Возможно, это произошло потому, что Фаустина Младшая дольше оставалась на троне.

Античные историки единодушны и в похвале Марку Аврелию, и в порицании жены (за ее пороки).

Аврелий Виктор пишет:

«Все его деяния и намерения, как в мирное время, так и в военное, были божественны; однако они были омрачены недостойным поведением его супруги, нуждавшейся в сдерживании; она опустилась до такого недостойного поведения, что, проживая в Кампании, садилась на живописном берегу, чтобы выбирать для

себя из числа моряков, которые обычно бывают голые, наиболее подходящих для разврата».

Увы! Марк Аврелий, блестяще управлявшийся с мировым государством, был бессилен перед желаниями собственной жены.

«Некоторые говорят (и это кажется правдоподобным), что Коммод Антонин, его преемник и сын, родился не от него, а был плодом прелюбодеяния, и добавляют к этому такую живущую в народной молве сказочку, – рассказывает Юлий Капитолии. – Как-то раз Фаустина, дочь Пия и жена Марка, при виде проходивших мимо гладиаторов вспылала любовью к одному из них – и после долгих страданий, причиненных любовным недугом, призналась в своей любви мужу. Когда Марк обратился к халдеям, они дали совет убить этого гладиатора, с тем чтобы Фаустина омылась его кровью и потом возлегла с мужем. Когда это было сделано, Фаустина, правда, освободилась от любви, но на свет появился Коммод – скорее гладиатор, чем император: будучи императором, он выступал публично перед народом почти тысячу раз в гладиаторских боях, как это будет указано в его жизнеописании. Этот рассказ считается правдоподобным на том основании, что сын столь безупречного государя отличался такими нравами, какие чужды даже любому учителю гладиаторов, любому актеру, любому из тех, кто выступает на арене, наконец, любому человеку, в котором, как в помойной яме, соединены всякая грязь и преступление. Многие говорят и так, что Коммод – вообще плод преступной любви: ведь хорошо известно, что в Кайоте Фаустина выбирала себе любовников из матросов и гладиаторов».

Фаустина Младшая (Мрамор. 170 г.)

Моряками и гладиаторами интересы Фаустины не ограничивались – Юлий Капитолии упоминает о ее любовных связях с актерами (пантомимами).

В частности, Капитолии сообщает:

«Когда Марку Антонину говорили о ее поведении, предлагая развестись с ней, если он не хочет казнить ее, он... сказал:

– Если я разведусь с женой, то нужно вернуть ей и приданое.

А что другое могло считаться приданым, как не императорская власть, которую он получил от тестя, будучи им усыновлен по воле Адриана? Но жизнь хорошего государя, его безупречность, уравновешенность и благочестие имеют такую силу, что ненависть, которую вызывают к себе его близкие, не могла затмить его славы. Словом, Марку Антонину не могли повредить ни его сын-гладиатор, ни распутная жена, так как он оставался всегда верен себе и ничьи нашептывания не могли его изменить».

Гораздо худшими были последствия (впрочем, не для Фаустины), когда она начала выбирать любовников из высших слоев римского общества. Юлием Капитолином упоминается ее связь с соправителем Марка Аврелия – императором Луцием Вером, который был женат на дочери Фаустины. «Были толки о том, будто он вступил когда-то в преступную связь со своей тещей Фаустиной и будто он погиб оттого, что его теща Фаустина коварно подсыпала ему в устрицы яд за то, что он выдал ее дочери тайну своей связи с матерью».

В 175 году в Сирии наместник Авидий Кассий, восстав, провозгласил себя императором. По слухам, он действовал «по желанию Фаустины, считавшей мужа безнадежно больным». Что касается здоровья Марка Аврелия, то он им не отличался: Капитолии пишет, что «его здоровье пошатнулось» еще в отроческом возрасте оттого, что будущий император тратил слишком много сил на различные науки.

Вулкаций Галликан считает, что Фаустина не причастна к сирийским событиям; он не согласен с Марием Максимом, который, «желая очернить ее, утверждает, что Кассий присвоил себе императорскую власть при ее содействии».

В подтверждение своей версии Вулкаций приводит письма Фаустины к мужу, в которых она требует предать смерти Авидия Кассия.

Первое письмо: «Завтра я сама спешно выеду в альбанскую усадьбу, согласно твоему приказу. Но я убедительно прошу тебя, если ты любишь своих детей,

самым суровым образом расправиться с этими повстанцами. И полководцы, и воины привыкли действовать преступно, если их не подавить, то они сами будут подавлять».

И во втором письме Фаустина умоляет уничтожить Кассия именем своих детей: «Моя мать Фаустина убеждала твоего отца Пия – во время отложения Цельза – проявить любовь прежде всего по отношению к своим, а затем уже к чужим. Ведь нельзя назвать любящим того императора, который не думает о своей жене и детях. Ты видишь сам, в каком возрасте наш Коммод. Зять же наш Помпеян стар и не уроженец Рима. Подумай, как поступить с Кассием и его сообщниками. Не давай пощады людям, которые не пощадили тебя и не пощадили бы меня и наших детей, если бы победили...»

«Из этих писем можно понять, что Фаустина не была сообщницей Кассия, – делает вывод Вулкаций Галликан, – что она даже побуждала мирно расположенного и помышлявшего о милосердии Антонина применить суровое наказание и настаивала на необходимости такой кары».

И все же настойчивость Фаустины больше похожа на желание избавиться от сообщника, который может заговорить и сказать лишнего. В конце концов, Кассия убили и принесли его голову Марку Аврелию. «Однако Марк не обрадовался убийству Кассия...» – сообщает Юлий Капитолии. Похоже, такой конец мятежника не входил в планы императора, но очень устраивал императрицу.

Фаустина активно участвовала в государственных делах и даже имела огромное влияние на мужа-философа. «Ему (Марку Аврелию) ставили в вину

то, что он выдвигал на разные высокие места любовников своей жены – Тертулла, Тутилия, Орфита и Модерата, хотя Тертулла он однажды застал завтракающим вместе с ней», – сообщает Капитолии.

Фаустина была весьма воинственна. По примеру Агриппины Старшей, императрица участвовала во всех летних военных походах мужа, за что он ее называл «матерью лагерей». Во время одной из таких кампаний Фаустина «умерла от внезапно постигшей ее болезни в поселке Галале у подошвы Таврских гор».

По уверению Капитолина, Марк Аврелий очень переживал смерть жены и сделал все, чтобы увековечить ее память. «Он просил сенат назначить Фаустине почести и храм и произнес похвальную речь, хотя молва упорно обвиняла ее в безнравственности. Антонин либо ничего не знал об этом, либо делал вид, что не знает. Он учредил в честь своей умершей жены „фаустинских девочек“. Он принес благодарность сенату за объявление Фаустины божественной... Поселок, в котором умерла Фаустина, он сделал колонией ее имени и выстроил ей храм, но впоследствии этот храм посвятили Гелиогабалу».

Марк Аврелий, конечно, знал о приключениях и пристрастиях своей жены. Но он был философом и руководствовался в отношениях с ней собственным правилом: «Какие уж привелись обстоятельства, к тем и прилаживайся, и какие выпали люди, тех люби, да искренно!»

И другая мысль императора-философа: «Любить только то, что тебе выпало и отмерено. Что уместнее этого?»

Еще одна житейская мудрость от Марка Аврелия: «Когда тебя задевает чье-нибудь бесстыдство, спрашивай себя сразу: а могут бесстыдные не быть в мире? Не могут. Тогда не требуй невозможного. Этот – один из тех бесстыдных, которые должны быть в мире».

Капитолии сообщает:

«После смерти Фаустины Фабия всеми способами старалась выйти за него (Марка Аврелия) замуж, но он, имея столько детей и не желая навязывать им мачеху, взял себе в наложницы дочь прокуратора своей жены».

Марк Аврелий умер спустя четыре года после смерти обожаемой им Фаустины. «После кончины Марка, – пишет Геродиан, – когда молва о ней распространилась, все бывшее там войско, а равно и масса простого народа были охвачены скорбью, и не было никого из подвластных Риму людей, кто бы без слез услышал такую весть; все как бы в один голос громко называли его: один – превосходным отцом, другие – добрым государем, третьи – замечательным полководцем, иные – воздержанным и скромным властителем, и никто не ошибался».

А вот с Коммодом – сыном Марка и Фаустины – судьба сыграла злую шутку. Ему суждено было стать для Рима новым Нероном; как и Нерон, Коммод погубил своим распутством и жестокостью династию Антонинов. Не прижилась философия Марка Аврелия и в дочери Луцилле, однако эта тема – для следующего очерка.

Луцилла

(148 – 183 годы)

Муж Луциллы, Луций Вер, был римским императором в 161 – 169 годах вместе с Марком Аврелием (со своим названным братом; в 138 году император Антонин Пий усыновил не только 17-летнего Марка Аврелия, но и 8-летнего Луция Вера). Да! Тогда на римском троне сидели сразу два императора. Впрочем, такое возможно было при знаменитом Марке Аврелии Философе, который умел находить общий язык и уживаться со всеми.

Луций Вер, по мнению Юлия Капитолина, «не выделялся особыми пороками, не отличался и достоинствами... Но распущенность нравов и чрезмерная склонность к разгульной жизни противоречила учению, которому следовал Марк. Ведь он был простодушен и ничего не мог скрывать».

Дурные наклонности стали проявляться в Луций Вере особенно сильно к концу правления – власть развращает и не таких людей.

Капитолии пишет:

«Когда он отправился в Сирию, то там опозорил себя не только невоздержанным образом жизни, но и распутством и юношескими любовными похождениями. Говорят также, что... по возвращении из Сирии, он дошел до такой распущенности, что устроил у себя дома настоящий кабаk, куда ходил даже после пира у Марка, причем его обслуживали там всякого рода мерзкие люди.

Рассказывают также, что он ночи напролет играл в кости, усвоив себе этот порок в Сирии, и дошел в своих пороках до того, что мог соперничать с Гаем, Нероном и Вителлием; шатался ночью по кабакам и лупанарам, закрыв голову обыкновенным капюшоном, какой носят в дороге, и пировал с разными проходимцами; затевал драки, скрывая от людей, кто он такой, и часто возвращался домой избитый, с синяками на лице и признанный в кабаках, несмотря на свои старания остаться неизвестным».

В общем, Луций Вер своим недостойным поведением у многих вызывал недовольство, и когда он, не жалувавшийся ранее на здоровье, в возрасте 38 лет внезапно скончался, подозрение пало на самых влиятельных людей империи. Ходила молва о причастности к его смерти даже Марка Аврелия, так как последний имел неосторожность вздохнуть с облегчением, что «удалился тот, кто обнаружил свою нерадивость». Зная Марка Аврелия, его философию, можно утверждать, что эта версия не выдерживает никакой критики.

Более вероятно, что о болтливом зяте позаботилась Фаустина, жена Марка Аврелия. Она, по свидетельству Капитолина, состояла с ним в более близких отношениях, чем полагалось теще, и угостила его устрицами с ядом, когда Луцию захотелось похвастаться победой на любовном фронте.

Еще одна подозреваемая в этой детективной истории – Луцилла. «Многие приписывают отравление Вера его жене по той причине, что Вер слишком благоволил к Фабии, могущество которой его жена Луцилла не могла выносить. Между Луцием и сестрой его

Фабией была действительно столь большая дружба, что шел слух, будто они сговорились лишить жизни Марка», – читаем у Юлия Капитолина, биографа Луция Вера.

Пожалуй, последняя версия самая правдоподобная. Фа-бия была очень властолюбивой женщиной, после смерти Фаустины она «всеми способами» старалась выйти замуж за Марка Аврелия. Она вполне способна была на подобную интригу. Луцилла также страстно желала властвовать и ради этого могла устранить самого близкого родственника. Скорее всего, Луцилла вместе с матерью, Фаустиной, и свели в могилу простоватого, но ставшего неуправляемым Луция Вера.

В пользу этой версии свидетельствует то, как обошелся с дочерью философ Марк Аврелий после смерти соправителя. «Отправляясь на Германскую войну, он, не выждав срока траура, выдал замуж свою дочь за престарелого Клавдия Помпеяна, сына римского всадника, родом из Антиоха, человека не очень знатного... тогда как дочь Марка была Августой и дочерью Августы. Но этот брак был не по душе и Фаустине, и самой выдаваемой замуж» (Капитолии).

Еще бы! Вдову императора, дочь императора выдать замуж за старого провинциального незнатного всадника – разве может быть хуже наказание для собственной дочери? Правда, отец оставил Луцилле знаки императорского достоинства, но без власти они значили немного.

После смерти Марка Аврелия в 180 году императором стал Коммод – его сын и родной брат Луциллы. Он сохранил за сестрой все почести: «она и в

театрах сидела в императорском кресле, и перед ней несли факел».

Ситуация изменилась, когда Коммод женился на Криспине – первенство, естественно, перешло к супруге правящего императора. «Луцилла тяжело переживала это и считала почести той поношением себе» (Геродиан).

Переживания, которые со стороны могут показаться ничтожными, привели Луциллу к тому, что она решила свергнуть брата-императора и захватить его власть.

Обиженная сестра не стала посвящать в свои планы престарелого мужа, который, кстати, был в хороших отношениях с Коммодом. «Кодрату же, знатному и богатому юноше (ее обвиняли в тайной связи с ним), она, испытывая образ его мыслей, непрерывно жаловалась по поводу первенства и понемногу внушила юноше замысел, гибельный для него и для всего сената. Взяв в соучастники своего заговора некоторых из видных лиц, он уговаривает одного молодого человека, также принадлежащего к сенату, по имени Квинтиан, опрометчивого и дерзкого, спрятать за пазуху кинжал, подстеречь подходящее время и место, напасть на Коммода и убить его; остальное, сказал он, он сам уладит путем раздачи денег.

Тот, незаметно став у входа в амфитеатр... обнажив кинжал, внезапно подступил к Коммоду и громким голосом объявил, что это послано ему сенатом; не успев нанести рану, он, теряя время на произнесение слов и показ оружия, был схвачен телохранителями государя и поплатился за свое неразумие, так как, объявив о своем замысле раньше, чем выполнить его, он дал возможность себя, заранее уличенного, задержать, а тому, заранее предупрежденному, – остеречься».

Такое описание покушения на Коммода мы находим у Геродиана. У Капитолина называются несколько другие имена участников заговора, но результат тот же: покушение нелепо завершилось из-за того, что наемный убийца возомнил себя судьей и решил прочесть приговор прежде, чем нанести удар.

После случившегося Коммод уничтожил множество видных римлян, некоторые из которых даже не подозревали о заговоре. Против сената император затаил такую ненависть, что до конца правления Коммода мало кто из сенаторов дожил. Вот во что обошлась Риму обида Луциллы!

Сама Луцилла была сослана на остров Капри и вскоре убита по приказу брата. Самое интересное, что почти одновременно погибла та, с которой Луцилла соперничала за императорские почести. Жена Коммода, Криспина, была обвинена в прелюбодеянии, а приговор у сына добродушного Марка Аврелия Философа был один – смерть.

Марция

(? – 193 год)

История Марции – яркий пример того, чего может добиться женщина, обладающая умом и красотой, или, по выражению Аврелия Виктора, «выдающейся красотой и искусством продажной женщины».

Марция (ее полное имя Марция Аврелия Цейония Деметриада) начала карьеру в качестве рабыни одной из дочерей Марка Аврелия – Аннии Корнифиции. Затем в виде наследства она досталась знатному римлянину Кодрату.

Последний, очарованный собственной рабыней, сделал ее любовницей и дал вольную. И тут Кодрату случилось в 182 году быть втянутым в заговор Луциллы против императора Коммода. Как мы помним, заговорщиков постигла неудача: в числе прочих лишился головы и Кодрат. Имущество его конфисковали в пользу императора, а вместе с ним попала во дворец Коммода и Марция.

Милашка Марция недолго тосковала по прежнему хозяину; ей пришлось заботиться о том, чтобы устроиться как можно лучше на новом месте. И это блестяще удалось бывшей рабыне – ведь новый хозяин также был мужчиной, хотя и не без многочисленных вредных привычек.

Марция оставалась подле жестокого непредсказуемого Коммода целых 10 лет. Она не просто сохранила жизнь, хотя на протяжении этого времени был

уничтожен почти весь сенат, несколько раз сменилось само окружение императора, к смертной казни были приговорены его жена и сестра; вольноотпущенница владела и управляла императором, которого боялся весь Рим. Марцией, по утверждению Геродиана, «он больше всего дорожил из своих наложниц (ее положение ничем не уступало положению законной жены, у нее было все, что и у Августы, за исключением преднесения факела)».

Коммод любил награждать себя разными титулами и наименованиями. Лампридий пишет: «Амазонским он был назван по причине своей любви к наложнице Марции, портретом которой в виде амазонки он любовался; ради нее он сам пожелал выйти на римскую арену в виде амазонки».

Марция во всем потакала могущественному любовнику: когда он решил переименовать Рим в «Коммодову колонию», вольноотпущенница сказала, что это будет великолепно. Однако с каждым годом Марции было все труднее и труднее управляться с императором, выходки которого были все экстравагантнее и непозволительнее для носимого им звания.

«Префекта претория Юлиана, одетого в тогу, Коммод в присутствии всех его подчиненных толкнул в пруд. Ему он приказал и плясать голым, с измазанным лицом перед своими наложницами, и бить в кимвалы... В храмы богов он входил, запятнанный развратом и человеческой кровью. Он изображал из себя врача, чтобы смертоносными ланцетами выпускать кровь у людей» (Лампридий).

Новое увлечение Коммода и стало причиной последней его ссоры с Марцией. Император возомнил себя величайшим гладиатором и, как сообщает Геродиан,

«дошел... до такого безумия, что не хотел больше жить в императорском жилище, но пожелал переселиться в казарму гладиаторов. Себя он повелел называть уже не Гераклом, но именем одного знаменитого, незадолго до этого скончавшегося гладиатора. Отрубив голову величайшей колоссальной статуи, почитаемой римлянами, представляющей собой изображение Солнца, он поместил там свою голову, подписав... „победивший тысячу гладиаторов“».

Тем временем приближался очень значимый общеиталийский праздник. Вся страна к нему тщательно готовилась, а «Коммод пожелал выйти не из императорского дворца, как это принято, а из казармы гладиаторов, и предстать перед римлянами не в красиво окаймленной императорской порфире, а неся сам оружие в сопровождении остальных гладиаторов» (Геродиан). Марция была в ужасе от намерения любовника: она «сначала упрашивала и, припав к его ногам, умоляла со слезами не оскорблять Римскую державу и не подвергать себя опасности, отдавшись гладиаторам и пропащим людям». Коммод был непреклонен. Далее его безуспешно пытались отговорить от опрометчивого поступка префект претория Лет и главный спальник Эклент.

Результат дружных уговоров был более чем неожиданным.

Исторические источники рассказывают, как развивались события дальше. Раздосадованный Коммод прогнал советчиков, не понявших великого гладиатора, и удалился в спальню (обычно в полдень он спал). Перед сном император, не надеясь на свою память, записал, кого следует казнить в ближайшее время. «Из них

первой была Марция, – указывает Геродиан, – за ней следовали Лет и Эклект, а за ними большое количество первых людей в сенате. Старших и еще остававшихся отцовских друзей он хотел всех устранить, стыдясь иметь почтенных свидетелей своих безобразных дел, а имуществом богатых он желал облагодетельствовать воинов и гладиаторов и разделить его между ними, чтобы одни охраняли его, а другие развлекали».

Так приблизился конец Марции. Впрочем, она и так удивительно долго держалась в фаворитках, учитывая то, что Коммод предпочитал общаться с мужчинами, в том числе, и в постели. Вступив в должность императора и назначив себе триумф, Коммод, как рассказывает Лампридий, «посадил в колесницу позади себя своего любовника Саотера и, поворачивая голову, часто целовал его на виду у всех».

Повесть Лампридия похожа на обвинительное заключение.

«Коммод безумствовал во дворце на пирах и в банях вместе с тремястами наложницами, которых он набрал из матрон и блудниц по признаку красоты, а также с тремястами взрослыми развратниками, которых он собрал из простого народа и из знати, насильно и за деньги, причем дело решала их красота.

<...>

У него были любимцы, именами которых служили названия срамных частей мужского и женского тела; им он особенно охотно раздавал свои поцелуи. Он держал у себя одного человека, у которого был необыкновенных размеров мужской орган; этого человека он называл

своим ослом и очень дорожил им. Коммод сделал его богатым и поставил во главе жрецов сельского Геркулеса».

Вот на кого имела влияние Марция целых 10 лет!

Итак, мы оставили Коммода спящим в его спальне. Геродиан расскажет нам о том, что было дальше.

На свою беду, записку, являвшуюся смертным приговором для самых близких людей, Коммод бросил прямо на кровать. В комнате был еще «ребенок, совсем маленький, – из тех, какие ходят без одежды, украшенные золотом и драгоценными камнями (ими забавляются живущие в роскоши римляне). Коммод чрезвычайно любил его – так, что даже часто спал с ним; назывался он Филокоммодом – и это прозвание указывало на любовь к нему государя».

Когда Коммод на некоторое время покинул комнату, ребенок взял лежащую на кровати записку, чтобы поиграть с нею, и тоже покинул покои. «По воле какого-то божества он встретился с Марцией. Она (также любившая ребеночка), обняв и целуя его, отнимает записку, боясь, как бы он, неразумный, по неведению не уничтожил, играя, что-нибудь нужное. Узнав руку Коммода, она была охвачена любопытством прочитать написанное». Обнаружив, что оно несет смерть и что ей предстоит умереть прежде всех, Марция испустила стон и сказала про себя: «Прекрасно, Коммод, – это благодарность за мою преданность и любовь и за твою наглость и пьянство, которые я терпела столько лет; но ты, пьяный, не совершишь это безнаказанно над трезвой женщиной».

Не медля ни мгновения, Марция находит префекта претория Квинта Лета и главного спальника Эклекта, чьи имена значились в записке вторыми.

Надо сказать, что их профессии были одними из самых опасных в Риме. Так как император становился все подозрительнее и «вел себя все хуже и хуже», то префектов и спальников сменяли через несколько дней или даже часов. Префект претория Нигер находился в должности только шесть часов. Марций Кварт был префектом пять дней. Увольнение обычно означало смертную казнь, и даже назначение на должность было равнозначно смертному приговору. Так что люди, следовавшие в списке за Марцией, догадывались, какой их ожидает конец, но на этот раз незаурядная вольноотпущенница подсказала путь к общему спасению.

Мужественная женщина взялась выполнить самую опасную часть работы. Коммода было решено отправить в небытие с помощью яда: «Марция обещала очень легко дать его – ведь она обыкновенно замешивала и подавала первое питье, чтобы ему приятнее было пить от любимой. Когда он пришел после купания, она, налив в чашу яду, замешав благовонным вином, дает ему пить. Испытывая жажду после долгого купания и упражнений со зверями, он и выпил, как обычную заздравную чашу, ничего не замечая».

Однако не так-то легко было убить отличавшегося огромной силой и отменным здоровьем императора-гладиатора. Вначале яд подействовал как снотворное. Коммод часто ложился спать днем, и это ни у кого не вызвало подозрений; в том числе и у самого Коммода – подумавшего, что ко сну его стало клонить от переутомления и вина.

Сообщники тем временем разогнали всю дворцовую прислугу по домам – якобы чтобы создать тишину, необходимую для отдыха императора.

Сон был недолгим.

«Когда яд дошел до желудка и брюшной полости, наступило головокружение, и затем появилась обильная рвота – потому ли, что имевшаяся ранее пища вместе с большим количеством напитков вытеснила яд, или из-за предварительного принятия противоядия, которое обычно всякий раз принимают государи перед пищей.

Из-за обильной рвоты они испугались, как бы Коммод, извергнув весь яд, не протрезвился, и им всем не пришлось погибнуть, и убеждают некоего юношу по имени Нарцисс, крепкого и цветущего, войти к Коммоду и задушить его, пообещав дать великие награды. Ворвавшись, он, схватив за горло ослабевшего от яда и опьянения Коммода, убивает его».

Заговоров против Коммода было множество (к этому располагало его поведение), и самые известные из них были организованы женщинами. Глупость Кодрата помешала Луцилле уничтожить чудовище на троне в самом начале его правления. Марция же лично проследила, чтобы свершилось то, что задумано.

Сколь Марк Аврелий был любим римлянами, столь же его сын, Коммод, был всеми ненавидим. Сенат и народ даже потребовали, чтобы труп его волокли крюком и бросили в Тибр. Потому участникам заговора, до поры до времени, убийство высшего лица государства сошло с рук. Срочно был избран новый император – престарелый Гельвий Пертинакс, сын вольноотпущенника.

Во время правления Пертинакса Марция продолжала пользоваться уважением и властным влиянием. По свидетельству Капитолина, консул Фалькон сказал ее ставленнику: «Каким ты будешь императором – мы заключаем из того, что позади тебя мы видим Лета и Марцию, слуг Коммода в его преступлениях».

Однако нашлись недовольные смертью Коммода и правлением Пертинакса (об этом – у Геродиана). «В то время как в жизни водворялось такое добронравие и благораспорядок, одни только телохранители, досадуя по поводу настоящего положения, тоскуя по грабежам и насилиям, происходившим при прежней тирании, и по возможности проводить время в распутстве и попойках, замыслили устранить Пертинакса, так как он был для них несносным и ненавистным, и поискать кого-нибудь, кто вернет им прежний неограниченный и разнузданный произвол».

Несчастный Пертинакс, который всегда испытывал отвращение к императорской власти, которого едва ли не насильно возвели на трон, был убит преторианцами. Правил Римом он 2 месяца и 25 дней.

Следующий император, Дидий Юлиан, чтобы угодить озверевшим легионерам, решил покарать убийц Коммода. В числе прочих по его приказу была казнена и Марция.

Юлия Домна

(? – 217 год)

История женитьбы будущего императора Септимия Севера (правил в 193 – 211 годах) на Юлии окутана мистикой.

Элий Спартиан объясняет, каким образом сирийская девушка стала римской императрицей: «Потеряв свою первую жену и пожелав взять вторую, он внимательно исследовал гороскоп невест, будучи сам очень опытным в астрологии. Узнав о том, что в Сирии есть некая девушка, в гороскопе которой значит, что она соединится с царем, он посватался к ней, то есть к Юлии, и благодаря содействию друзей получил ее; в скором времени он стал от нее отцом».

Север постоянно обращался к помощи предсказателей и халдеев; часто выход из сложнейших жизненных ситуаций ему подсказывали пророческие сны либо какие-то знамения. Общение с потусторонними силами однажды чуть не сгубило Септимия Севера. Будучи проконсулом Сицилии, он был обвинен в том, что спрашивал халдеев, будет ли он императором. «Однако префекты претория, которым было поручено слушать это дело, оправдали его, так как Коммод уже начал вызывать к себе ненависть; клеветник был распят на кресте» (Спартиан).

Выходец из Африки, незнатного рода, Септимий Север всегда мечтал об императорском титуле и был достоин его если не происхождением, то умом и

талантами. Опираясь на предсказания астрологов и иллирийские легионы, он повел жестокую борьбу за Рим.

Септимий Север стал четвертым претендентом на императорство; в Риме сидел Юлиан, на Востоке легионеры провозгласили императором Песценния Нигера, в Галлии правил Клодий Альбин. Север блестяще справился со всеми тремя конкурентами, используя для победы знаменитое римское правило: «Разделяй и властвуй». Геродиан восхищается победителем трех императоров: «Все в нем вызывало удивление, больше всего – присутствие ума, стойкость в трудах, смелость в дерзновениях».

О семейной жизни Септимия Севера и Юлии Домны известно очень немного – большая часть жизни императора прошла в войнах. «Однако у себя дома он был менее осмотрительным и удержал при себе свою жену Юлию, прославившуюся своими любовными похождениями и виновную в участии в заговоре», – сообщает Спартиан.

Сведения Спартиана весьма сомнительны. Во-первых, античные авторы не приводят конкретных случаев измен, тогда как в описаниях развратных императриц они изобилуют подробностями. Во-вторых, подобное не могло ускользнуть от всевидящего ока императора, а Север никогда никому ничего не прощал. Он не терпел ни малейшего неповиновения, жестоко и беспощадно подавлял всякое недовольство и даже намеки на него. «Он убил многих по действительной или мнимой вине, – уверяет Спартиан. – Многие были осуждены за то, что подшучивали, другие за то, что молчали, иные за то, что не раз выражались иносказательно...»

Особенно жестоким Север был с теми, кто участвовал в заговорах либо сражался на стороне мятежных императоров. Во время одной из битв с войском Нигера, по словам Геродиана, «столько было убитых, что волны текущих по равнине рек несли в море больше крови, чем воды». Не менее сурово Септимий Север разобрался и с галльским императором Альбином, с которым был заключен союз, пока длилась схватка с Нигером (и об этом – у Спартиана).

«Он приказал разрезать и разбросать трупы сенаторов, павших на войне. Затем, когда было принесено тело Альбина, он велел отрубить у полумертвого голову и отправить ее в Рим вместе с письмом... Оставшуюся часть его трупа Север велел положить перед его собственным домом, чтобы она долго там лежала. Кроме того, сидя верхом на коне, он направил его на труп Альбина, и, когда конь испугался, он его так подстегнул, что тот, хотя был без узды, стал смело топтать труп».

Уничтожались не только политические противники, но и их жены, дети, друзья и просто знакомые.

У Септимия Севера и Юлии Домны родилось два сына и две дочери. Дочерей император выдал замуж «с хорошим приданым за Проба и Аэция», немедленно сделав обоих зятьев консулами.

С сыновьями было гораздо сложнее, как почти у каждого римского императора. Весьма справедливо замечание Спартиана по этому поводу: «Когда я подумаю о прошлом... мне становится совершенно ясным, что почти никто из великих мужей не оставил после себя ни одного прекрасного и полезного для государства сына. В сущности, эти мужи либо умирали бездетными, либо в

большинстве случаев имели таких детей, что для человечества было бы лучше, если бы они умерли без потомства».

Север всегда мечтал, чтобы его сыновья явились достойными преемниками на императорском троне. Причем хотел видеть их там вместе: Антонина Каракаллу и Гету.

Юлия Домна (Мрамор. Около 200 г.)

Вопрос преемственности власти очень волновал Септимия Севера, он даже обращался за советом к богам. И вот во сне явилось предсказание, что ему наследует Антонин. Император немедленно дал это имя старшему сыну. Затем «под давлением жены своей Юлии, которая знала о его сновидении», имя Антонина получил и Гета.

Однако богов и судьбу такой уловкой не обманешь. С самого детства оба Антонина были друг для друга врагами.

Геродиан рисует весьма нерадостную картину взаимоотношений подрастающих наследников.

«Братья ссорились между собой сначала из ребячьего самолюбия, из-за перепелиных боев и петушиных сражений или когда происходили драки между другими мальчиками. Их увлечения зрелищами или музыкой всегда приводили к ссорам; им никогда не нравилось что-нибудь одно, но все, приятное одному, другому было ненавистно. С обеих сторон их подзадоривали льстецы и слуги, угождая их детским прихотям и сталкивая братьев между собой. Север, узнав об этом, пытался их сблизить и вразумить».

После смерти Септимия Севера его жена Юлия Домна взяла на себя обязанность сохранять мир между братьями-императорами. Вместе с ними мать прибыла в Рим, вместе их приветствовал народ лавровыми ветвями. Но Каракалла и Гета, едва оказавшись в императорском дворце, разделили его на две части и наглухо заколотили все проходы. Они сходились лишь ненадолго – по государственной необходимости. Совместно воздав посмертные почести отцу, как пишет Геродиан, «сыновья вернулись во дворец и с этой поры стали враждовать в открытую и с ненавистью строить друг другу козни; каждый делал все, что мог, лишь бы как-нибудь освободиться от брата и получить в свои руки всю власть».

Империя, объединенная небывалыми жестокостями Септимия Севера, теперь рвалась на части его собственными сыновьями. Дворца, заколоченного перегородками, наследникам показалось мало.

Читаем о дальнейших событиях у Геродиана.

«Собрав друзей отца, в присутствии матери, они решили разделить империю так, что Антонин получал всю европейскую часть, а материк, лежащий напротив и

называемый Азией, отходил к Гете». То была первая попытка разделить огромное государство на две империи – Западную и Восточную.

Юлия понимала пагубность подобного раздела; из последних сил «она стремилась сохранить единство Рима и мир между сыновьями.

– Дети, вы изобрели способ поделить землю и море; Понтийский проток – говорите вы – разделяет материки; но как вы поделите мать? Что же мне, несчастной, разорваться? Тогда уж сначала убейте меня, и пусть каждый возьмет себе свою долю и у себя схоронит ее. Раз вы делите моря и сушу, поделите таким вот образом и меня.

Так она сказала, с плачем и стонами, и, обняв их обоих, притянула к себе, пытаясь хоть как-нибудь свести их. Глядя на это, все расчувствовались, собрание разошлось, а соглашение не состоялось. Оба ушли во дворец, каждый на свою половину».

Слова матери нисколько не образумили упрямых честолюбцев, наоборот, ненависть между ними выросла до небывалых размеров.

«Они уже перепробовали все виды коварств, пытаясь договориться с виночерпиями и поварами, чтобы те подбросили другому какой-нибудь отравы. Но ничего у них не выходило, потому что каждый был начеку и очень остерегался».

Разделились на два лагеря и придворные. Причем большинство встало на сторону Геты, «потому что он производил впечатление порядочности: проявлял скромность и мягкость по отношению к лицам, к нему

обращавшимся, занимался обычно более серьезными делами». Каракалла, теряющий с каждым днем свой авторитет и влияние, был способен на любой поступок, чтобы избавиться от брата.

Мать по-прежнему не отходила от сыновей ни на шаг и не теряла надежды установить между ними мир. Она собирала их вместе в своей комнате и подолгу вела беседы. До поры до времени Юлия Домна служила гарантом безопасности для обоих, и это обстоятельство коварный Каракалла обратил в свою пользу самым кощунственным образом. Он убивает брата прямо в объятиях Юлии. «Облив кровью грудь матери, раненный смертельно, Ге-та расстался с жизнью. А Антонин, осуществив убийство, выскакивает из спальни и бежит через весь дворец, крича, что он едва спасся, избежав величайшей опасности».

Братоубийца в первую очередь поспешил заручиться поддержкой войска. Действовал он путем всех случайных императоров: каждому воину было обещано по 2500 аттических драхм, а также в полтора раза увеличивалось получаемое ими довольствие.

Чтобы смягчить ужас преступления и показать народу свою непричастность к нему, Каракалла причислил Гету к богам. При этом, как уточняет Спартиан, он не преминул язвительно добавить: «Пусть будет божественным, лишь бы не был живым».

Кровавая вакханалия накрыла Рим.

Послушаем рассказ Геродиана.

«В скором времени были убиты все близкие и друзья брата, а также и те, кто жил во дворце на его половине; слуг перебили всех; возраст, хотя бы и

младенческий, во внимание не принимался. Откровенно глумясь, трупы убитых сносили вместе, складывали на телеги и вывозили за город, где, сложив их в кучу, сжигали, а то и просто бросали, как придется. Вообще погибал всякий, кого Ге-та хоть немного знал. Уничтожали атлетов, возниц, исполнителей всякого рода музыкальных произведений – словом, всех, кто услаждал его зрение и слух. Сенаторов, кто родовит или побогаче, убивали по малейшему поводу или вовсе без повода – достаточно было для этого объявить их приверженцами Геты. Сестру Коммода, уже старуху, в которой все императоры чтили дочь Марка, Антонин убил, вменив ей в вину, что она всплакнула вместе с Юлией, когда та потеряла сына».

Жестокостью Каракалла превзошел отца; но в отличие от последнего изощренные убийства нового императора были бессмысленны и не могли понравиться подданным. В 217 году стараниями префекта претория Макрина он был отправлен на тот свет вслед за братом Гетой.

«Макрин, предав огню останки, заключив прах в сосуд, послал его для погребения матери, жившей в Антиохии. А та, видя схожую судьбу своих сыновей, уморила себя голодом – то ли добровольно, то ли по принуждению».

Юлия Меса

(около 160 года – 226 год)

После убийства Каракаллы и смерти Юлии Домны императором стал Опилий Макрин. Уроженец далекой Мавритании, он получил трон только потому, что Рим устал от безумств Каракаллы и был безразличен в тот момент к вопросам власти. Сенаторы в один голос говорили: «Кого угодно, только не кровосмесителя. Кого угодно, только не грязного человека. Кого угодно, только не убийцу сената и народа». Так отражает общественное мнение Юлий Капитолии.

Ненавидимый всеми (и гражданами, и воинами), Макрин был вынужден действовать крайне осторожно. Именно поэтому он не посмел казнить сестру Юлии Домны – Юлию Месу, которая долгие годы жила вместе с императорской семьей. Ей было предложено покинуть дворец и отправиться на родину – в Сирию. Юлии Месе даже оставили огромное состояние, которое было накоплено при царственных родственниках.

Юлия Месса (Изображение на монете)

Если бы только Макрин мог представить, что главная его опасность таится не в гордых римских сенаторах, презрительно относившихся к нему, незнатному мавританцу; не в войсках, привыкших в последнее время поднимать бунты и за деньги выдвигать собственных императоров; не в наемных убийцах, которых он сам использовал, чтобы убрать предыдущего властителя, – а в этой невзрачной старушке. Именно от нее будет зависеть дальнейший ход римской истории, и следующими императорами станут те, которых пожелает эта женщина.

У Юлии Месы было две дочери – Созмия и Маменя, у каждой из которых имелось по сыну – это Бассиан и Алексиан (Александр).

Дадим возможность Геродиану рассказать нам об этих детях и о том, что с ними связано.

«Они воспитывались при матерях и при бабушке; Бассиан достиг приблизительно четырнадцати лет, а Алексиану пошел десятый год. Они были посвящены богу Солнца; ведь местные жители поклоняются ему, на финикийском языке называя его Элагабалом. Воздвигнут ему громадный храм, украшенный большим количеством золота, серебра и роскошными драгоценными камнями. Он почитается не только местными жителями, но и все соседние варварские сатрапы и цари каждый год щедро посылают богу роскошные посвящения».

Таким образом, в руках Бассиана и его бабки Юлии Месы находились огромные денежные средства.

«Бассиан, являвшийся жрецом этого бога (ему, как старшему, был вверен культ), выступал, одетый

по-варварски, препоясав златотканые хитоны, пурпурные, с рукавами и спускающиеся до пят, покрыв обе ноги от ногтей до бедер одеждой, также разукрашенными золотом и пурпуром; голову украшал веночек, расцвеченный блеском роскошных драгоценных камней. Был он в цветущем возрасте и красивейшим из всех юношей своего времени. Вследствие того, что в нем соединялись телесная красота, цветущий возраст, пышные одежды, можно было сравнить юношу с прекрасными изображениями Диониса».

По соседству с Эмесой, где и находился храм бога Солнца, располагался лагерь 3-го Галльского легиона. Солдаты часто посещали нитый храм и восхищались юным жрецом. Многие из легионеров были клиентами Месы и находились под ее покровительством. Им она и сказала «правду» о том, что ее внук в действительности – сын императора Антонина Каракаллы. Прозвучала эта версия весьма правдоподобно по той причине, что неразборчивый в любовных связях Каракалла «часто посещал ее дочерей, которые были юными и прекрасными, в то время, когда она жила с сестрой во дворце».

Клиенты Месы распространили слух по всему лагерю, между прочим добавили, что у старухи груды денег, которые она охотно отдаст легионерам, если они помогут ее семейству вернуть императорскую власть. После этого солдаты 3-го легиона решили провозгласить Бассиана государем и настоятельно приглашали его вместе с родственниками в лагерь.

«Старуха уступила, предпочитая подвергнуть себя всяческой опасности, нежели жить честным человеком и слыть впавшей в ничтожество; ночью тайком она вместе

с дочерьми и внуками выбралась из города. Когда воины из клиентов привели их... к стене лагеря, и они без труда были приняты внутрь, тотчас же весь лагерь назвал юношу Антонином; облекши его в пурпурный плащ, они держали его внутри лагеря. Доставив внутрь все необходимое, также детей и женщин и все то, что они имели в соседних деревнях и на полях, и, заперев ворота, они приготовились в случае необходимости выдержать осаду».

Конечно, об этом донесли Макрину, находившемуся в Антиохии. Капитолии отмечает, что Макрин удивился дерзости этой женщины, хотя и презирал ее. Он послал префекта Юлиана с легионами устроить осаду лагеря. А что же Галльский легион? Подошедшему войску с крепостной стены был представлен новый император. Чтобы сходство его с Каракаллой было более заметным, потрясли перед солдатами Макрина кошельками, полными денег.

Победила жадность. Легионеры, посланные уничтожить самозванца, вместо этого убили префекта Юлиана и присоединились к мятежному легиону. У внука Юлии Месы появилось войско, способное помериться силами с самим Макрином. Последний, собрав все имеющееся войско, поспешил исправить ошибку Юлиана.

Совсем недружеская встреча императоров состоялась на границе Финикии и Сирии. По словам Геродиана, «сторонники Антонина сражались с готовностью, боясь подвергнуться мщению за то, что они содеяли; сторонники же Макрина нерадиво принимались за дело, убегая и переходя к Антонину». Видя это, Макрин сбросил плащ военачальника и всю

императорскую одежду, сбрил бороду и убежал с поля сражения с самыми верными людьми.

В первом случае победу Антонину принесло сребролюбие легионеров Юлиана, теперь благодаря трусости Макрина он стал полным хозяином Востока и Рима. Войско Макрина, не увидев предводителя в своих рядах, предпочло сдаться.

Геродиан сообщает, что Макрин был схвачен «в Халкедоне, в Вифинии, тяжело больной и изнуренный непрерывной ездой. Там, найдя его, скрывавшегося в каком-то предместье, преследующие отрубили ему голову».

Так старушка-чужестранка отомстила за сестру и подарила римлянам нового императора. Подарок был ужаснейший из тех, что получало человечество; скорее его можно назвать продолжением мести римлянам.

Приведя к власти внука, Юлия Меса не удалилась на покой. «Когда все войско, перейдя к Антонину, объявило его государем, он принял власть, причем настоятельные дела на Востоке были приведены в порядок для него бабкой и бывшими друзьями... недолго помедлив, он начал готовить отъезд, так как Меса очень торопилась в привычный для нее дворец в Риме».

Римский сенат и народ, поставленные перед фактом смены императора, были готовы принять Антонина, но нерадивого внука Месы очень рано испортила власть, не стоившая ему особых трудов. В Никомедии «он предался неистовству», справляя культ местного бога. «Одежда у него была чем-то средним между финикийским священным одеянием и мидийским пышным нарядом». Ко

всякой римской одежде новый император испытывал отвращение, «говоря, что она сделана из шерсти, вещи дешевой».

«Меса, видя это, сильно огорчилась; настаивая, она пыталась уговорить его, чтобы он переделся в римское платье», но Антонину пришла в голову мысль переодеть всех римлян в восточные наряды, чтобы они выглядели одинаково со своим императором. Более того, он принял имя восточного бога и приказал именовать себя Элагабалом (Гелиогабалом). На Палатинском холме, возле императорского дворца, он построил храм Гелиогабала и требовал, чтобы все римляне почитали только этого бога.

Между этими новшествами Элагабал предавался немыслимому разврату. Вот лишь некоторые факты его государственной деятельности, о которых пишет Лампридий:

«В Риме у него было только одно занятие: он имел при себе рассыльных, которые разыскивали для него людей с большими половыми органами и приводили их к нему во дворец для того, чтобы он мог насладиться связью с ними. Кроме того, у себя во дворце он разыгрывал пьесу о Парисе, сам исполнял роль Венеры, причем одежды его внезапно падали к его ногам, а сам он, обнаженный, держа одну руку у сосков груди, другой прикрывая срамные части тела, опускался на колени, выставляя свой зад, выдвигая его и подставляя своему любовнику».

С Лампридием согласен и Аврелий Виктор:

«Более нечистой, чем он, не была даже ни одна распутная и похотливая женщина, ибо он выискивал во всем свете самых отъявленных распутников, чтобы

смотреть на их искусство разврата и самому испытывать его на себе».

В общем, как заключает Евтропий, «вопреки великим надеждам и воинов и сената опорочил он себя в Риме всяческими мерзостями».

Не отставала от императора и его мать, Юлия Соземия: «она жила во дворце наподобие блудницы и делала всевозможные мерзости». Управлялось огромное государство в действительности не Бассианом-Элагабалом, а Юлией Месой. «Посещая лагерь или курию, – пишет Лампридий, – он привозил с собой свою бабушку... чтобы благодаря ее авторитету стать в глазах людей достойным уважения человеком, так как сам по себе он быть им не мог. До него... ни одна женщина не входила в сенат, не приглашалась присутствовать при редактировании постановлений и не высказывала своего мнения».

Юлия Меса понимала, что правление внука не может быть долгим, – а уходить старушке из императорского дворца очень не хотелось, она к нему привыкла. Решение проблемы, как говорится, лежало на поверхности, на самом виду.

Геродиан объясняет:

«Видя это и подозревая, что воинам не нравится подобная жизнь государя, и опасаясь, что ей снова придется вернуться к частной жизни, если с ним что-нибудь случится, Меса убеждает его, юношу вообще легкомысленного и неразумного, усыновить и объявить Цезарем своего двоюродного брата, ее внука от второй дочери, Мамеи, сказав ему приятное, что ему следует заниматься жречеством и культом, предаваясь религиозным исступлениям, оргиям и божественным

делам, но должен быть другой, кто бы ведал человеческими делами...»

Хитрая женщина уговорила Элагабала фактически назначить себе наследника, но вскоре он поменял свое решение и замыслил убить брата. Спасла второго внука опять же Юлия Меса. «Наконец, когда бабка и мать сказали ему, что воины грозятся погубить его, если не увидят согласия между двоюродными братьями, он, надев претексту, в шестом часу дня явился в сенат, причем пригласил туда свою бабку и проводил ее до кресла», – сообщает подробности Лампридий. Лишь одна Юлия Меса имела некоторую власть над неуправляемым императором, но и она разочаровалась в этом своем внуке.

Непутевый внук издевался над римлянами, насколько позволяла его фантазия.

Лампридий свидетельствует:

«Префектом претория он назначил плясуна, который выступал в качестве актера в Риме; префектом охраны он сделал возницу Кордия; префектом продовольственного снабжения он поставил цирюльника Клавдия. На прочие почетные должности он выдвигал тех, кто заслужил его благосклонность благодаря огромным размерам своих срамных органов: ведать сбором двадцатой части наследств он велел погонщику мулов, велел и скороходу, велел и повару, и слесарю».

Кроме того, у императора появилась привычка убивать.

Геродиан пишет:

«Хотя и казалось, что он посвящает все свое время пляскам и священнодействиям, он все же казнил

большое число знатных и богатых людей, на которых ему донесли как на неодобряющих и высмеивающих его образ жизни».

Убивать себя римляне не могли позволить; возмутились даже преторианцы, которым по долгу службы полагалось охранять особу императора. По словам Лампридия, «прежде всего, были умерщвлены различными способами соучастники его разврата: одних убили, отрубив им необходимые для жизни органы, другим пронзили нижнюю часть тела, чтобы их смерть соответствовала образу их жизни».

После этого пришел черед и Элагабала платить за веселую жизнь: императора убили в отхожем месте.

«Тело его солдаты таскали по улицам города, как труп собаки, и, издеваясь над ним по-солдатски, называли его взбесившейся от похоти сукой. Под конец, когда его тело не могло пройти в узкое отверстие клоаки (водостока), его протащили до самого Тибра и бросили в реку, привязав к нему груз, чтобы оно никогда больше не всплыло», – рассказывает Аврелий Виктор о том, как закончилось правление очередного плохого императора.

Убили и мать Элагабала – Юлию Соэмию. Ее тело тоже долго таскали по городу, позволяя бесчестить всякому желающему, и затем выбросили в Тибр.

А что же Юлия Меса? Она благополучно пережила расправу над недостойной императорской семьей. Недолго проливая слезы по убитым внуку и дочери, делательница римских императоров провела к трону второго внука – Александра. В его правление она умерла своей смертью в любимом ею императорском дворце.

«Меса, будучи уже престарелой, скончалась и удостоилась императорских почестей, или, как это считается у римлян, была обожествлена», – сообщает Геродиан.

Юлия Мамея

(185 – 235 годы)

Юлия Мамея, вторая дочь Юлии Месы, оставалась в тени, пока на троне безумствовал Антонин Гелиогабал и его мать, Юлия Соземия. Но даже в самые страшные времена она готовила сына к великому будущему.

Когда 12-летний сын Юлии Мамеи, Александр, был объявлен стараниями всемогущей бабки Цезарем и консулом, Элагабал (Гелиогабал) пожелал обучить юношу своим обычным занятиям – плясать, водить хороводы и творить разные мерзости. «Но мать Мамея отвращала его от занятий, постыдных и неприличных государям, – сообщает Геродиан, – она тайно приглашала учителей всяких наук, занимала его изучением разумных предметов, приучала к палестрам и мужским телесным упражнениям и давала ему эллинское и римское воспитание».

Как оказалось, Юлия Мамея занималась чрезвычайно опасными вещами, ибо Элагабал не терпел подле себя людей, лишенных пороков. Он страшно рассердился на Александра и жалел, что сделал его своим сыном и участником правления. По свидетельству Геродиана, «всех его учителей он прогнал из императорского дворца, а некоторых из них, самых знаменитых, казнил или осудил на изгнание, предъявляя самые смехотворные обвинения».

Для самого Александра наступило ужасное время.

Геродиан пишет:

«Мать Мамея не позволяла мальчику принимать какое-нибудь питье или пищу из того, что посылал Антонин; мальчик пользовался услугами поваров и виночерпиев не императорских и находившихся на общей службе, а выбранных его матерью и считавшихся наиболее надежными. Она незаметно давала деньги для тайной раздачи воинам, чтобы привлечь к Александру расположение и при помощи денег, к которым они более всего привязаны». Надо заметить, в то время именно денежные подачки легионерам и решали вопрос о назначении императора либо его свержении.

Несомненно, образованного юношу и его заботливую мать ждала гибель, если бы самого Элагабала преторианцы не утопили в Тибре.

В 13-летнем возрасте сын Юлии Мамеи занял римский трон. Древние авторы отзываются об Александре Севере (он взял это имя) как о хорошем императоре, и даже мать упрекала его в излишней благожелательности к подданным. Когда Юлия Мамея говорила сыну: «Ты сделал свое правление слишком мягким и не внушающим уважение к власти», он отвечал: «Зато – более спокойным и более продолжительным». – Не было ни дня, отмечает Лампридии, чтобы он не совершил какою-нибудь поступка, в котором не проявились бы кротость, любезность, благочестие, и при этом он не разорял государственного казначейства».

По причине юного возраста императора управление государством взяла на себя Мамея. В ее роду женщины привыкли властвовать, а единожды попробовав вкус власти, его уже невозможно забыть.

Юлия Мамея (Изображение на монете)

Геродиан так характеризовал начало правления сирийского юноши:

«Александр получил императорскую власть только по виду и названию, в действительности же ведение всех дел и государственное управление было всецело в руках женщин. Они пытались придать всему благоразумный и достойный вид». (Кроме матери бремя власти упорно тащила бабушка Юлия Меса.)

Картину дополняет Лампридий:

«Так как он достиг власти почти что мальчиком, то все дела он вел вместе с матерью, так что казалось, что и она – наравне с ним – пользуется императорской властью. Это была женщина праведная, но скупая, страстно любившая золото и серебро».

До некоторого времени заботы о сыне и государстве со стороны Юлии Мамеи были необходимы и полезны.

Вот что пишет Геродиан:

«Видя, что сын ее в цветущем возрасте, и опасаясь, как бы его цветущая юность, опирающаяся к тому же на безнаказанность и могущество власти, не ввергла его в

пучину наследственных пороков, она со всех сторон оберегала императорский двор, не позволяла приближаться к юноше никому из людей, известных дурным образом жизни, дабы как-нибудь не развратить его нрав, когда льстецы будут направлять его достигшие полного расцвета желания к страстям постыдным. Поэтому она убеждала его непрерывно в течение большей части дня разбирать судебные дела для того, чтобы, занимаясь делами важнейшими и необходимыми для императорской власти, он не имел времени предаваться какому-нибудь пороку. Александр и по своей природе обладал нравом кротким и мягким и был весьма расположен к человеколюбию, что он показал и в более зрелом возрасте».

Александр великодушно позволял матери хозяйничать в императорском дворце, его лишь огорчал один из самых больших пороков матери: «сребролюбие и непомерное усердие в этом». Безмерная жадность Мамеи заставляла ее совершать преступления, о чем свидетельствует Геродиан: «Ведь делая вид, что она накапливает богатства для того, чтобы Александр щедро и без труда мог делать приятное воинам, она умножала собственное состояние; иногда она навлекала нарекания на власть Александра тем, что против его воли и к его негодованию отнимала состояния и наследства некоторых людей на основании наветов».

По словам Аврелия Виктора, Юлия Мамея «принуждала сына к тому, чтобы он даже на пиршественный стол ставил те объедки, которые оставались от завтрака и обеда».

Вторым пороком Юлии Мамеи явилось непомерное властолюбие, которое поглощало женщину полностью и

без остатка, невольно делая ее врагом собственного сына. Александр подрастал в императорском кресле; он был неглуп, весьма образован и вполне мог принять бразды правления в свои руки. Но мать по-прежнему желала править Римом и сыном, причем делать это единолично.

Александр часто руководствовался советами Домиция Ульпиана; «мать сначала была против этого, а потом была благодарна Ульпиану». Впрочем, этот знаток римского права и опекун Александра был убит.

О чрезвычайно неприятной истории для Александра, в результате которой династия Северов не приобрела наследника (опять же она произошла по вине матери), повествует Геродиан.

«Мамея женила его на женщине из патрицианского рода, которую впоследствии выгнала из дворца, хотя и жила та с мужем в супружеском согласии и была любимым; надменная и желавшая одна быть государыней, завидуя ее званию, она дошла до столь великого бесчинства, что отец молодой женщины, как ни сильно был уважаем своим зятем Александром, не вынес притеснений Мамеи по отношению к нему самому и к его дочери, бежал в лагерь и, принося Александру благодарность за почести, ему прежде оказанные, жаловался на Мамею за все ее обиды. Она же в гневе повелела убить его, а дочь, выгнав из дворца, сослала в Ливию. Все это делалось против воли принуждаемого к этому Александра, ибо мать имела над ним чрезмерную власть, и все, ею приказанное, он исполнял. В том единственно можно упрекнуть его, что из-за чрезмерной кротости и большей, чем следует, почтительности к матери он повиновался тому, чего сам не одобрял».

Несмотря на откровенный диктат, который ни к чему хорошему не приводил, Александр к своей матери, по словам Лампридия, «относился с исключительной почтительностью; так, в Риме он устроил в Палатинском дворце апартаменты имени Маммеи, которые необразованный люд называет теперь „у Маммы“; в байской усадьбе он выстроил дворец с прудом, который и до сих пор еще именуется дворцом Маммеи».

Какова же причина самозабвенной покорности со стороны императора? Она может быть лишь одна: Александр принял христианство, проповедовавшее именно такое отношение к жизни. Множество подтверждений этой гипотезы мы найдем у Лампридия, и только она объясняет, почему Юлию Месу не постигла судьба Агриппины, матери Нерона.

В домашнем алтаре Александра Севера стояли изображения «некоторых особенно праведных людей, среди которых был и Аполлоний, а также, как рассказывает историк его времени, – Христос, Авраам, Орфей...»

Александр «хотел построить храм Христу и принять его в число богов... Но этому воспротивились те, которые, справившись в священных изречениях, нашли, что, если он это сделает, все станут христианами и прочие храмы будут заброшены».

И еще один пример явного покровительства христианам со стороны Александра Севера.

«Когда христиане заняли какое-то место, раньше бывшее общественным, трактирщики возражали против этого, выставя свои притязания, Александр в своем рескрипте написал: „Лучше пусть так или иначе

совершается поклонение богу, чем отдавать это место трактирщикам»».

Интересно отношение императора к смерти – кажется, что он сам искал венец мученика.

«Что Александр относился с презрением к смерти – это доказывает и та неустрашимость, с какой он всегда умирал воинов, и следующее обстоятельство. Астролог Тразибул был с ним в очень дружественных отношениях. Когда он сказал Александру, что тот обязательно погибнет от варварского меча, Александр сначала обрадовался, так как думал, что его ждет смерть на войне, достойная императора».

Александр погиб не на войне, а во время войны; он пал жертвой не вражеского меча, но предательства собственных воинов.

На тринадцатом году правления Александра пришло известие, что германцы перешли Рейн и опустошают римские владения. Видимо, силы врагов были небольшие, потому что римляне выступили в поход, уверенные в победе. Тем не менее легионы вел сам Александр, с ним находилась и вездесущая Юлия Мама.

Император, вместо того чтобы напасть на германцев, вступил с ними в переговоры и обещал «доставить им все, в чем они нуждаются, и не жалеть денег». Добрейший человек предпочел купить мир, нежели завоевать его ценой крови.

По римскому войску прошла волна возмущения: по вине прижимистой Мамы, больше заботившейся о собственном обогащении, легионеров и так не баловали, а теперь деньги, которые могли бы принадлежать им, хотят отдать врагам.

Легионеры не забыли времена, когда они сменяли императоров по своему желанию, и каждый щедро награждал взбунтовавшихся воинов. Еще лучше помнил подобную практику 60-летний Максимин – полуварвар, сын фракийского пастуха и аланской женщины. Он и уговорил на преступление часть солдат привычным способом. «Приобретя их благосклонность и преданность, он удвоил их довольствие, обещал великие раздачи и дары, отменил все наказания и взыскания и отправился с ними» в лагерь Александра.

Последние минуты жизни Александра Севера и Юлии Мамеи подробно описаны Геродианом.

У палатки императора собралась толпа мятежников. «Некоторые из них требовали выдачи им для расправы командующего войском и друзей Александра... Другие бранили мать, как сребролюбивую и скопидомку, так как Александр вызвал к себе ненависть скарედностью и тем, что неохотно прибегал к раздачам. Выкрикивая подобного рода обвинения, они... призывали воинов оставить скаредную бабу и трусливого мальчишку, раба своей матери, и присоединиться к сильному и разумному мужу, соратнику, который всю жизнь провел среди оружия и в ратных делах; воины, убежденные этим, покидают Александра. Присоединяются к Максиминому, и все провозглашают его императором.

Александр же, трепеща и теряя присутствие духа, с трудом возвращается в свою палатку; обняв мать и, как говорят, горько жалуясь и обвиняя ее, что из-за нее он это претерпевает, покорно стал ожидать убийцу. В это время Максимин, провозглашенный Августом всем войском, посылает трибуна и нескольких центурионов убить Александра и его мать, и тех из его окружения, кто

окажет сопротивление. Они, придя на место и ворвавшись в палатку, убивают его самого и мать, и тех, кто слыл его другом и приближенным. Немногим из них удалось ненадолго бежать или скрыться; всех их впоследствии Максимин схватил и предал смерти».

Так окончилась эпоха власти на римском троне сирийских женщин: Юлии Домны, Юлии Месы, Юлии Созмии, Юлии Мамеи. Последняя достигла наибольшего могущества, но и ее погубили пороки, хотя они и кажутся незначительными в сравнении с тем, что творили Элагабал (Гелиогабал) и его мать. Высокое положение дает возможность делать все что угодно, – типичное заблуждение сильных мира сего; но забываться нельзя: ошибки не прощаются даже императрицам. Как, впрочем, и преступления не остаются без наказания. О чем свидетельствует судьба Максимиана – убийцы Александра и его матери.

«Юлий Максимин, фракиец из солдат, правил три года, – читаем у Аврелия Виктора. – Он преследовал имеющих много денег, как виновных, так и невинных, и был растерзан вместе с сыном у Аквилеи во время мятежа солдатами, кричавшими с обычной для них грубостью, что он плохой породы и потому не надо ему оставлять щенка».

Галла Плацидия

(388 – 450 годы)

Галла Плацидия была дочерью римского императора Феодосия I и сестрой императоров Аркадия и Гонория.

Галле Плацидии довелось жить в труднейшее для Рима время, когда рушилось все, что ранее казалось вечным и незыблемым.

Ей было всего 7 лет, когда умер отец, окончательно разделив империю на Западную и Восточную. Западная часть досталась 11-летнему Гонорию. Не унаследовавший от отца ни смелости, ни способностей, Гонорий оставил Рим в страхе перед варварскими вторжениями и обосновался в более спокойной Равенне. Защищать Рим и всю империю было поручено талантливому военачальнику, вандалу по происхождению, Стилихону.

В доме Стилихона и его жены Серены жила Галла Плацидия.

Вандал на службе императора весьма успешно отражал натиск слетавшихся со всего мира на ослабевший Рим варваров. Дважды ему удалось нанести поражение вождю вестготов Алариху отбив у него желание нападать на Италию. Однако в среде знатных римлян росло недовольство тем, что неримлянин занимает высокий пост в государстве. В результате интриг Гонорий в 408 году приказал казнить Стилихона, и тем лишил Рим военачальника, который мог его реально защитить.

После смерти главного врага Аларих трижды осаждает Рим (в 408, 409 и 410 годах). Последнее нападение осмелевшего Алариха оказалось удачным – 24 августа 410 года Вечный город пал и был безжалостно разграблен готами.

Любопытную историю рассказывает Прокопий Кесарийский.

После того как Аларих овладел Вечным городом, в Равенне к императору Гонорию приближается один из его евнухов, смотритель из птичника, и сообщает, что Рим погиб.

– Да ведь я только что кормил его из своих рук! – воскликнул изумленный император.

Дело в том, что у него был огромный петух по имени Рим; евнуху пришлось объяснять, что погиб город Рим от руки Алариха. Успокоившись, император сказал:

– А я-то, дружище, подумал, что погиб мой петух Рим.

«Столь велико, говорят, было безрассудство этого василевса», – заключает Прокопий.

Добычей вестготов стала и Галла Плацидия, которая продолжала жить в Риме и после смерти Стилихона. Рим пал, и она вынуждена была бродить с войском Алариха по Италии, пока вождя вестготов не настигла смерть.

Корона Алариха досталась Атаульффу, а вместе с ней и сиятельная пленница становится собственностью нового вождя.

Атаульф пытался обменять Галлу Плацидию на хлеб для его войска, однако Гонорий даже при всем желании

не смог выполнить условия сделки. Италия была полностью разорена готами. Во время осады Рима Аларихом процветало людоедство. Неплохо постарался и сам Атаульф. «Приняв власть, – сообщает Иордан, – вернулся в Рим и наподобие саранчи сбрил там все, что еще оставалось, обобрав Италию не только в области частных состояний, но и государственных...»

Пришлось Атаульфу уводить с собой и Галлу Плацидию. Благодаря Олимпиодору мы знаем о том, что дальше произошло.

По пути вождь вестготов влюбился в свою пленницу и, «принимая во внимание благородство ее происхождения, внешнюю красоту и девственную чистоту», варвар решил сочетаться с ней законным браком.

Свадьба состоялась в Нарбоннской Галлии, в доме некоего Ингения – первого человека в городе. Галла Плацидия сидела в украшенном в римском стиле атриум – в царском уборе; жених также был облачен в римские одеяния. Так пленница начала превращать могущественного варвара в римлянина.

Свадебные подарки готского вождя были весьма неплохими; впрочем, их можно считать приданым, взятым готами без дозволения римского императора.

«Среди прочих свадебных даров Атаульф подарил пятьдесят красивых юношей, одетых в шелковые одежды; каждый из них держал на руках по два больших блюда, полных одно золотом, а другое ценными, вернее, бесценными камнями, которые были похищены в Риме после взятия города готами... Брак был совершен при

общем весельи и радости и варваров, и находившихся среди них римлян».

Атаульф был хорош во всех отношениях. Иордан говорит о нем как о муже, выдающемся и внешностью, и умом, «потому что он был похож на Алариха, если не высотой роста, то красотой тела и благообразием лица». При всех своих положительных качествах и огромной власти Атаульф великодушно исполнял любой каприз Галлы Плацидии. Именно она спасла Италию и Рим от нового нашествия вестготов.

«Гонория же Августа, хотя и истощенного силами, он (полный расположения к нему) не тронул, теперь уже как родственника, и двинулся к Галлиям. Когда он туда прибыл, все соседние племена из страха стали придерживаться своих пределов; раньше же они, как франки, так и бургундионы, жесточайшим образом нападали на Галлию» (Иордан). А ведь до прибытия в Нарбонну Атаульф, согласно Орозию, «горел желанием стереть самое имя Римское, а всю землю Римскую превратить в империю готов и назвать ее таковою».

Атаульф навел порядок в Галлии и перебрался в Испанию, которая сильно страдала от набегов вандалов. Избрав своей столицей Барселону, властный вестгот в три года очистил Пиренеи от африканских пришельцев. Здесь же Галла Плацидия родила сына; ему было дано имя, совершенно чуждое вестготам, – Феодосии. И оно свидетельствует о колоссальном влиянии и авторитете сестры Гонория в среде, чужой ей по рождению. Однако Феодосию не суждено было стать новым королем вестготов – он умер в младенчестве. Атаульф и Плацидия

«очень горевали о нем и похоронили его в серебряном гробу в одной обители» около Барселоны.

Вскоре, в 415 году, погиб и сам Атаульф. Древние авторы предлагают разные версии его гибели. Это неудивительно, ибо у человека, воевавшего со всей Европой, врагов было множество. Впрочем, предпочтение отдается бытовым мотивам.

Согласно Олимпиодору Атаульфу убил «один из его приближенных готов, именем Дувий, поджидавший в своей старинной вражде этого часа: его прежний господин, вождь, принадлежавший к готской части, был убит Атаульфом, который и взял с того времени Дувия в свою дружину».

У Иордана причина смерти Атаульфа – тоже месть, но другого характера: вождь вестготов «пал, пронзенный мечом Эвервульфа в живот, – того самого, над ростом которого он имел обыкновение насмехаться».

Весьма правдоподобна версия Орозия: «Так как он (Атаульф) усерднейшим образом следовал ее (своей жены Галлы Плацидии) просьбам и предложениям о мире, то и был убит в испанском городе Барселоне, как рассказывают, вследствие козней своих (готов)».

Атаульф, умирая, приказал своему брату вернуть Плацидию в Рим и, «если они смогут, сохранить дружбу с римлянами» (Олимпиодор). Но прежде чем была исполнена последняя воля умирающего мужа, Галле Плацидии пришлось пережить много неприятных дней.

Преемником Атаульфа стал Сингерих, и он совсем не разделял проримскую ориентацию прежнего короля готов. По свидетельству Олимпиодора, «он истребил

детей Атаульфа от первой жены, вырвав их силой из объятий епископа Сигесара, императрицу же Плацидию велел, в издевку над Атаульфом, заставить идти перед (своей) лошадью вместе с прочими пленницами, а расстояние, на которое они должны были его провожать, тянулось до двенадцатой мили от города».

К счастью для Плацидии, он правил всего семь дней, а затем был убит. Следующий король готов – Валия, «человек строгий и благоразумный», держал Плацидию на положении почетной пленницы.

Наконец, участие в судьбе сестры принял император Гонорий. Он отправил с войском Констанция, «мужа сильного в военном искусстве и прославленного во многих битвах», чтобы «освободить сестру свою Плацидию от позора подчинения (варварам)». Награда военачальнику была аналогичной поощрениям к подвигам в старых добрых сказках. Гонорий пообещал Констанцию, как сообщает Иордан, «что если тот войной ли, миром ли, или любым способом, как только сможет, вернет ее в его государство, то он отдаст ее ему в замужество».

Воинственный пыл Констанция угас, когда он подошел к теснинам Пиренеев. Дело закончили миром: готский король согласился вернуть на родину Галлу Плацидию за 600 тысяч кентинариев хлеба.

Возвращение в Италию после шести лет скитаний не принесло много радости Плацидии. Она с удивлением узнала, что является наградой храброму Констанцию; перспектива брака с римским полководцем ей была ненавистнее союза с варваром Атаульфом. «Она упорно не соглашалась на него и возбудила против Констанция всех своих слуг, – повествует Олимпиодор. – Тем не

менее в день вступления своего в консульство (1 января 417 года) император Гонорий, ее брат, насильно взял ее за руку и вручил Констанцию. Брак был отпразднован роскошным образом. Затем у них родилась дочь, которую они называли Гонорией, а потом сын, которому дали имя Валентиниан».

Галла Плацидия извлекала пользу из любых, самых неприятных ситуаций, в которые она попадала. Ее малолетний сын получил титул нобилиссима, причем «Плацидия принудила к этому брата». Что же значил этот титул?

Он был установлен при императоре Константине (правил в 306 – 337 годах) и считался следующим по значимости после титула цезаря, который получали наследники престола. Обычно он давался несовершеннолетним сыновьям императора. Так как Гонорий не имел детей, вполне понятно, на какую должность готовила Галла Плацидия своего сына. Титул был важной ступенькой на пути к императорскому трону, и Плацидия ее одолела, несмотря на нежелание Гонория видеть своим наследником Валентиниана.

В 421 году муж Галлы Плацидии, Констанций, был объявлен соправителем Гонория. Собственный брат и муж объявили Плацидию Августой.

Императорство Констанций получил «почти против воли» Гонория, и самое интересное, самому Констанцию этот титул был нужен, как телеге пятое колесо. «С Констанцием приключилась болезнь, – рассказывает Олимпиодор, – и императорская власть ему опротивела, потому что он не мог больше по своей воле, как прежде, уходить куда хотелось и возвращаться когда хотелось, и ему, императору, нельзя забавляться тем, чем он привык

забавляться. Прочарствовав семь месяцев... он скончался от болезни легких».

Видимо, претензии Галлы Плацидии были слишком велики. В 423 году дело дошло до ссоры с императором Гонорием, и Галла Плацидия с маленьким Валентинианом была вынуждена отправиться в Константинополь. Олимпиодор говорит и о том, что причиной бегства Плацидии стала отнюдь не братская любовь со стороны Гонория. «Расположение Гонория к собственной сестре после смерти ее мужа Констанция стало таково, что их безмерная любовь и частые поцелуи в уста внушили многим постыдные подозрения».

В том же 423 году император Гонорий скончался. Как только Галла Плацидия узнала о его смерти, от имени своего сына она предъявила права на императорский престол.

Борьба предстояла серьезная, ибо власть в Равенне (которая стала столицей Западной Римской империи) захватил Иоанн. Войска возглавляли Галла Плацидия и ее сын Валентиниан, которому было всего 6 лет. Однако сына Плацидии признал императором Феодосий, находившийся в то время на троне в Константинополе. Армия Восточной империи оказалась более боеспособной, и власть передали сыну Плацидии.

Олимпиодор пишет:

«Валентиниан, захватив Иоанна живым, велел отправить его на ипподром Аквилеи, отрубить ему одну руку, провезти его перед народом посаженным на осла и, заставив испытать множество оскорблений от слов и действий мимов, казнил».

Галла Плацидия с детьми (Стекло, роспись золотом. III – IV вв.)

Мать Валентиниана, пользуясь малолетством сына, сама правила Западной империей. Болезненно пережив утрату своего первенца Феодосия, Галла Плацидия всю материнскую любовь отдавала подраставшему Валентиниану. Ни к чему хорошему это не привело. Олимпиодор так характеризует сына Плацидии: император вырос «в распущенной неге и роскоши, и поэтому предавался всяким порокам. Он по большей части общался со знахарями и с теми, кто гадают по звездам; он безумно предавался любовным связям с чужими женами, ведя незаконный образ жизни, хотя жена его была исключительной красавицей».

Валентиниан мог беззаботно предаваться развлечениям до тех пор, пока была жива Галла

Плацидия. Она умерла в 450 году. В последующие годы Валентиниан «не только не вернул державе что-нибудь из того, что было раньше отторгнуто, но и потерял Ливию, да и сам погиб».

Тем ярче на фоне бездарностей и катастроф вспыхнула звезда Галлы Плацидии, прожившей долгую, полную приключений жизнь; при этом красивейшая и желаннейшая женщина оказывала влияние на историю Европы. Если бы не ее старания, возможно, Западная Римская империя пала бы под ударами варваров на несколько десятилетий раньше.

Мавзолей Галлы Плацидии сохранился до наших дней. В 1996 году он (вместе с другими раннехристианскими памятниками Равенны) был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Кажется, дух великой женщины до сих пор обитает в стенах древней крестовокупольной постройки из кирпича и будоражит умы пришедших на место последнего ее пристанища.

Невероятные явления, происходившие во время посещения гробницы Галлы Плацидии, описал Карл Густав Юнг в книге «Воспоминания, сновидения, размышления»:

«Когда я впервые посетил Равенну в 1914 году, гробница Галлы Плацидии уже тогда произвела на меня глубокое впечатление – казалось, она удивительным образом притягивала меня. 20 лет спустя я снова испытал это необыкновенное чувство. Я пошел туда с одной знакомой дамой, и по выходе мы сразу попали в баптистерий. Первое, что меня потрясло, это мягкий

голубой свет, который заливал все помещение. Но я не воспринимал его как некое чудо, не пытался понять, где его источник, почему-то это не имело для меня значения. Тем не менее я был удивлен, что на месте окон, которые я еще помнил, теперь располагались четыре огромные необычайно красивые мозаичные фрески. Но я решил, что просто забыл о них, и даже слегка огорчился, что память моя оказалась столь ненадежной. Мозаика на южной стене представляла крещение в Иордане, вторая – на северной – переход детей Израилевых через Красное море; третья, восточная, в моей памяти не сохранилась. Возможно, она изображала Немана, очищающегося от проказы в Иордане, – этот сюжет я хорошо знал по библейским гравюрам Мериана. Но самой необычной оказалась последняя, четвертая мозаика на западной стене баптистерия. На ней был Христос, протягивающий руку тонущему Петру. Мы стояли перед ней минут двадцать и спорили о таинстве крещения, об изначальном обряде инициации, который таил в себе реальную возможность смерти. Инициация действительно представляла опасность для жизни, включая в себе архетипическую идею о смерти и возрождении. И крещение изначальное было реальным „утоплением“, когда возможно было, по меньшей мере, захлебнуться.

Сюжет о тонущем Петре сохранился в моей памяти с поразительной отчетливостью. Я и сегодня представляю его до последней мелочи: синеву моря, отдельные мозаичные камни с надписями у губ Петра и Христа (я пытался их расшифровать). Покинув баптистерий, я сразу же заглянул в лавку, чтобы купить фотографии мозаики, но их не оказалось. Времени было мало, и я отложил покупку, полагая, что смогу заказать открытки в Цюрихе.

Уже будучи дома, я попросил одного знакомого, который собирался в Равенну, привезти мне эти открытки. Но ему не удалось их найти, и немудрено – он обнаружил, что описанной мной мозаики нет вообще. И не было.

Между тем я уже успел рассказать об исходных представлениях о крещении как инициации на одном из моих семинаров и, естественно, упомянул те мозаики из баптистерия. Я отлично помню их по сей день. Моя спутница еще долго отказывалась верить, что того, что она «видела своими глазами», не существует.

Мы знаем, как трудно определить, в какой степени два человека одновременно видят одно и то же. Но в этом случае я мог с уверенностью утверждать: мы видели мозаику, по крайней мере, в главных чертах.

Случай в Равенне – одно из самых невероятных событий в моей жизни. Едва ли он поддается объяснению. По-видимому, некоторый свет в данном случае прольет один сюжет из средневековой хроники об императрице Галле Плацидии. Зимой, когда она плыла из Константинополя в Равенну, разразилась страшная буря. Тогда она дала обет, что, если спасется, построит церковь, на стенах которой будут изображены сюжеты об опасностях моря. Императрица исполнила обещание, выстроив базилику Сен-Джованни в Равенне и украсив ее мозаиками. Позже базилика вместе с мозаиками сгорела, но в Милане, в Амбросиане, все еще хранился рисунок, изображавший Галлу Плацидию в лодке.

Образ Галлы Плацидии необыкновенно взволновал меня, я часто спрашивал себя, как получилось, что такая утонченная и образованная женщина связала свою жизнь с каким-то царем варваров. Мне показалось, что ее

гробница – единственная память о ней – поможет мне постигнуть ее характер и судьбу. Она в каком-то смысле сделалась частью моего существа – историческим воплощением моей анимы. При такой проекции появляется некий бессознательный элемент, который заставляет забыть о времени и испытать чудо видения. И в этот момент оно почти не отличается от действительности...»

Юста Грата Гонория

(418 год – ?)

Гонория была не менее амбициозна, решительна и властолюбива, чем мать – Галла Плацидия. Однако ее брат, император Валентиниан, уготовил Гонории иную судьбу. Как сообщает Иордан, дочь Плацидии «по воле брата содержалась в состоянии девственности ради чести дворца».

Монашеская жизнь была в тягость Юсте Грате Гонории. Она несколько раз пыталась нарушить вырванный силой обет, но евнухи строго берегли целомудрие принцессы. Шли годы, в тоске и одиночестве проходила молодость. Гонории было уже за 30 лет, когда она решилась на отчаянный поступок.

Галла Плацидия, как мы знаем, была женой короля вестготов Атаульфа, ее дочь тоже решила связать судьбу с варваром. Но если брак Плацидии принес мир Риму, то брачную авантюру Гонории Иордан называет «вовсе недостойным деянием». Коварная затворница вознамерилась «купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства». Увы! Дочь Плацидии унаследовала от матери любовь к власти, но не любовь к родине.

Гонории удалось тайком послать евнуха к Аттиле – свирепому вождю гуннов. Она передала с гонцом кольцо и письмо, в котором сестра императора предлагала себя в жены Аттиле; оставалось только приехать в Рим и забрать ее.

Жениться Аттила любил, он часто совершал бракосочетания – как бы между делом. Об одной такой свадьбе рассказывает Приск Панийский, участник посольства к вождю гуннов в 448 году: «Проехав некоторое пространство вместе с варваром, мы свернули на другую дорогу по приказанию наших проводников – скифов, объяснивших, что Аттила должен заехать в одну деревню, в которой он хотел жениться на дочери Эскама, хотя он уже имел множество жен, но хотел еще взять и эту по скифскому обычаю».

В недоброе время Гонория обратилась к Аттиле. Ее избранник только что потерпел страшное поражение в битве на Каталаунских полях (территория современной Франции) от объединенного войска римлян, вестготов, бургундов и прочих народов (451 год). В битве с обеих сторон пало 165 тысяч человек. И все же Аттила встретил предложение Гонории с юношеским задором – он надеялся кроме руки немолодой Гонории получить в приданое половину Западной Римской империи, а заодно посчитаться с римлянами за недавнее поражение.

Так как римский император не спешил доставить к Аттиле счастливую невесту, вождь гуннов очень рассердился. Первой его ярость ощутила Аквилея, расположившаяся на северном берегу Адриатического моря. С помощью осадных и всякого рода метательных машин гунны «немедля врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов. Еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венетским городам. Опустошают они также Медиолан, главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разметывают Тицин, истребляя с

яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию». Так пишет Иордан.

Аттила «объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию, сестру Валентиниана, дочь Платидии Августы, с причитающейся ей частью царских сокровищ».

Римляне были бы и рады отдать Аттиле Гонорию, чтобы прекратить уничтожение городов варварскими ордами, но ее уже не было в Риме. Накануне появления жениха сестру императора спешно отправили в Константинополь и выдали замуж за первого попавшегося мужчину.

[10] , обещая соблюдать мир».

Как только гунны покинули Италию, обиженный жених вновь принялся громить всю Европу. Его гнев обратился и на Константинополь, приютивший его невесту. Аттила, по словам Иордана, «послал послов к Маркиану, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным Феодосием, и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами. Поступая таким образом, он, лукавый и хитрый, в одну сторону грозил, в другую – направлял оружие, а излишек своего негодования (излил), обратив свое лицо против вестготов».

В 453 году пришла желанная для всех племен, а также для римлян смерть Аттилы, «которая, – делает

¹⁰ [x] Дунай

вывод Иордан, – оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна.

Ко времени своей кончины он... взял себе в супруги – после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, – девушку замечательной красоты по имени Ильдиго. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю».

Юста Грата Гонория не сумела в жизни совершить что-то, что было бы достойно пера историков, за исключением очень неудачной попытки выйти замуж.

Амаласвинта

(после 495 года – 535 год)

В 476 году римский император Ромул Августул был свергнут Одоакром – вождем союза племен германского и негерманского корня. Это событие можно считать концом Римской империи на Западе. Италия превратилась в арену борьбы различных варварских группировок, и римлянам уже не было места в этих разборках.

Затем в Италию ворвался новый хищник – вождь остготов Теодорих. Более двух лет он осаждал Равенну – не даром этот город избрали своей столицей последние римские императоры. Готы вошли в Равенну по мирному договору, согласно которому Теодорих и Одоакр должны были вместе жить в Равенне и пользоваться одинаковыми правами. Но кто желает делиться властью? В марте 493 года Теодорих пригласил Одоакра на пир и убил его своей рукой. Воины Одоакра признали власть сильнейшего, и Теодорих стал править единолично. Как пишет Прокопий Кесарийский, «он не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал скромно называться и в дальнейшем Rex».

В 495 году, как сообщает Иордан, Теодорих отправил посольство к Хлодвигу, «франкскому королю, испрашивая себе в супружество дочь его Аудефледу, на что тот благосклонно и милостиво согласился». От этого брака и родилась Амаласвинта (Амаласунта).

Теодорих был хорошим правителем. «Он в высшей степени, – пишет Прокопий, – заботился о правосудии и справедливости и непреклонно наблюдал за выполнением законов; он охранял неприкосновенной свою страну от соседних варваров и тем заслужил высшую славу мудрости и доблести».

Лишь одна печаль была у Теодориха (та самая печаль, что угнетала большинство римских императоров) – у него не было наследников мужского пола. И тогда, как человек, привыкший находить выход из любой ситуации, Теодорих закрыл вопрос с помощью Амаласвинты. Он узнал, что в Испании живет Евтарих, «который и в юношеском возрасте выделялся благоразумием, доблестью и совершенством телосложения» (Иордан). Однако не только хорошие качества вызвали интерес короля к юноше, живущему в далекой Испании. Евтарих являлся прямым потомком древнего и почитаемого у готов рода Амалов, а значит, его сыновья были бы прямыми потомками Германариха, заставившего весь мир узнать могущество готов.

В 515 году Теодорих выдал дочь замуж и благополучно дождался рождения внука – Аталариха.

Перед смертью Теодорих созвал представителей дружин варварских вождей, а также представителей знатных варварских родов и, как пишет Иордан, «поставил королем Аталариха, сына дочери своей Амаласвинты, мальчика, едва достигшего десяти лет, но уже потерявшего отца своего, Евтариха».

Ввиду малолетства нового короля (согласно Прокопию Кесарийскому ему было 8 лет) королевством остготов с 526 года стала править Амаласвинта. И она довольно неплохо справлялась со своими обязанностями.

Вот что об этом сказано у Прокопия.

«Будучи опекуной своего сына, Амаласвинта держала власть в своих руках, выделяясь среди всех своим разумом и справедливостью и являя по своей природе вполне мужской склад ума. Пока она стояла во главе правления, ни один римлянин не был подвергнут ни телесному наказанию, ни конфискации имущества; равным образом и готам, которые под влиянием своей вспыльчивости и неводержанности хотели проявить против них несправедливость, она этого не разрешала...»

Амаласвинта не только хотела примирить пришельцев готов с коренным населением, но и сына воспитывала так, чтобы он «по своему образу жизни был совершенно похож на первых лиц у римлян». Маленького короля она заставила посещать школу, где с ним занимались умудренные опытом римские учителя. Также она выбрала из числа готских старейшин трех наиболее умных и уважаемых и велела им постоянно находиться при Аталарихе.

Все это не понравилось готским вождям: на римлян они предпочитали смотреть, как на покоренный народ, и желали пользоваться правом завоевателей. Естественно, они полагали, что при таком воспитании их король позабудет милые готскому сердцу варварские обычаи. Поэтому первый конфликт с регентшей у них возник из-за воспитания Аталариха.

«Как-то мать, взяв его к себе в спальню, за какой-то проступок наказала розгами, он весь в слезах пошел оттуда в обеденную залу мужей, – рассказывает Прокопий Кесарийский. – Готы, встретив его в таком виде, пришли в сильный гнев и, браня Амаласвинту, утверждали, что она хочет возможно скорее лишить

жизни своего сына, чтобы самой, выйдя замуж за другого, вместе с ним властвовать над готами и италийцами.

И вот собрались те, которые у готов считались наиболее высокопоставленными, и, придя к Амаласвинте, обвиняли ее, что сын ее воспитывается... неправильно, и не так, как следует для их вождя; что науки очень далеки от мужества, а наставления старых людей по большей части обычно приводят к трусости и нерешительности.

Потому необходимо, чтобы тот, кто в будущем хочет быть смелым в любом деле и стать великим, был избавлен от страха перед учителями и занимался военными упражнениями. Они говорили, что и Теодорих не позволял никому из сыновей готов посещать школы учителей; что он всегда говорил, что если у них явится страх перед плеткой, то они никогда не будут способны без страха смотреть на меч или копье.

Они предлагали ей подумать о том, что ее отец Теодорих умер, казавшись владыкой столь великой страны, захватив не принадлежавшую ему императорскую власть, хотя о всяких науках он не слышал даже краем уха. «Так вот, государыня, – сказали они, – всем этим педагогам отныне вели убираться подобру-поздорову, а Аталариху дай товарищами кого-нибудь из сверстников, которые, проводя с ним цветущие годы, будут побуждать его к доблести, согласно нашему варварскому обычаю»».

Амаласвинте пришлось сделать вид, что ей по душе речи готских вождей. Она удалила от сына мудрых старейшин, и теперь воспитанием Аталариха занялись молодые готы. Результаты обучения по их методике были весьма плачевны. «По мере того как он (Аталарих)

становился взрослым, они стали побуждать его к пьянству, к общению с женщинами, окончательно портили его характер и, пользуясь его неразумием, внушали ему непослушание матери, так что он вообще не считал нужным считаться с ней, тем более что и из варваров многие уже восставали против нее и без стеснения требовали, чтобы она, женщина, сложила царскую власть» (Прокопий).

Амаласвинта не испугалась недовольства готов, не проявила женской слабости; достойная дочь Теодориха показала свою власть во всем величии. Она заручилась поддержкой императора Восточной Римской империи, а затем приказала уничтожить трех самых влиятельных возмутителей спокойствия в государстве.

Однако все меры оказались бесполезными. Ее сын, Аталарих, «предавшись безграничному пьянству впал в болезнь и в полный маразм». В 534 году он умер.

После кончины Аталариха, внука Теодориха, у королевы-регентши не осталось больше причины занимать трон; гордая варварская знать и до смерти молодого короля неохотно терпела над собой власть женщины. Но покидать Равенну Амаласвинте очень не хотелось, и она решается на очередную авантюру: предлагает своему двоюродному брату Теодату взять ее в жены.

Характер этого человека вполне подходил для планов Амаласвинты. По описанию Прокопия, «Теодат, сын Амальфриды, сестры Теодориха, человек уже преклонных лет, знающий латинский язык и изучивший платоновскую философию, но совершенно неопытный в военном деле; у него не было никакой энергии, но корыстолюбие его было непомерное».

Амаласвинте как раз и нужен был человек, совершенно не смыслящий ни в политике, ни в управлении государством, – она надеялась сама управляться с империей Теодориха. Однако властная женщина не учла такого важного фактора, как подлость человеческая. Она и не подозревала, что новый супруг имеет на нее зуб. Дело в том, что Теодат был самым крупным землевладельцем Этрурии (Тосканы). Он увеличивал свои надельные земли не совсем законным способом, отбирая земли сопредельных пользователей: «иметь соседа для Теодата казалось своего рода несчастьем». Амаласвинта старалась прекратить подобное своеволие, и «за это она заслужила его вечную ненависть; он не мог терпеть ее».

Амаласвинта не считала прежние разногласия с родственником существенными; они тем более казались мелочными в сравнении со смертью сына и будущей судьбой государства. Теодат был любезно приглашен на мужскую половину трона в Равенне. Амаласвинта, по свидетельству Прокопия, обезопасила себя от происков мужа, но очень ненадежным способом. «Самыми страшными клятвами он должен обязаться, что к нему, Теодату, переходит только титул короля, а что сама Амаласвинта, как и прежде, будет обладать все той же фактической властью. Когда Теодат это услышал, он поклялся во всем, что было угодно Амаласвинте, но согласился он на это со злым умыслом, помня, что раньше она сделала против него. Таким образом, Амаласвинта, обманутая и собственными намерениями, и клятвенными обещаниями Теодата, провозгласила его королем».

Клятвы забываются особенно скоро среди людей, наделенных высокой властью, при этом вспоминаются с

особой силой причиненные кем-либо обиды – ведь появляется возможность отомстить. Из-за своей трусливости Теодат не осмелился поднять руку на женщину, которая его облагодетельствовала. Он приблизил к себе родственников тех готов, что были убиты по приказу Амаласвинты, – «а их среди готов было много, и они пользовались большим почетом». В один из дней люди Теодата перебили сторонников Амаласвинты, а ее саму заключили под стражу.

По словам Прокопия, Теодат некоторое время держал Амаласвинту в своих владениях. «В Этрурии (Тоскане) есть озеро, под названием Вульсина, в середине которого находится остров, сам по себе очень маленький, но имеющий сильное укрепление». Здесь и была заключена королева готов.

Заточение было недолгим, ибо Теодат не без оснований опасался, что такой поступок рассердит могущественного соседа – императора восточных римлян Юстиниана. Последний покровительствовал Амаласвинте. Торопили смерть королевы и союзники Теодата: родственники тех готов, которые были уничтожены Амаласвинтой, явились к Теодату и заявили, что ни они, ни он не смогут чувствовать себя в безопасности, пока будет жива свергнутая королева.

Таким образом, Амаласвинта, «прожив в печали весьма немного дней, была задушена в бане» (Иордан). Скорее всего, она задохнулась от горячего пара. Такая казнь практиковалась в Италии довольно давно. Во времена 2-й Пунической войны кампанцы заперли в бане захваченных римлян и топили ее до тех пор, пока пленники не погибли от пара и жары.

Смерть Амаласвинты «вызвала огромную печаль среди всех италийцев и остальных готов: эта женщина... в высокой степени выдавалась всякого рода достоинствами», – отмечает Прокопий Кесарийский. Убийство королевы разгневало Юстиниана. Теодат трусливо пытался убедить императора, «что это кровавое дело совершено готами менее всего по его желанию и с его согласия, наоборот, напротив его воли и при всяком его противодействии».

Слезные просьбы не разжалобили Юстиниана. В Италию вторгся лучший его полководец Велизарий и после долгих лет борьбы захватил всю страну. Теодата убили свои же подданные – готы. В 554 году королевство остготов было полностью завоевано Византией.

Примечания

1

[i] Пирр (319 – 273 годы до н э) – царь Эпира (государства в Северной Греции), крупнейший полководец эллинистической эпохи. Воевал в Италии во время конфликта Тарента с Римом. В битве при Геракле в 280 году до н. э. его наемное войско нанесло римлянам поражение, в 279 году до н. э. при Аускуле Пирр вновь разбил римлян, но его армия понесла такие потери, что полководец воскликнул «Еще одна такая победа – и я останусь без войска!». (Отсюда идет выражение «Пиррова победа» – победа, равнозначная поражению.) Затем Пирр отплыл на Сицилию, где был разбит карфагенянами и мамертинцами. Переправившись в Грецию, победил царя Македонии Антигона. В поисках новых приключений воинственный царь Эпира отправился на Пелопоннес, где и погиб в уличном бою за город Аргос.

2

[ii] Встречается также вариант Софонисба, ее пунийское имя – Сафанбаал.

3

[iii] Сифак (Сифакс) – царь западных нумидийцев, соседствовавших с маврами Масинисса – царь восточных нумидийцев

4

[iv] Все эти вещи (кроме чаши) были в Риме знаками отличия полководца-триумфатора, а также традиционным подарком для царей. Подобные вещи получили Сифак, когда считался союзником Рима.

5

[v] Дикторское сопровождение, полагавшееся должностным особам.

6

[vi] Не достигшие 16-летнего возраста

7

[vii] То есть на каторгу

8

[viii] Сатурналии 17 – 19 декабря, Германик умер 10 октября 19 года

9

[ix] «Лестница рыданий» – спуск с Капитолийского холма к Тибру, по которому крючьями тащили в реку тела казненных

10

[x] Дунай